

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

На правах рукописи

ПАСТУХОВА ОКСАНА ДМИТРИЕВНА

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЭФЕМИЗМОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ
(на материале английского и русского языков)**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент Власян Гаянэ Рубеновна

Челябинск – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ	12
§ 1.1 Политический дискурс: подходы к определению и функциональные особенности	12
1.1.1 Различные подходы к определению политического дискурса ...	12
1.1.2 Функции политического дискурса	16
1.1.3 Политический медиадискурс как разновидность политического дискурса	20
§ 1.2 Эвфемизмы как средство смягчения денотата	25
1.2.1 История возникновения эвфемизмов и политкорректной речи. ...	25
1.2.2 Понятие и сущность эвфемизмов	33
1.2.3 Классификации и виды эвфемизмов	41
1.2.4 Функции эвфемизмов	51
§ 1.3 Хеджирование как прагматическая стратегия смягчения	59
1.3.1 Определение понятия хеджирования	59
1.3.2 Классификация хеджей	64
1.3.3 Функции хеджирования	76
Выводы по главе I	79
ГЛАВА II. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНО- ПРАГМАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭВФЕМИЗМОВ В АМЕРИКАНСКОМ И РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ	82
§ 2.1 Структурные и словообразовательные особенности эвфемизмов в сопоставляемых языках	82
§ 2.2 Тематическая классификация эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе	90

§ 2.3 Функционально-прагматические особенности эвфемизмов в сопоставляемых дискурсах	126
§ 2.4 Хеджи как разновидность функциональных эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе	140
Выводы по главе II	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	159
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	163

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена сопоставительному анализу эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе. Эвфемизация речи вызывает особый исследовательский интерес. Являясь вариативными средствами языка, эвфемизмы зависят как от статуса коммуникантов, так и от непосредственной ситуации общения, национальной психологии, типа культуры. В данной работе проводится также анализ взаимосвязи эвфемизмов и хеджей как средств смягчения негативных явлений или понятий действительности.

Актуальность исследования обусловлена возрастанием роли политкорректности в политической коммуникации. Политический дискурс представляет собой особый тип общения, характеризующийся высокой степенью манипулирования, которая достигается в том числе и с помощью эвфемизации речи. Изучение эвфемизмов как составной части политического дискурса является особенно актуальным, так как для современного общества характерна значительная интеграция различных стран и культур, что влечет за собой необходимость использования политкорректного языка, не унижающего достоинства представителей различных конфессий, рас, национальностей, социальных слоев населения. Исследование эвфемии в большинстве случаев проводилось на основе лексикографического материала, отражая субституциональный характер данного явления, в то время как прагматическая сторона эвфемизмов не учитывалась. Актуальность работы определяется также малоизученностью такого лингвистического явления, как хеджирование, которое функционально взаимосвязано с явлением эвфемии. Кроме того, сопоставительное изучение функционирования эвфемистических единиц дает возможность выявить универсальное и национально-специфичное в ментальном мире носителей рассматриваемых лингвокультур, а также повысить эффективность межкультурного взаимодействия.

Объектом исследования является эвфемия в американском и российском политическом медиадискурсе.

Предметом исследования являются коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе.

Цель работы заключается в выявлении и сопоставлении коммуникативно-прагматических особенностей эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе.

В соответствии с вышеизложенной целью были поставлены следующие **задачи**:

- систематизировать и обобщить подходы зарубежных и отечественных ученых к проблеме политического дискурса, политического медиадискурса и эвфемизации;
- дать определение политического медиадискурса и эвфемизма, выявить основные функции политического дискурса и эвфемизации речи;
- изучить хеджирование как прагматическую стратегию, выполняющую защитную функцию высказывания; рассмотреть хеджи как разновидность функциональных эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе;
- проанализировать структурные и словообразовательные особенности эвфемизмов в английском и русском языках;
- определить круг основных тематических групп эвфемизмов в исследуемых дискурсах;
- сопоставить функционально-прагматические особенности эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе;
- выявить универсальные и национально-специфические особенности использования эвфемизмов в сопоставляемых дискурсах.

Гипотеза диссертационного исследования. Такие лингвистические понятия, как эвфемия и хеджирование, функционально взаимосвязаны. Хеджи

представляют собой разновидность эвфемизмов, целью которых является ослабление иллокутивной силы высказывания, направленное на сохранение позитивного фона протекания речевого контакта. Частота использования и выбор эвфемистических единиц определяется этнокультурной спецификой политического медиадискурса.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых по вопросам политического дискурса (А.Г. Алтунян, А.Н. Баранов, К. Бюлер, М.Н. Грачев, Е.Г. Казакевич, П.Б. Паршин, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, Р. Якобсон, Р. Chilton, L. Pye, C. Schaffner и др.), медиадискурса (М.В. Гречихин, Т.М. Грушевская, Т.Г. Добросклонская, М.Р. Желтухина, Е.В. Ишменев, Е.А. Кожемякин, Н.А. Кузьмина, А.И. Черных и др.), эвфемии и политкорректности (С. Видлак, Г.А. Вильданова, А.М. Кацев, М.Л. Ковшова, Л.П. Крысин, Б.А. Ларин, В.П. Москвина, В.В. Панин, Л.В. Порохницкая, Л.Г. Самотик, В.З. Санников, Е.П. Сеничкина, И.Ю. Черепанова, Д.Н. Шмелев, К. Allan, К. Burrigge, R. Keyes и др.), хеджирования (Г.Р. Власян, С.Н. Кишко, А.П. Марюхин, G. Clemen, E. Crespo, B. Fraser, A. Hübler, K. Hyland, G. Lakoff, V. Namsaraev, E. Prince, U. Weinreich, L. Zadeh и др.).

Материалом исследования явились эвфемизмы в речи политиков, выделенные приемом сплошной выборки из американских и российских средств массовой информации. В ходе исследования было проанализировано 1018 политических текстов, опубликованных в период 2013-2019 гг. (509 американских и 509 российских политических текстов), общим объемом 8459 страниц, в которых обнаружена 3131 эвфемистическая единица (1885 в американском политическом медиадискурсе и 1246 – в российском).

Для достижения цели, указанной в исследовании, применялись следующие **методы:**

- дефиниционный метод (уточнение определений «политический медиадискурс» и «эвфемизм»);
- метод лингвистического описания (отбор и систематизация единиц языка);

- метод классификации (выделение тематических групп и видов эвфемизмов);
- метод количественной обработки данных (определение частоты употребления анализируемых в работе единиц);
- структурный метод (выделение словообразовательных и структурных особенностей эвфемизмов);
- контекстуальный метод (выявление скрытых коммуникативных намерений говорящего в определенном контексте);
- сопоставительный метод (анализ коммуникативно-прагматических особенностей с учетом лингвокультурологических характеристик исследуемых явлений в сопоставляемых дискурсах).

Научная новизна настоящего диссертационного исследования состоит в следующем:

1. Проведён сопоставительный анализ коммуникативно-прагматических особенностей эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе.
2. Установлена взаимосвязь между эвфемизацией и хеджированием в политическом медиадискурсе.
3. Выявлены прагматические особенности хеджей как разновидности функциональных эвфемизмов в сопоставляемых дискурсах.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что оно вносит существенный вклад в разработку теоретических проблем политической лингвистики, а также позволяет расширить существующие представления о взаимосвязи эвфемизмов и хеджирования. Результаты, полученные в ходе исследования, помогают глубже понять специфику современной политической речи и позволяют предсказать выбор определенных эвфемистических единиц в сопоставляемых нами языках (английском и русском) для достижения успешной коммуникации.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные в данном исследовании результаты можно использовать в лексикографической практике при подготовке специального словаря эвфемизмов современного политического медиадискурса, а также на занятиях по лексикологии, теоретической грамматике, межкультурной коммуникации, практическому курсу перевода в вузе. Данное исследование в дальнейшем может быть использовано как основа для анализа эвфемистических преобразований в других языках. Обучение правильному использованию эвфемизмов в речи политиков необходимо для достижения успешной коммуникации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Эвфемизмы – это слова или выражения, используемые для замены любого нежелательного или недозволенного слова или выражения приемлемым или более вежливым на данном историческом этапе и в данном обществе, основной целью которых является смягчение денотата, что способствует избеганию коммуникативных конфликтов и сохранению «лица» или вуалированию определенных фактов действительности.

2. В сопоставляемых дискурсах к числу универсальных особенностей относится использование следующих тематических групп эвфемизмов: эвфемизмы, связанные с военными действиями и террором; смягчающие дискриминацию в различных ее проявлениях; характеризующие временные волнения, катаклизмы; камуфлирующие негативные явления в социальной сфере; описывающие умственное и физическое состояние здоровья человека, а также его внешний вид и возраст. Национальная специфика прослеживается в группе эвфемизмов, смягчающих дискриминацию в ее различных проявлениях: в американском политическом медиадискурсе преобладают эвфемизмы, описывающие дискриминацию по половому признаку, в то время как в российском – дискриминацию по расовому / этническому и религиозному признаку.

3. В американском и российском политическом медиадискурсе функция вуалирования или камуфляжа существа дела является доминирующей для эвфемизмов, описывающих негативные явления действительности, в то время как функция избегания коммуникативных конфликтов и сохранения «лица» характерна для эвфемизмов, затрагивающих интересы личности.

4. Хеджирование представляет собой прагматическую стратегию, выполняющую защитно-эвфемистическую функцию высказывания за счет представления предметов и явлений нечеткими и неоднозначными. Средствами выражения хеджирования являются хеджи, цель которых – ослабление иллокутивной силы высказывания, смягчение пропозиции в целом или ее отдельных частей.

5. В политическом медиадискурсе хеджирование реализуется посредством хеджей-преград и хеджей-аппроксиматоров, которые представляют собой разновидность функциональных эвфемизмов. Наиболее распространенными хеджами в американском политическом медиадискурсе являются модальные глаголы, а в российском политическом медиадискурсе – модальные слова: имена существительные, прилагательные или наречия.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные результаты и положения исследования освещены в двадцати публикациях, в том числе в шести статьях в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук: «Вестник Челябинского государственного университета», «Филологические науки. Вопросы теории и практики», «Политическая лингвистика», «Мир науки, культуры, образования», и одной статье в журнале, включенном в глобальный индекс цитирования Web of Science – «The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences».

Результаты исследования были представлены в докладах на международных конференциях: XI Житниковские чтения «Слово в тексте: филологический, лингвистический и лингводидактический подходы» (Челябинск, 2013), «СМИ-

общество-образование: проблемы медиабезопасности» (Челябинск, 2013), «Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: II Международная научная конференция» (Москва, 2014), «XXI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»» (Москва, 2014), «Актуальные проблемы современной лингвистики и лингводидактики» (Костанай, Казахстан, 2015), «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2014, 2016, 2018), «Актуальные вопросы филологии, лингводидактики и переводоведения в свете современных исследований» (Чебоксары, 2017), «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация» (Екатеринбург, 2018), III конференция РММIS «Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы» (Челябинск, 2019).

Результаты работы обсуждались на заседаниях кафедры теории и практики английского языка ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (2013 – 2019 гг.), а также на семинарах Челябинского отделения Российской ассоциации лингвистов-когнитологов (2018 – 2019).

Поставленная цель и задачи исследования определили **структуру работы**. Настоящая диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы. В тексте содержатся три рисунка и три таблицы.

Во **введении** описывается направление исследования, выявляется его актуальность, определяются объект и предмет, цель работы и ее задачи, представлены теоретическая основа исследования, материал, методы, научная новизна, его теоретическая и практическая значимость, положения, выносимые на защиту, структура работы.

Первая глава «Теоретические основы сопоставительного исследования эвфемизмов в политическом медиадискурсе» посвящена исследованию теоретических основ и функций политического дискурса, политического медиадискурса как разновидности политического дискурса. Рассматривается история возникновения эвфемизмов и политкорректной речи, понятие и сущность

эвфемизмов, их классификации и виды, а также функции эвфемизмов. Изучается понятие «хеджирование», классификации хеджей и прагматические особенности хеджирования.

Вторая глава «Сопоставительный анализ коммуникативно-прагматических особенностей эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе» посвящена исследованию и анализу структурных и словообразовательных особенностей эвфемизмов в сопоставляемых дискурсах, тематической классификации эвфемизмов в английском и русском языках, прагматических особенностей эвфемизмов в сопоставляемых дискурсах, а также хеджированию как эвфемистической стратегии смягчения в американском и российском политическом медиадискурсе.

В **Заключении** настоящей диссертации подводятся итоги и излагаются основные результаты проделанной работы, описываются перспективы, согласно которым возможно проведение дальнейших исследований в данном направлении.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

§ 1.1 Политический дискурс: подходы к определению и функциональные особенности

Прежде чем приступить к изучению эвфемизмов в политическом дискурсе, необходимо определить понятие политического дискурса в целом, а также выявить его основные особенности, содержание и актуальность изучения на современном этапе развития общества.

С политическим дискурсом мы сталкиваемся каждый день, в большинстве случаев неосознанно, слушая речи политиков по радио или телевидению, читая в прессе политические новости, участвуя в выборах. Данный вид дискурса является объектом междисциплинарных исследований и представляет интерес не только для лингвистов и политологов, но и для социологов, философов, психологов, экономистов, юристов, специалистов по теории коммуникации.

1.1.1 Различные подходы к определению политического дискурса

На сегодняшний день невозможно дать однозначное определение политического дискурса, так как это явление комплексное, требующее постоянного переосмысления. Анализу политического дискурса посвящено множество трудов. Среди ученых, занимающихся изучением этого феномена, нет единого мнения о том, как определить данный вид дискурса.

А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич пишут, что политический дискурс – это не один речевой акт. Авторы включают в политический дискурс все речевые акты, которые используются в политических дискуссиях. Они также относят правила

публичной политики к политическому дискурсу. Авторы выделяют институциональность политического дискурса [18, С. 6].

Е.И. Шейгал отмечает, что политический дискурс, или язык политики, представляет собой корпус специализированных (вербальных и невербальных) и неспециализированных знаков. Автор пишет, что политический дискурс – это особый вид дискурса, который характеризуется доступностью в понимании. Понимание всеми членами языкового сообщества достигается деспециализацией политических терминов. Е.И. Шейгал отмечает, что политический дискурс можно выразить одной формулой «дискурс = подязык + текст + контекст» [200, С. 33].

А.П. Чудинов в работе «Политическая лингвистика» пишет о существовании таких понятий, как политический язык, политическая речь, политический текст и политический дискурс. А.П. Чудинов считает, что термин «политический язык» имеет право на существование наряду с такими терминами, как разговорный язык, официально-деловой язык и научный язык, так как в политическом языке не меньше специфических признаков, чем в разговорном, официально-деловом или научном языке. Следовательно, он определяет политический язык не как какой-то определённый национальный язык, а как вариант национального языка, ориентированного на политическую сферу [192, С. 37].

Говоря о политическом тексте, А.П. Чудинов выделяет его цельность и связность. В свою очередь, политический текст может быть как письменным, так и устным. В политическом тексте А.П. Чудинов выделяет содержательный и целевой признаки. Содержательный признак отражает деятельность представителей политических органов, которая направлена на развитие экономической и социальной общественной структуры. Целевой признак указывает на воздействующий и побуждающий характер политической ситуации. То есть «для политического языка характерна прямая или косвенная ориентированность на вопросы распределения и использования политической власти» [192, С. 33].

А.П. Чудинов считает, что многие специалисты стараются избегать использования термина «язык», поэтому при исследовании политических текстов часто рассматривают особенности политической коммуникации или политического дискурса. Автор пишет, что «политическая речь – это использование общенародного языка в процессе создания политического текста» [192, С. 38]. К особенностям политической речи А.П. Чудинов, относит ее содержание и проблематику, функции (эмотивную, побудительную и другие), а также наличие коммуникативных тактик и стратегий. Политическая коммуникация характеризуется участием адресата (читающего или слушающего) и адресанта (пишущего или говорящего) в речевой деятельности. В политической коммуникации адресант в первую очередь является представителем определенной политической организации, а не частным лицом [192, С. 38].

Что касается понятия «дискурс», то А.П. Чудинов говорит о том, что данный термин довольно важен для политической лингвистики, но единого определения не имеет. Поэтому, как он считает, не обязательно использование понятия «дискурс» для терминов, за которыми уже закрепились в лингвистике свои названия. Как пишет А.П. Чудинов, «политическая жизнь, определяющая восприятие текста, максимально многообразна, поэтому в содержание политического дискурса должны быть включены все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи: другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, политическая ситуация, в которой создается и «живет» данный текст, репутация издания, в котором он опубликован» [192, С. 49-50].

Таким образом, А.П. Чудинов говорит о лингвосоциальном характере дискурса. Политический дискурс приравнивается к коммуникативному событию, то есть он не ограничен своим текстом. Он включает в себя также процессы

речевого продуцирования, социальные контексты, процессы восприятия (при этом учитываются фоновые знания).

М.Н. Грачев определяет политический дискурс как «совокупность процессов информационного обмена, передачи политической информации, структурирующих политическую деятельность и придающих ей новое значение» [51, С. 243].

Известным американским политологом Л. Пайем подчеркивается, что «политический дискурс подразумевает не одностороннюю направленность сигналов от элит к массе, а весь диапазон неформальных коммуникационных процессов в обществе, которые оказывают самое разное влияние на политику» [297, Р. 45].

Однако мнение ученых о том, стоит ли выделять политический дискурс как отдельный вид в системе дискурсов, неоднозначно. П.Б. Паршин рассуждает на тему политического дискурса и языка политики следующим образом. «Совершенно очевидно, что чисто языковые черты своеобразия политического дискурса немногочисленны и не столь просто поддаются идентификации. То, что обычно имеется в виду под «языком политики», в норме не выходит за рамки грамматических, да, в общем-то, и лексических норм соответствующих идиоэтнических («национальных») языков – русского, английского, немецкого, арабского и т.д. Такие выходы имеют место и легко поддаются идентификации и объяснению лишь в крайних случаях – подобно тому, как лишь в крайних случаях идиостилистическое своеобразие в литературе затрагивает собственно язык или процессы вербализации...» [125, С. 190].

П.Б. Паршин сомневается в обособленном существовании политического дискурса. Автор пишет, что мы не можем легко идентифицировать языковые черты. П.Б. Паршин также отмечает немногочисленный характер языковых черт [125, С. 192].

Вслед за А.Н. Барановым и Е.Г. Казакевич, мы определяем «политический дискурс как совокупность всех речевых актов, используемых в политических

дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом». Политический дискурс имеет ряд особенностей, таких, как авторство, адресность, ряд стратегий и тактик, проблематику, содержание, функции. Они наиболее полно характеризуют данный вид дискурса.

1.1.2 Функции политического дискурса

Работы К. Бюлера и Р. Якобсона являются одними из первых работ, которые дают определение функций языка в современной лингвистике. К. Бюлер выделяет три основных функции языка – экспрессивная, апеллятивная и репрезентативная, основываясь на ведущих компонентах коммуникативного акта, которыми являются получатель, отправитель, предметы и ситуации [33, С. 34].

Р. Якобсон выделяет шесть основных функций языка, опираясь на компоненты коммуникации, куда входят адресат, адресант, сообщение, референт, контакт и код. К данным функциям он относит побудительную, эстетическую, коммуникативную, метаязыковую, эмотивную и фатическую функции [210, С. 198].

Большинство современных специалистов принимают предложенную классификацию. Однако значимость вышеперечисленных функций определяется особенностями конкретных сфер коммуникации – политической, бытовой или художественной. Основной функцией в политической коммуникации является борьба за власть. Авторитет политического деятеля, успех его политической кампании и популярность его идей напрямую зависят от его коммуникативной компетентности.

Е.И. Шейгал в своей работе пишет, что «основной функцией политического дискурса (или языка политики – в данном случае терминологическое различие для нас не принципиально) является его использование в качестве инструмента политической власти (борьба за власть, овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение). Однако данная функция

по отношению к языку политики настолько же глобальна, насколько коммуникативная функция всеохватывающа по отношению к языку в целом. Поэтому по аналогии с тем, что все базовые функции языка рассматриваются как аспекты проявления его коммуникативной функции, мы будем говорить о функциях языка политики как об аспектах проявления его инструментальной функции» [200, С. 48].

Е.И. Шейгал описывает 8 основных аспектов, относящиеся к инструментальной функции. К ним она относит такие аспекты, как легитимизация власти, социальный контроль, ориентация, воспроизводство власти, социальная дифференциация и солидарность, акциональный и агональный аспекты [200, С. 49].

П. Чилтон и К. Шеффнер предлагают пример подхода к анализу политического дискурса с точки зрения его стратегических функций. Под понятием «политический» П. Чилтон и К. Шеффнер понимают действия (лингвистические или иные), которые включают «власть или ее инверсию, сопротивление». Относительно «политики», которая понимается в рамках власти и сопротивления, П. Чилтон и К. Шеффнер выделяют четыре стратегических функций политического дискурса:

1) принуждение (речевые акты, которые подкреплены санкциями, такие, как команды, законы, указы, и т.д.);

2) сопротивление, возражение или протест (данная функция противопоставлена предыдущей функции);

3) узаконивание и делегитимация (выражения, которые создают климат для повиновения и контроля);

4) представление и искажение (включая представление действительности, событий и информации).

Дискурс может быть описан как политический, если он выполняет вышеописанные функции [225, Р. 212].

А.П. Чудинов в работе «Политическая лингвистика» выделяет семь основных функций политического дискурса.

Первой и одной из главных функций является *когнитивная функция*. Когнитивная функция направлена на использования языка с целью концептуализировать мир, создать личностную и групповую (партийную) политическую картину мира [192, С. 81].

Второй, не менее важной, функцией является *коммуникативная функция*. Данная функция встречается во всех сферах коммуникации, но реализуется в каждой сфере по-разному. Главной задачей коммуникативной функции является передача информации, которая воздействует и преобразует картину политического мира в сознании адресата [192, С. 82].

Побудительная функция важна, так как ее основной целью является воздействие на адресата. Побудительную функцию часто называют конативной, регулятивной или инструментальной. Задача политической коммуникации – это воздействие на общество, формирование определенной картины мира у избирателей, преодоление противоречий. Одна из основных задач политической коммуникации – это мобилизация избирателей на определенные действия. Политическая коммуникация ставит целью увеличить политическую активность в обществе [192, С. 83].

Четвертая функция, которую выделяет А.П. Чудинов, – *эмотивная функция*. Главная цель этой функции – выразить эмоции автора и возбудить эмоции адресата [192, С. 84]. Очень важный этап – это этап, когда создается необходимый эмоциональный фон, так как важно переубедить адресата и побудить его к действию. Специалисты подчеркивают, что эмоциональная составляющая сильно влияет на выбор политических предпочтений. Очень часто люди сначала решают, опираясь на эмоции, и потом стараются осознать, что побудило их так поступить.

Пятая функция – *метаязыковая функция*, помогающая понять смысл слова. Данная функция объясняет смысл высказывания или слова. Примерами могут послужить случаи, когда автор в политических текстах объясняет аудитории смысл терминов или понятий, которые вызывают недоумение у читателей [192, С. 85]. Очень часто в политической речи смысл текста или закона не в полной мере

понятен адресату. Адресат не всегда является специалистом в политической сфере. Сегодня политическая коммуникация – сложное явление, которое характеризуется переплетением научной, общеупотребительной, официально-деловой речи, в том числе особого жаргона. Политическая коммуникация становится тяжелой для восприятия обычному избирателю. Следовательно, метаязыковая функция является неотъемлемой в политическом дискурсе.

Шестой функцией, направленной на установление и поддержании связи между адресатом и адресантом, является *фатическая функция*. При обращении оратор в первую очередь поддерживает установленный контакт, а также определяет речевую ситуацию, которая может быть как бытовой, так и официальной. А.П. Чудинов приводит пример использования слов «товарищ», «гражданин» и «господин» в советский период. При обращении к людям, равным по статусу и положению, было принято использование слова «товарищ». Чтобы подчеркнуть значительное социальное неравенство, социум использовал слово «гражданин». Так могли обратиться к преступникам [192, С. 87].

Последняя функция, направленная на само сообщение, – *эстетическая функция*. Форма сообщения или то, как выражена определенная мысль, является ориентиром эстетической функции [192, С. 88]. Данная функция реализуется в таких политических жанрах, как лозунги, плакаты, заголовки, слоганы и листовки. Она ярко выражена в тех текстах, которые ориентированы на массы.

Таким образом, в реальной ситуации общения все вышперечисленные функции взаимосвязаны, и их трудно разграничить. В одних ситуациях общения основной является одна функция, в то время как другие не так явно выражены.

Рассмотрев основные функции политического дискурса, мы пришли к выводу, что наиболее важной функцией политического дискурса является сокрытие той или иной информации или смягчение изначально грубой, неприятной, нежелательной информации, которую необходимо адресанту донести до адресата. Данная функция является неотъемлемой частью политического дискурса, так как помогает политическим деятелям получить, сохранить и

удержать хорошие отношения. Эта функция реализуется в политическом дискурсе с помощью эвфемизации речи.

1.1.3 Политический медиадискурс как разновидность политического дискурса

Конец XX – начало XXI вв. характеризуются мощными потоками информации из-за стремительного роста массовых коммуникаций. Активное развитие и распространение радио, печати, телевидения и Интернета привели к созданию множества медиапотоков. Каждый день человек получает определенные факты и знания о мире. Данные факты и знания в настоящее время передаются нам в основном посредством средств массовой информации. Именно СМИ в большей мере влияют на ту картину мира, которая выстраивается индивидом. По мнению Н.А. Кузьминой, средства массовой информации являются «инструментом власти и орудием осуществления информационного диктата» [94, С. 12].

Постоянное воздействие СМИ на общество повышает интерес к изучению языка средств массовой информации. В конце XX века язык СМИ начал изучаться в рамках медиалингвистики. Термин «медиалингвистика» был предложен Т.Г. Добросклонской. По её мнению, медиалингвистика представляет собой самостоятельное научное направление, и ее предметом является изучение языка массовой коммуникации и его функционирования в обществе [61, С. 34]. Центральным понятием медиалингвистики является медиадискурс.

Медиадискурс можно рассматривать как особую разновидность дискурса. Е.И. Шейгал пишет о том, что дискурс представлен разными типами – это может быть экономический, массмедийный, научный, политический и другие. Как отмечает Е.И. Шейгал, «не существует абстрактного общения. Общение всегда протекает в определенной сфере человеческой деятельности, в определенном социальном пространстве. Именно поэтому в лингвистической литературе, как

правило, мы сталкиваемся с анализом не дискурса вообще, а некоего конкретного дискурса – для термина «дискурс» характерно сочетание с агентивным или генетивным определением: публичный дискурс, политический дискурс, советский дискурс, дискурс власти, дискурс оппозиции, дискурс инакомыслия, дискурс террора, дискурс перестройки, дискурс национальной безопасности, патриотический дискурс, дискурс ответственности, мы-дискурс, дискурсы претендентов на власть, дискурс Жириновского, дискурс борьбы, предвыборный дискурс, дискурс предубеждений, сексистский дискурс, расистский дискурс, дискурс об иностранцах, феминистский дискурс, дискурс рынка, дискурс потребительской культуры, дискурс надежды и отчаяния» [200, С. 24].

М.Р. Желтухина определяет медиадискурс как «вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой информации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов». Согласно определению М.Р. Желтухиной, медиадискурс представляет собой многоплановое явление, включающий в себя текст, ряд факторов (прагматические, социокультурные, психологические и др.) и сознание коммуникантов. Данный текст выражается средствами массовой информации. Именно эти критерии формируют медиадискурс [63, С. 132].

М.Р. Желтухина описывает следующие характерные признаки медиадискурса:

1. Публичность или ориентированность на массовую аудиторию.
2. Соотнесенность адресата с определенной группой.
3. Порождение противоречивых ситуаций с возможной последующей дискуссией.
4. Направленность одновременно на несколько групп [63, С. 27-40].

Е.А. Кожемякин утверждает, что медиадискурс – это особый вид речемыслительной деятельности в пространстве масс-медиа. Медиадискурс

социокультурно обусловлен и тематически сфокусирован [81, С. 14]. Как и в определении М.Р. Желтухиной, характерной чертой медиадискурса считается его социокультурная обусловленность.

Т.Г. Добросклонская отмечает, что понятие «медиадискурс» представляет собой производное понятие от общей концепции дискурса, согласно которой дискурс является сложным коммуникативным явлением, включающим в себя экстралингвистические факторы, которые сопровождают процесс коммуникации. Автор пишет, что «в самом общем виде медиадискурс – это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [61, С. 152].

М.В. Гречихин определяет медиадискурс как социальный механизм. Именно медиадискурс, по его мнению, воздействует на массовое сознание, формируя социально значимые аксиологические, регулятивные и когнитивные смыслы [52, С. 15].

Таким образом, изучив определения понятия медиадискурса, мы пришли к выводу, что данное явление представляет собой разновидность дискурса, для которого характерны социокультурная обусловленность, публичность и воздействие на общественное сознание.

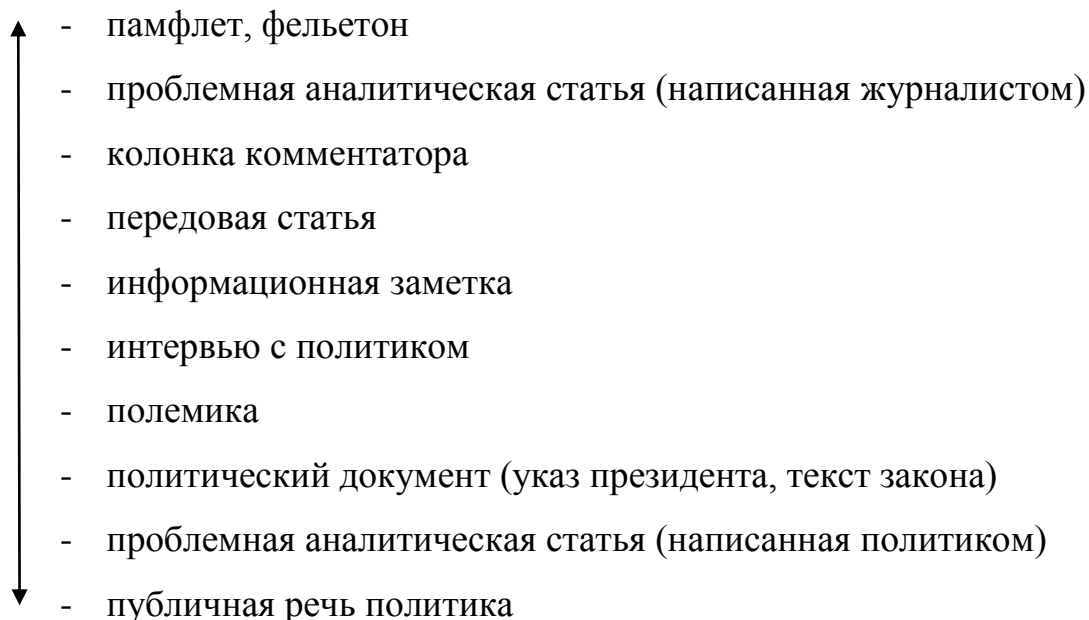
Средства массовой информации играют особую роль в политическом дискурсе. Во-первых, СМИ являются главным каналом осуществления и реализации политического дискурса. Во-вторых, средства массовой информации выполняют роль интерпретаторов, так как они определенным образом влияют на смысл передаваемых ими тем. В-третьих, по мнению Л.А. Нефедовой, СМИ являются одним из трех внешних субъектов (другими субъектами являются оппоненты политика и общество), которые влияют на портрет политика: они создают его положительным или отрицательным [119, С. 109]. Политическая сфера и масс-медийная коммуникация взаимосвязаны.

В медиадискурсе представители СМИ играют роль посредников между массовой аудиторией и политиками. Политические деятели не всегда общаются с

аудиторией напрямую, чаще это происходит через средства массовой информации – радио, интернет, телевидение, пресса. То есть СМИ – это в некой степени только техническое средство, которое передает информацию от политического деятеля. Однако, по мнению Е.И. Шейгал, средства массовой информации не только передают актуальную информацию, они также воздействуют на массовую аудиторию. СМИ являются своеобразным сверхтекстом [200, С. 37].

Е.И. Шейгал также подчеркивает взаимосвязь медиадискурса и политического дискурса, выстраивая схему их соотношения. Это соотношение можно увидеть на рисунке 1:

доминирует медиадискурс

доминирует политический дискурс [200, С. 37].

Рисунок 1 – Соотношение политического дискурса и медиадискурса

Е.И. Шейгал приходит к мнению, что роль медиадискурса в политическом дискурсе становится значительней в XXI веке в силу того, что в современном мире средства массовой коммуникации являются основным каналом реализации политического дискурса. Следовательно, «правомерно говорить о тенденции к сращиванию политического общения с медиадискурсом» [200, С. 45-46] и

появлении новой разновидности политического дискурса, а именно политического медиадискурса.

Т.М. Грушевская понимает под политическим медиадискурсом коммуникацию между автором и адресатом, которая опирается на политическое информирование. Целью политического медиадискурса является привлечение внимания массовой аудитории или адресата к изложенной проблеме. То есть одной из основных функций политического медиадискурса является воздействие на аудиторию [55, С. 15].

Согласно определению Е.В. Ишменева, политический медиадискурс представляет собой особый вид дискурса, который направлен на массовую аудиторию и характеризуется публичным характером [68, С. 32]. В своем определении он подчеркивает тот факт, что политический медиадискурс является разновидностью институционального дискурса.

А.И. Черных описывает понятие политического медиадискурса как двусторонний процесс. С одной стороны, это новая реальность политического процесса, с другой стороны, это процесс социальный, в котором средства массовой информации выступают главным социальным институтом. Именно СМИ расширяют знания и влияют на них. Политический медиадискурс – это взаимодействие политического и медийного полей, целью которого является «захват» аудитории, то есть воздействие на нее [187, С.110].

Формирование и закрепление определенной политической картины мира является основной функцией политического медиадискурса. Определенные смыслы и образы, ценностные ориентиры, идеологические установки, политические предпочтения влияют на формирование коллективной политической картины мира.

Увеличение роли информационных коммуникаций в медиадискурсе свидетельствует о том, что политический медиадискурс можно рассматривать «как новый дискурсивно-коммуникативный инструмент современной политики. Политическое пространство наравне с традиционными масс-медиа активно

захватывает цифровые, новые формы массовой коммуникации, очерчивая новые грани и особенности политического медиадискурса» [53, С. 60].

Политический медиадискурс является разноплановым и многообразным понятием. Он предоставляет возможность оценивать как текущее культурное состояние общества, так и языковое, так как политический медиадискурс описывает культурные и языковые составляющие социума.

Таким образом, мы рассматриваем политический медиадискурс как разновидность политического дискурса, так как он характеризуется массово-информационной природой, и определяем его как совокупность всех речевых актов политической коммуникации, реализуемых между представителем политической организации и массовой аудиторией, во время которых происходит передача и обмен актуальной информацией посредством СМИ.

§ 1.2 Эвфемизмы как средство смягчения денотата

Выявление основных причин эвфемизации речи, причин роста популярности политкорректной речи в современном обществе необходимо для полноценного изучения значения эвфемизмов в политическом дискурсе. Анализ процесса возникновения, становления, развития эвфемизации необходим для дальнейшего понимания и исследования таких понятий, как «эвфемизм» и «политическая корректность».

1.2.1 История возникновения эвфемизмов и политкорректной речи

История возникновения эвфемизмов связана с глубоко архаичными пережитками языковых запретов или табу (в прошлом были под запретом названия опасных явлений, предметов и таких тем, как боги, болезни, мертвецы). Считалось, что, если человек использует в своей речи что-то из вышеперечисленного (языковые запреты или табу), то есть вероятность того, что

он вызовет само явление. Примерами могут послужить такие эвфемизмы, как: «*black death*» (черная смерть) вместо «*plague*» (чума); «*the Prince of Darkness*» (принц тьмы) вместо «*devil*» (дьявол).

Медведи считались очень пугающими животными. Ранние племена северной Европы называли медведей другими именами из-за страха привлечь их внимание и тем самым разозлить их. Люди называли медведей «*поедателями меда*» (*honeyeaters*), «*лизунами*» (*lickers*) или «*дедушками*» (*grandfathers*). Само слово «медведь» (*bear*) произошло от эвфемистического термина, которое означало «коричневый» (*the brown one*). Это один из старейших эвфемизмов, впервые записанный более тысячи лет тому назад.

Названия животных довольно часто встречаются в истории эвфемизации. С древних времен можно было наблюдать, как страшным животным люди давали эвфемистические имена. Особенно это отмечали антропологи в конце XIX века. Члены племени Вайага (*Wajagga tribe*) Восточной Африки, которые жили около горы Килиманджаро, верили, что хищники, которые жили с ними рядом, нападали на них по инициативе умерших. Поэтому имена этих животных заменялись на другие слова. Львы становились королями подземного мира, слоны – вождями. Чтобы выгнать слонов со своей территории, члены племени Вайага часто называли их «женскими сумками» из-за схожести их сморщенной и потрескавшейся кожи с рыночными сумками женщин, которые использовались в те времена. Некоторые Малайские племена называли слонов гигантами, тигров – полосатыми и т.д. Индусские племена из региона Нагпур осознанно называли тигров длиннохвостыми, а змей – веревками. Слова не сильно отличались от того, что они называли. Человек мог спокойно произносить такие слова, как «муж» или «жена», и это не приводило ни к каким отрицательным последствиям, а вот сказать «тигр» или «Бог» никто не решался. Страх древних племен можно было сравнить с пословицей «не буди лихо, пока оно тихо».

Из-за того, что древние племена верили в силу слов, они старались избегать в своей речи произнесение имен хищников, врагов или злых сил. Они не

использовали сами слова, а прибегали к помощи заменяющих слов. Эти слова древние племена считали безопасными. Как и современные эвфемизмы, заменяющие слова давали возможность племенам почувствовать себя более уверенными и не бояться оказаться в беде. Так, способность выражаться непрямо позволила людям осознать свою возможность создавать и использовать новые слова. Чем лучше это у людей получалось, тем больше они старались избегать прямых наименований, которые могли стать причиной опасности, страха или оскорбления. Тогда и начали появляться эвфемизмы – ключевые индикаторы возрастающей сложности речи [253, Р. 19].

Известный французский антрополог М. Леви-Брюль пишет о жизни австралийских племен. В племени у каждого человека было два имени: одно из них было общеупотребительным, а другое – специальным, которое было известно только членам самого тотема. Суеверный страх перед злыми силами часто породил табу у отсталых народов, и поэтому люди прибегали к использованию специального имени, чтобы оградить себя от этих сил. Они думали, что, если они устранят некоторые названия или понятия предметов или лиц, то злые духи не смогут до них добраться [102, С. 113].

В замене эвфемизмами нуждались не только слова, обозначающие животных или злых духов. Многие эвфемизмы, связанные с внешностью, возрастом, статусом или расовой принадлежностью, возникли вследствие большого желания людей вести беседы друг о друге или «сплетничать».

Наши предки считали, что Боги, в которых они верили и которых почитали, не всегда были доброжелательными. Люди думали, что, обращаясь к богам по имени, они могли вызвать их гнев. Происхождение самого слова «эвфемизм» связано с греческой музой Эвфемией. Эвфемия считалась кормилицей муз древней Греции. Есть сведения об Эвфемии как о великомученице. Она родилась в христианской семье в Халкидоне, древнем греческом городе. Однако ее семья пострадала, когда в Греции правил император Диоклетиан. Ее имя имеет следующие значения: «хорошая речь» (eu = «хороший», rheme = «речь») или

«предвещающая добро» или «доброжелательная». Эти слова означают также «говорить честно» и «использовать благоприятное слово вместо зловещего». Противоположным по смыслу является слово «blasphemein», образованное от корня «blaspheme», который означает «говорить просто или неправильно о святых вещах». Многие древние эвфемизмы были средством избегания богохульных слов [253, Р. 8].

Для древних народов использование эвфемизмов не было просто набожностью или богобоязненностью. Греческие и римские божества не всегда были хорошими. Некоторые из них были капризными, вспыльчивыми и легко провоцируемыми. Надеясь выслужиться перед такими переменчивыми богами, некоторые греки называли их «добрейшими» или «благородными». Подобным образом ирландцы старались угодить своим вспыльчивым богам, называя их «добрый народ».

Использование выдуманных имен различных божеств стало гениальной находкой древних племен. Такие имена использовались, чтобы сами боги не догадались, что о них думают и говорят. «Новые» имена также подчеркивали уважение и благоговение людей по отношению к древним божествам. Традиция называния богов выдуманными именами продолжилась и во время Иудейско-христианской эры. Об этом свидетельствует частое использование христианских терминов «всемогущий», «создатель», «наш небесный отец» вместо прямого названия слова «Бог».

Во время правления короля Якова VI Шотландского и I Английского в Англии (1603-1625) его поданные штрафовались на 12 пенни за любую бранную речь. Акт Парламента в Англии в 1623 году массово запретил использование ругательной лексики. Последующие законы, описывающие, какая речь считается богохульской и бунтарской, способствовали появлению разумных эвфемизмов. Оливер Кромвель, лорд протектор Англии, Шотландии и Ирландии с 1653-1658 годов, продолжил политику короля Якова по отношению к ругательствам. Он также предупреждал своих солдат в 1642 году: если мужчина говорит бранное

слово, он платит 12 пенни. Нарушители, повторившие свое ругательство, могли быть сурово наказаны: их язык обжигали горячим утюгом. Так, со временем менялся язык, менялись слова, и возрастала необходимость в замене вульгарной лексики и появлении эвфемизмов [253, Р. 10].

С течением времени быт человека изменяется. Обозначения явлений и предметов, которые были прямыми (например, обозначения частей тела человека или физиологического акта), начинают считаться неприятными и более не используются в языке [72, С. 40]. Язык особенно склонен к эвфемизации во время стабилизации и упрочнения культуры. Примером можно считать литературный язык XIX века или литературный язык аристократов в XVI-XVII вв. В современное время эвфемизмы занимают особое место в жизни каждого человека. В некоторых странах наблюдается излишняя эвфемизация языка.

Если сравнивать эвфемизм с нейтральной лексикой, то можно заметить, что он очень чувствителен к общественной оценке разных приличных и неприличных явлений. В этом прослеживается историческая нестабильность понятия эвфемизма: если какое-то понятие считалось удачным эвфемизмом для одного поколения, следующие поколения могут рассматривать это же понятие как очевидное грубое изречение, которое требует замены на другой эвфемизм [21, С. 167].

Е.П. Сеничкина в работе «Словарь эвфемизмов русского языка» подчеркивает непостоянство эвфемизмов. Автор пишет, что слова, которые утратили свою эвфемистическую функцию, переходят в группу деэвфемизмов и приобретают отрицательную оценку. В качестве примеров Е.П. Сеничкина приводит такие слова, как *бомж*, *сортир*, *альфонс* [283, С. 21].

Слово *бомж* впервые начало использоваться в советские времена, в 1970-е годы, как акроним от полного наименования «без определенного места жительства». Эта аббревиатура описывала людей, которые не были прописаны по одному месту жительства или жили по случайным адресам. В СССР, если человек бродяжничал и вовлекал несовершеннолетних в бродяжничество, то он

привлекался к уголовной ответственности. Поэтому понятие «бомж» часто использовалось в протоколах советской полиции и официальных документах. Оно являлось эвфемизмом и выполняло вуалирующую функцию. Однако в конце XX века, когда от слова «бомж» начали образовываться такие словоформы, как бомжиха, бомжатский, бомженок, а также из-за стереотипа образа бомжа – нищего и грязного, акроним бомж получил отрицательную коннотацию и больше не является эвфемизмом, а наоборот дисфемизмом, так как он порочит достоинство и честь человека [283, С. 21].

Слово *альфонс* на сегодняшний день также несет отрицательную коннотацию. Впервые это имя использовалось готами. На языке древних германских племен – готов – имя Альфонс имело значение «готовый к бою, благородный воин». То есть в древние времена имя Альфонс не имело отрицательной коннотации. Однако в качестве дезэвфемизма, или дисфемизма, слово «альфонс» начало использоваться в конце XIX века после написания А. Дюма пьесы «Господин Альфонс» (1870 г.), где главного героя-любownika зовут Альфонс. В толковых словарях русского языка начала XX века это понятие несет отрицательную коннотацию – любовник, живущий за счет женщин. Из данных примеров мы видим, что эвфемизмы живут не год и не два, а несколько десятилетий, пока в них есть потребность. Как только эвфемизмы становятся обиходной лексикой, они могут остаться функционировать в языке как слова с нейтральной коннотацией или же приобрести отрицательную оценку [283, С. 21].

Эвфемизмы, или дозволенные и пристойные наименования, – это особенность или характеристика языка, которая присуща разным историческим образованиям, культурным группам и социальным сообществам.

Эвфемизмы занимают особое место в вопросе о политической корректности языка. Менталитет, культура, традиции, как известно, тесным образом связаны с языком. Многие явления и процессы, которые происходят в обществе, отражаются затем в системе языка. Характерным свойством любого языка, в том числе и английского, является его динамичное развитие, поэтому за последние

годы английский язык претерпел важные изменения, и эти изменения во многом произошли из-за изменений в обществе. Возможно, поэтому в английском языке появилась мощная языковая и культурно-поведенческая тенденция, которая позже стала называться политической корректностью [130, С. 129].

Термин «политическая корректность» («*political correctness*»), или «*PC*», или «*Bias-Free language*», или «*Inclusive language*») получил широкое распространение за последние годы в Америке. Политической корректностью можно считать речевое поведение, современную идеологию западной демократии, которые основываются на концепции справедливости, вследствие чего было достигнуто равноправие и соблюдение прав человека [174, С. 215].

Крупные неудачи, особенно в американской внутренней политике, процессы расслоения по расовому и этническому признаку, которые характерны для США и всего мира, возрастание угроз социальных конфликтов, влияние феминизма, антирасизм, движение за права меньшинств привели к тому, что политическая корректность начала рассматриваться многими специалистами. Если говорить о России, то здесь успех идей политкорректности связывают с изменениями в социальной культуре и процессами интеграции в политике, которые очень сходны с американскими. Чтобы избежать конфликтов в поликультурном обществе – между белыми и темнокожими, между женщинами и мужчинами – многие идеологи считают необходимым прибегнуть к политической корректности как сдерживающему средству. Это средство можно использовать, если установить специальные нормы речевого этикета, то есть употреблять особый язык, который будет содержать только эмоционально положительную для восприятия лексику, и она будет воспринята всеми представителями большинства групп. При этом многие слова и выражения, которые приведут к негативным ассоциациям, приобретут статус табу. Политкорректность вносит ряд изменений в язык, особенно в его словоупотребление, лексику и даже в грамматику.

Особое распространение термин «политическая корректность» получил в Америке в 60-е года XX столетия. С.Г. Тер-Минасова в монографии «Язык и

межкультурная коммуникация» пишет, что это явление возникло более 50 лет назад из-за «восстания» африканцев, которые были возмущены расизмом в английском языке и потребовали, чтобы он был дерасиализован (от слова «deracialization») [174, С. 215]. В конце XX века качественный состав вузов Америки начал существенно меняться. Ранее студентами высших учебных заведений в основном были белые мужчины. Теперь значительное количество населения женского пола и представителей испаноговорящего и темнокожего населения получили доступ к высшему образованию. В конце прошлого столетия 55% всех студентов США составили женщины, и 20% были представители афроамериканских и испаноговорящих сообществ. Изменения именно качественного, а не количественного состава высших учебных заведений, даже весьма престижных, привели к тому, что появилась необходимость пересматривать учебные планы и вводить речевые и поведенческие кодексы.

В 1960 году Америку окутала волна социальных протестов: феминистские выступления, демонстрации темнокожего населения США, громкие протесты нетрудоспособных, инвалидов, «сексуальная революция». В это время увеличилось количество нетрадиционных семей, возросло число работающих женщин. Все это привело к созданию новых, «политкорректных» норм речевого общения для удовлетворения изменившихся условий реальности [174, С. 216].

Политическая корректность привела к «изъятию» из любого языка языковых единиц, задевающих достоинства и чувства человека, его половую и расовую принадлежность, состояние здоровья, возраст, внешний вид и социальный статус. «Изъятие» подобных единиц в свою очередь привели к появлению более вежливых или приемлемых слов, или эвфемизмов. Таким образом, история возникновения эвфемизмов взаимосвязана с политкорректной речью.

1.2.2 Понятие и сущность эвфемизмов

Проблема эвфемизации речи становится наиболее актуальной в XX – XXI вв. и изучается как отечественными, так и зарубежными исследователями. К отечественным лингвистам можно отнести Ю.С. Арсентьеву, С. Видлак, Г.А. Вильданову, И.Р. Гальперина, Л.К. Граудину, А.М. Кацева, Е.Е. Краснову, Л.П. Крысина, Б.А. Ларина, В.П. Москвина, О.В. Обвинцеву, Л.В. Порохницкую, Л.Н. Саакян, Е.П. Сеничкину и других. Среди зарубежных лингвистов наибольший интерес к эвфемизмам проявляют К. Allan, К. Burridge, J. Lawrence, R. Keyes, J.S. Neaman, E. Partridge и другие.

Эвфемизмы являются составной частью политического дискурса, их изучение неразрывно ведет к более глубокому пониманию, исследованию и анализу данного вида дискурса, поэтому обратим особое внимание на понятие «эвфемизм», его сущность и особенности.

Одно слово или предложение всегда может звучать по-разному: грубо и красиво, бестолково и блестяще, сложно и просто. Слово всегда приравнивалось к действию и рассматривалось как мощное орудие воздействия. Однако и сейчас оно также продолжает быть таковым. Эвфемизм является важной частью воздействия.

Внимание ученых издавна привлекало явление эвфемизма. Это происходило потому, что многие специалисты рассматривали эвфемизм как особый вид тропа или стилистической фигуры, который употребляется в языке в переносном, а не в собственном значении. Как отмечает И.В. Арнольд, «сущность эвфемизма состоит в том, что грубые или почему-либо неудобные и неприличные слова и выражения заменяются более мягкими» [8, С. 305].

Сегодня можно отметить совсем иную природу эвфемизма, которая обусловлена социальными нормами поведения и общения. Люди стремятся соблюдать приличия и не обижать собеседника. Поэтому суть эвфемизма состоит в том, что он заменяет нежелательное слово. В качестве примера можно привести

такие выражения, как *to join the silent majority, to depart, to go west* (умирать). Все эти выражения являются эвфемистическими для слова *to die* (умирать). Многие эвфемизмы по звучанию напоминают те слова, которые они заменяют. В Англии, например, имя бога *God* часто заменяют на *Goodness!* или *goodness gracious*, а выражение *By God* заменяют на *By Gad! By Jove* и т.д.

Э. Бенвенист пишет о том, что в толковании греческого понятия «эвфемизм» есть что-то парадоксальное и странное. В словарях фиксируется два, по сути, противоположных значения. С одной стороны, эвфемизмы представляют слова, которые несут доброе и положительное предзнаменование, а с другой стороны, эвфемизмы должны избегать тех слов, которые сулят недоброе [22, С. 370].

Таким образом, эвфемизмы выражают как положительные наименования, так и отрицательные. Э. Бенвенист также отмечает, что неправильное толкование этих слов произошло из-за смешения между понятиями «язык» и «речь» в сосюрвовском смысле [22, С. 371].

Л.Г. Самотик дает следующее определение понятию эвфемизм – «более мягкие слова или выражения вместо грубых, непристойных, невежливых, неприличных или нецензурных, например: «*Она в интересном положении*» вместо «*Она беременна*»» [159, С. 427]. Автор также отмечает, что при долгом употреблении эвфемизмов происходит слияние слов и их значений, в итоге чего появляются новые эвфемизмы. Так, например, эвфемизмом для слова «туалет» было слово «сортир», затем его сменило слово «уборная» и затем «отхожее место» [159, С. 428].

Л.П. Крысин тоже дает определение эвфемизму и пишет об его сходствах с тропами речи. «Эвфемизм как способ непрямого, перифрастического и при этом смягчающего обозначения предмета, свойства или действия соотносителен с другими речевыми приемами, прежде всего – с литотой, понимаемой как прием выразительности, основанный на двойном отрицании (небесспорный, не без умысла, неглупый) или на смещении отрицания из утвердительной части

высказывания в модусную (Не думаю, что вы правы, – ср.: Думаю, что вы не правы), – и с мейозисом, понимаемым как прием выразительности, основанный на намеренном преуменьшении интенсивности свойств предмета речи, действий и процессов и т.п.» [90, С. 388].

Л.П. Крысин отмечает, что процесс номинации, который относится к одному из главных процессов, формирующих речь человека, также переплетается с процессом эвфемизации. Предметы, которые по психологическим, этическим или культурным причинам не называются или называются с трудом, требуют эвфемистического обозначения. «Обновление номинаций диктуется необходимостью вновь и вновь вуалировать или смягчать сущность того, называние чего в культурном обществе считается неудобным, неприличным и т.д.» [90, С. 388].

Эвфемизмы, в сравнении с обычной номинацией и речевыми приемами, обладают собственной спецификой.

1. Говорящий оценивает предмет речи как тот, который в данной социальной среде может быть рассмотрен как грубость, неприличие или резкость. Следует отметить, что не все объекты или сферы человеческих отношений или деятельности могут вызвать такую оценку – большая часть из них нейтральны по значению. Поэтому эвфемизации подвергаются определенные сферы деятельности и темы, а не всякая речь.

2. Говорящий подбирает не просто обозначения, которые смягчают грубые или кажущиеся таковыми выражения или слова, он подбирает слова, которые вуалируют, маскируют суть явления. Особенно ясно это можно заметить на примере иноязычных или медицинских терминов с расплывчатой семантикой (педикулез вместо вшивости).

3. Употребление эвфемизма напрямую зависит от условий речи и контекста. Если социальный контроль жесткий и говорящий контролирует то, что он говорит, то шанс появления эвфемизмов увеличивается; и наоборот, если социальный контроль слабый и говорящий не контролирует то, что он говорит, то

есть идет речь об автоматизме речи, то прямые обозначения, или даже дисфемизмы, будут предпочтительны.

4. Социальная среда, в которой используется эвфемизм. Если в одной социальной среде слово, которое использует говорящий, расценивается как эвфемизм, не означает, что в другой социальной среде он получит такую же оценку [90, С. 389].

В.З. Санников пишет, что «эвфемизм – слово или словосочетание, употребляющееся вместо наименований прямых и более точных, но признаваемых в условиях общения неприличными или грубыми» [160, С. 447]. Однако эвфемизм не всегда выражается словом или словосочетанием. В роли эвфемизма может выступать целое предложение, являясь высшей синтаксической конструкцией.

В.И. Заботкина тоже рассматривает эвфемизм как троп, а точнее, как антифразу, то есть не прямое, прикрытое, вежливое, смягчающее обозначение какого-либо явления или предмета. Она также отмечает особый случай противоречия эвфемизмов. Это противоречие существует между их семантикой и прагматикой – можно отметить их отрицательную семантику и положительный прагматический заряд эвфемизма [65, С. 176].

Д.Н. Шмелев и Е.П. Сеничкина ограничивают выраженность эвфемизмов словами или выражениями. Д.Н. Шмелев дает следующее определение эвфемизмам: «... эвфемизмы – слова или выражения, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими. Например, *задерживается* вместо *опаздывает*, *кто крайний?* вместо – *кто последний?* (в очереди)» [205, С. 199].

Е.П. Сеничкина рассматривает эвфемизм как смягченное слово или выражение. Она пишет, что «эвфемия – это сложное, многогранное явление. Эвфемия является смысловой категорией языка. Её значения реализуются разнообразными средствами различных уровней языка» [283, С. 5].

Б.Н. Мечковская рассматривает эвфемию как культурное диахроническое явление, а не языковое средство на лексическом уровне. В своей книге «Язык и религия», она пишет, что «эвфемизм – это замена табуированного слова (в современных культурах – также и резкого или нарушающего приличия выражения) приемлемым» [111, С. 22]. Эвфемизмы, в отличие от обычных слов, очень чувствительны к общественной оценке разных явлений. На это влияет исторический статус эвфемизмов в речи и языке: если что-то являлось удачной эвфемистической заменой для одного поколения, для другого эта же замена могла рассматриваться как грубая.

«Эвфемизмы недолговечны, – пишет по этому поводу Б.А. Ларин. – Существенным условием действенности эвфемизма является наличие «грубого», «недопустимого». Как только это подразумеваемое неудобопроизносимое выражение выходит из употребления, эвфемизм теряет свои «облагораживающие» свойства, так как переходит в разряд «прямых» наименований и тогда требует новой подмены» [98, С. 25].

К. Аллан и К. Барридж определяют эвфемизм как альтернативу нежелательному выражению с целью сохранения «лица» (своего или собеседника) и избегания коммуникативных конфликтов. Говорить эвфемистично – это значит использовать язык как щит от всего нежелательного, неприятного. Использование эвфемизмов мотивировано желанием не звучать оскорбительно. Следовательно, они имеют положительную коннотацию [212, Р. 221].

Из всех вышеприведенных определений эвфемизмов можно отметить, что некоторые лингвисты рассматривают эвфемизм как троп (В.И. Заботкина, Л.П. Крысин); другие относят эвфемизм к разделу лексики, которая заменяет нежелательные слова на приемлемые в определенной ситуации (Б.А. Ларин, Б.Н. Мечковская, Л.Г. Самотик, В.З. Санников, Н.Д. Шмелев, и др.). По нашему мнению, можно дать новое уточненное определение, в котором отражено широкое понимание эвфемии, принятое в данной работе: эвфемизмы – это слова или выражения, используемые для замены любого нежелательного или

недозволенного слова или выражения приемлемым или более вежливым на данном историческом этапе и в данном обществе, основной целью которых является смягчение денотата, что способствует избеганию коммуникативных конфликтов и сохранению «лица» или вуалированию определенных фактов действительности.

Е.П. Сеничкина выделяет основные и существенные признаки эвфемизмов. Существенные признаки характерны для большинства эвфемизмов, в то время как основные признаки – для всех эвфемизмов.

К основным признакам она относит следующие.

1. «Обозначение негативного денотата». Происходит соотнесение денотата эвфемизма с явлением или предметом, который характеризуется негативной коннотацией или оценкой.

2. «Семантическая неопределенность эвфемизма», которая позволяет смягчить или уменьшить отрицательную оценку смысла. «Подставное, заменное наименование по сравнению с заменяемым обладает семантической редукцией. В эвфемизме по сравнению с прямой номинацией сокращена доля информации, сокращено число дифференциальных признаков».

3. «Улучшение денотата по сравнению с заменяемым выражением или словом». Прежде чем эвфемизм станет эвфемизмом, его звучание должно вызывать у слушающего и говорящего ассоциации с более положительной оценкой, чем денотат.

4. «Формальный характер улучшения денотата». Только благодаря этому характеру слушающий может понять, о чем или о каком явлении или предмете идет речь [162, С. 15].

К существенным признакам Е.П. Сеничкина относит «признак косвенности номинации и признак специфичности аффиксов эвфемизмов» [162, С. 18].

1. «Признак косвенности номинации» считается многими специалистами главным для эвфемизмов, так как образные или иносказательные наименования используются для выражения эвфемизмов.

2. Не все слова в русском языке могут выполнять функцию эвфемизма. Если слово содержит аффикс с отрицательной оценкой и обладает значением достаточной интенсивности действия или признака и при этом не улучшает смысл, то такое слово способно быть эвфемизмом. И здесь мы имеем дело с мейозисом (троп, уменьшающий интенсивность признаков или свойств процессов, явлений или предметов). Мейозис создает эффект эвфемизма при отрицательной характеристике свойств предмета, он при этом является смягченным вариантом недопустимого наименования [162, С. 20].

Однако не только мейозис выполняет функцию смягчения речи или функцию эвфемизма. Сюда же можно отнести:

- эмфазис (эмоционально-выразительная фраза) – содержит определенный подтекст, то есть означает намного больше, чем содержит в себе слов;
- аллюзию – намек или отсылка;
- перифразу – заменяется прямое обозначение словом или выражением экспрессивно-оценочного характера;
- прием умолчания или апозиопезис – недоговаривается то, что слушающий может сам легко восстановить (в тихом омуте...) [80, С. 15].

М.Л. Ковшова отмечает, что «эвфемизация речи позволяет говорящему в корректной форме указать собеседнику на какие-либо недостатки в его действиях или поступках, объяснить, в чем причина этих недостатков, помочь собеседнику исправить отдельные черты его характера» [80, С. 8].

Кроме основных и существенных признаков, которые присущи эвфемизмам, необходимо отметить условия их употребления.

Так, Е.П. Сеничкина выделяет семь таких условий или факторов:

- 1) контекст использования эвфемизма или фактор контекста;
- 2) фактор детерминированности или непринужденности общения;
- 3) стиль;
- 4) фактор социальный;
- 5) социальная обусловленность эвфемизмов;

б) статус говорящих в коммуникации (фактор речевой культуры);

7) фактор времени [162, С. 25].

1. Контекст способен препятствовать или способствовать появлению эвфемизма. Если в контексте содержатся языковые единицы, которым присуща нейтральная или положительная оценка, то это является благоприятной средой для возникновения эвфемизмов. Если же употреблены лексические единицы, выражающие отрицательную оценку, то это может привести к нарушению эвфемизмов и самого процесса эвфемизации.

Возникает вопрос: если после эвфемизма стоит расшифровка или пояснение самого понятия, считается ли данное слово или словосочетание эвфемизмом. По мнению Е.П. Сеничкиной, такая расшифровка или пояснение не мешает, но ослабляется эвфемистическая функция, так как присутствует прямая запретная номинация [162, С. 25].

2. Фактор непринужденности / детерминированности общения. Чем больше говорящий контролирует то, что он говорит, тем больше вероятность появления эвфемизмов, и наоборот, если он не контролирует, что говорит, то вместо эвфемизмов используются прямые наименования или дисфемизмы. Использование эвфемизмов увеличивается, если статус говорящих не равен, если это монологическая речь или публичное выступление.

3. Стилиевой фактор важен, так как в различных стилях разные единицы языка могут выполнять функцию эвфемизмов. «Существует стилистическая закрепленность эвфемизма за определенным стилем речи. Так, выделяются эвфемизмы научного, официально-делового, публицистического стиля, эвфемизмы художественной литературы и разговорно-бытового стиля, эвфемизмы внелитературной лексики (просторечия)» [162, С. 26].

4. Многие эвфемизмы в русском языке детерминированы социально. Можно выделить большой класс эвфемизмов, свойственных детской речи, также эвфемизмы, характерные для городской разговорной речи, подростковой речи, речи жителей деревни и т.д.

5. Эвфемистическая значимость любой языковой единицы может иметь относительный характер. Если для одной среды слово рассматривается как эвфемизм, это не значит, что в другой среде оно тоже будет эвфемизмом.

6. Фактор речевой культуры. Возникновение эвфемизмов напрямую зависит от типа его речевой культуры: разговорной, среднелитературной или элитарной.

7. Временной фактор. У функционирования языковой единицы в качестве эвфемизма есть свои временные рамки. Словосочетание или слово может быть эвфемизмом в определенный период, затем его функция эвфемизма снижается. Но при этом разные процессы происходят с эвфемизмами: некоторые слова или словосочетания используются метафорически и через много лет приобретают функцию эвфемизма [162, С. 28].

Таким образом, эвфемизмы – это слова или выражения, используемые для замены любого нежелательного или недозволенного слова или выражения приемлемым или более вежливым на данном историческом этапе и в данном обществе, основной целью которых является смягчение денотата, что способствует избеганию коммуникативных конфликтов и сохранению «лица» или вуалированию определенных фактов действительности. Важную роль играют их основные и существенные признаки, а также факторы их употребления в речи. Все это в совокупности помогает адресату расшифровать то или иное использование эвфемистической замены в определенном контексте.

1.2.3 Классификация и виды эвфемизмов

Из-за большого количества эвфемизмов в языке возникла необходимость их классификации. Можно выделить несколько классификаций, представленных разными лингвистами. Так, например, существует тематическая классификация эвфемизмов (Л.П. Крысин, М.Л. Ковшова), уровневая классификация (Б.А. Ларин), лексико-семантическая классификация (А.М. Кацев), мотивационная классификация (В.П. Москвин), классификация, основанная на

порождающих мотивах (Е.Е. Краснова), морфологическая классификация эвфемизмов (Е.П. Сеничкина).

Л.П. Крысин при классификации эвфемизмов выделяет сферы деятельности людей и темы эвфемизации. Говорящий оценивает тот или иной предмет с точки зрения неприличия или приличия, вежливости или грубости.

К таким сферам и темам Л.П. Крысин относит следующие:

- физиологические состояния и процессы;
- название частей тела (очень часто прямое обозначение некоторых частей тела считается грубым и неприличным и требует замены эвфемизмом);
- взаимоотношения между женским и мужским полами;
- тема смерти и болезни (данные темы с древних времен считались запретными, и уже с тех пор люди искали словам эвфемистические замены для вуалирования сути).

Данные сферы эвфемизмов Л.П. Крысин называет «личными», так как они относятся к личности и личной жизни адресата, говорящего или третьих лиц. Л.П. Крысин выделяет также «социальные» эвфемизмы, которые затрагивают сферы деятельности человека и его взаимоотношений с властью и другими людьми / обществом [90, С. 390].

Классификация Л.П. Крысина удачна в том плане, что она рассматривает эвфемизмы в речи и в ситуации общения. К его классификации близка классификация М.Л. Ковшовой. Она выделяет две области функционирования эвфемизмов – обиходно-бытовую и социально-политическую. Данные области отличаются набором тем, которые требуют смягчения, и причинами, которые обусловили потребность маскировать суть того, что происходит.

Обиходно-бытовые эвфемизмы начали функционировать со времен появления табуированной лексики. «Основной целью современных обиходно-бытовых эвфемизмов является этикетно-этическое смягчение неприятного в речи. Обиходно-бытовые эвфемизмы описывают жизнь человека в его интимной, семейной сфере и сфере повседневной деятельности» [80, С. 73].

Социально-политические эвфемизмы появляются и используются в определенных речевых ситуациях. Данная область эвфемизации, в свою очередь, делится на эвфемизмы народа и эвфемизмы власти.

Б.А. Ларин предлагает уровневую классификацию эвфемизмов, которая, в свою очередь, делится на лексические, или однословные эвфемизмы, и эвфемистические сочетания, или речения (то есть лексические эвфемизмы представлены одним словом, в то время как эвфемистические сочетания представлены несколькими компонентами, несущими определенный смысл) [98, С. 29].

Первая лексико-семантическая классификация была предложена А.М. Кацевым в 1989 году. Следует полагать, что данная классификация опирается на смысл эвфемизма в контексте. В данной классификации выделяются следующие группы:

- названия сверхъестественного (эвфемизмы, вошедшие в эту группу, образовались давно, со времен появления языковых табу. То, что пугало человека или находилось вне сферы его понимания, получало другое наименование, которое вуалировало его сущность);
- названия болезней и смерти;
- названия психических и физических человеческих недостатков;
- названия пороков человека;
- названия, которые относятся к физиологии человека;
- названия, которые относятся к половой сфере;
- названия, описывающие предметы одежды (данная группа получила распространение вследствие табуизации названий, связанных с физиологией человека; таким образом, под запрет попали названия одежды, описывающие нижнее белье. Так, например, многие используют слово сорочка вместо слова комбинация или плавки вместо слова трусы);
- названия преступлений и влекущих их последствий;
- названия экономической сферы, (сферы денег, понятий бедности, некоторых профессий) – данная группа стала распространенной ввиду

изменчивости экономики общества, а также смены народных классов, смены профессий. Так, непрестижные профессии заменяют эвфемизмами из-за нежелательной мотивации формы слова. В качестве примера можно привести словосочетание *домашняя работница*, заменившая слово *прислуга*. Слово *деньги* во многих народах является запретным. Этому послужили многие лингвистические и экстралингвистические факторы. Во многих странах тема зарплаты до сих пор является сугубо личной и запретной в обществе);

- названия социально-политической жизни;
- названия сомнительных / неприятных действий в политической сфере [71, С. 76].

Данные группы эвфемизмов могут быть актуальными в разные этапы развития общества. В прошлом более актуальными были темы, связанные со сверхъестественным, болезнями, смертью, физиологией; сейчас актуальными являются эвфемизмы, относящиеся к экономической сфере, социально-политической сфере, а также эвфемизмы, описывающие психические и физические недостатки человека.

Классификация Л.П. Крысина, основанная на темах и сферах деятельности человека, имеет общие черты с лексико-семантической классификацией А.М. Кацева. Однако классификация А.М. Кацева более детальная и представляет больше лексико-семантических классов эвфемизмов.

В.П. Москвиным была предложена другая классификация эвфемизмов – мотивационная. Данная классификация основана на способе образования эвфемизмов и предлагает такие группы, как номинация метафорическая и метонимическая, прономинализация, использование синекдохи, аббревиации, перифраз, паронимов, антономазии и других.

В.П. Москвин предлагает разделить приемы эвфемизации на несколько разрядов:

- 1) эвфемизация, в основу которой входит двусмысленность (метафора, метонимия и другие);

2) эвфемизация, в основу которой входит неясность (замена понятия, антономасия, прономинализация, эллипсис);

3) эвфемизация, основанная на неточности речи (мейозис, синекдоха);

4) эвфемизация, основанная на прямом использовании значения слова [116, С. 64-67].

Данная классификация интересна при изучении взаимосвязи стилистики и эвфемизмов. Здесь можно проследить те стилистические функции, которые наиболее ярко выражены при использовании эвфемизмов в том или ином контексте. Однако при изучении именно политического дискурса мотивационная классификация не очень важна, так как данный вид дискурса не перенасыщен стилистическими средствами, чтобы изучать их функции. Если же стилистические средства, выраженные эвфемизмами, присутствуют в политическом дискурсе, интересна будет не их стилистическая сторона, а прагматическая. Более того, В.П. Москвин не поясняет, что он понимает под неясной, двусмысленной и неточной речью, и какова разница между ними.

В.П. Москвин также выделяет классификацию эвфемизмов по степени сложности их зашифровки. Эвфемизмы, которые служат заменой одного и того же наименования, образуют синонимический ряд. Этот синонимический ряд противопоставлен на основании сложности зашифровки. Таким образом, он выделяет три степени зашифровки.

1. Одна степень (сюда он относит наименование прямое, соотносящееся с ближайшим родовым понятием: таракан – насекомое).

2. Две степени (наименование прямое соотносится с наименованиями ближайшего и следующего родового понятия: вошь – паразит – насекомое).

3. Три степени (наименование прямое соотносится с наименованиями ближайшего и следующего родового понятия и определениями, которые показывают отличительные особенности и нежелание собеседника их называть: КГБ – компетентные органы – известная организация – органы) [115, С. 40].

Далее В.П. Москвин выделяет два способа зашифровки эвфемизмов: комбинированный и простой. Чтобы получился простой эвфемизм, потребуется один способ зашифровки, для производства комбинированного – два и более способа [115, С. 42].

Данная классификация и характеристика эвфемизмов имеет особое значение и может быть успешно применена в прикладной лингвистике.

Е.Е. Краснова выделяет 5 групп эвфемизмов в английском и русском языках, основываясь на их порождающих мотивах.

1. Эвфемизмы, в основе которых лежит страх.
2. Эвфемизмы, в основе которых лежит приличие.
3. Эвфемизмы, в основе которых лежит деликатность.
4. Эвфемизмы, в основе которых лежит маскировка.
5. Эвфемизмы, которые облагораживают [89, С. 17].

Данная классификация описывает мотивы, которые часто взаимодействуют между собой, вследствие чего их трудно отделить один от другого. Например, мотив деликатности почти всегда взаимодействует с мотивом приличия. Один мотив может сопутствовать другому мотиву, тем самым осложняя принцип деления эвфемизмов на группы.

Е.П. Сеничкина предлагает ввести морфологическую классификацию эвфемизмов. Она отмечает, что данная классификация важна, так как «отсутствие в теории эвфемии русского языка морфологической классификации эвфемизмов оставляет неразрешенным вопрос о системе способов применения той или иной части речи в роли эвфемистической замены, о лексико-грамматических и словообразовательных особенностях части речи, обусловивших возможность употребления той или иной грамматической категории в функции эвфемизма» [283, С. 70].

Она выделяет следующие слова, служащие эвфемизмами в русском языке, которые относятся к таким частям речи, как:

Имена существительные. В данной группе эвфемизмов можно выделить:

- слова с обобщённым значением (часто их значение размыто, десемантизировано);

- иноязычная лексика (данный вид лексики используется в качестве эвфемизмов довольно давно; как пример можно привести слово *заяц*, которое относилось к табуированной лексике – так, в рязанской области слово *заяц* было заменено на *куень*, а в томской – *куян*);

- гиперонимы;

- различные аббревиации;

- апеллятивы (данные слова вошли в язык из народных сказаний: так, вместо слова *медведь* используют слова *Михаил Иванович*, *Мишка*, *Топтыгин*);

- диминутивы (обладают низкой степенью эвфемизма, так как содержат в корне отрицательное значение; данные эвфемизмы важны при назывании неблагоприятных явлений, заменяя их на смягченный вариант; «в подобных случаях значение диминутива осложнено дополнительной семой ослабления проявления качества или отрицательного характера оценочной стороны слова» [283, С. 70]);

- имена существительные с частицей не-.

Имена прилагательные. К именам прилагательным в роли эвфемизма можно отнести:

- прилагательные со смешанным значением (данная группа достаточно продуктивна, и часто данные прилагательные со смешанным значением переходят в разряд неопределенных местоимений);

- иноязычные прилагательные (в сравнении с именами существительными, прилагательные не так продуктивны и находят применение в основном в профессиональной и научной сферах – в качестве примера можно привести слово «асоциальный» – вместо падший человек);

- диминутивы (в качестве диминутива выступают прилагательные, в состав которых входит суффикс -оват- – простоват, полноват, бедноват и т.д.);

- номинации от «противного» (данная группа эвфемизмов тоже довольно продуктивна и представлена прилагательными с приставкой не-: незрячая вместо слепая, нехороший вместо плохой и т.д.).

Глаголы достаточно продуктивны при образовании эвфемизмов. «Однако, чтобы употребляться в функции эвфемизма, глагол должен обладать семантической редукцией в силу каких-либо лексико-грамматических его особенностей» [283, С. 86].

Местоимения довольно продуктивны в роли эвфемизмов из-за своей размытости, неточности и неопределенности. Зачастую эвфемизмами выступают определительные (местоимение всё в сочетании с другими словами – готов на всё, всё кончено и т.д.), личные (часто табуированная лексика заменяется личными местоимениями: *он* вместо *дьявола, черта* и т.д.), неопределенные (наиболее частыми эвфемизмами являются местоимения с аффиксом кое-: кое-куда, кое-что и т.д., скрывающие отрицательную коннотацию и несущие в себе компонент намёка) и указательные местоимения (например, местоимение там может заменять неблагоприятные направления, такие, как ад, тюрьма и т.д.).

Наречия довольно часто встречаются в функции эвфемизмов. «Это наречия со значением ослабленности признака действия, признака в ситуациях, не допускающих градации или ослабления признака» [283, С. 89]. Так, примерами могут послужить такие наречия, как *почти, частично, слегка* и т.д.

Частицы в функции эвфемизмов встречаются довольно редко. Можно отметить частицу *как бы*, которая используется в языке говорящим с целью дезориентации, данная частица размывает смысл и придаёт фразе незавершенность.

Междометия рассматриваются как «свернутые» слова, как заменители некоторых неприятных слов, поэтому их можно рассматривать в функции эвфемизмов. Довольно часто в разговорной речи встречается междометия *ля-ля* или *траля-ля* в значение «не обманывайте, не придумывайте».

Слова-звукоподражатели в разговорной речи можно рассматривать в эвфемистической функции. В качестве примера можно привести такие звукоподражательные слова, как *тю-тю* – в значении закончиться, *тьфу-тьфу* – как бы не сглазить, *ку-ку* – ненормальный, *трамтарарам* – заменяет бранную лексику [283, С. 92].

Е.П. Сеничкина также выделяет 4 вида эвфемизмов, к которым она относит эвфемизмы по происхождению, исторические, функциональные и языковые.

Современные носители языка не считают эвфемизмы по происхождению эвфемизмами как таковыми. Эвфемизмы по происхождению возникают в языке по причине эвфемистической функции.

Е.П. Сеничкина говорит о том, что в значительной степени эвфемизмы по происхождению представлены в медицинской лексике. «При наличии в русском языке исконного слова появление иноязычного термина, синонима, вызвано не только требованием общей унификации терминов, но и освобождением наименований от отрицательной оценки или коннотации. Например, болезнь сердца, которая раньше именовалась грудная жаба ..., переименована в иноязычный термин – стенокардия» [283, С. 14].

К эвфемизмам по происхождению Е.П. Сеничкина также относит и аббревиатуры. Они представляют собой прямые наименования. От полных же наименований их отличает неопределенность смысла, некоторая скрытность.

Исторические эвфемизмы в прошлом выполняли функцию замены. Они заменяли слова, которые считались запретными или табу. Такими запретами считалось произнесение имени Бога, нечистой силы, имени ловчих зверей. Поэтому носители языка не рассматривают эти слова как эвфемизмы. Только научные источники и словари могут помочь понять, носило ли слово эвфемистическую функцию в прошлом. В наше время также существуют запреты на произнесение определенной лексики – некоторые социальные эвфемизмы, засекреченные объекты и т.д. [283, С. 13].

К функциональным эвфемизмам относится очень маленький процент слов. К ним можно отнести такие слова, как *«некоторый, кое-что, вряд ли, до того ли, знаешь, как это называется, кое-кто, кто-то»*. Такие слова могут выполнять функцию эвфемизмов в определенных контекстах. Функциональным эвфемизмам свойственны все признаки эвфемизмов, и они регулярно выполняют эвфемистическую функцию. То есть функциональные эвфемизмы не являются языковыми, но они выполняют их функцию.

Всем известно, что термины в основном встречаются в науке, где они выполняют свою основную функцию. Как только термины выпадают из своей среды, попадают в речь большинства и выполняют нетерминологическую функцию, они попадают в категорию функциональных эвфемизмов.

Так, например, слова «неточность» или «погрешность» довольно часто встречаются в точных науках. Если же человек использует эти слова вне области науки, они становятся эвфемизмами, заменяющими слово «ошибка».

Языковые эвфемизмы в большей степени представлены в языке, и именно они понимаются и осознаются говорящими как эвфемизмы. Чтобы эвфемизм стал языковым эвфемизмом, он должен регулярно выполнять эвфемистическую функцию [283, С. 16].

При изучении эвфемизмов в политическом медиадискурсе актуальными будут классификации, описывающие темы и сферы эвфемизации, а также морфологическая классификация. В нашей работе мы опираемся на тематическую классификацию Л.П. Крысина и М.Л. Ковшовой и классификацию эвфемизмов, предложенную Е.П. Сеничкиной. Будет целесообразно изучить частоту использования эвфемизмов, согласно их тематической и морфологической классификации. Так, мы сможем определить, что актуально для общества в определенный временной период, и изучить, с какой целью используются данные эвфемизмы в речи.

1.2.4 Функции эвфемизмов

Согласно традиционной интерпретации эвфемизма, он рассматривается как смягчающее средство, слово или выражение, которое заменяет то, что для говорящего было бы неприличным и грубым. При рассмотрении личной сферы эвфемизм можно понимать как средство, которое смягчает некоторые неприличные слова и тем самым помогает избежать грубости. Но как только мы перейдем на социальную сферу, функции замены неприличного и грубого слова становится недостаточно, поэтому можно и нужно выделить несколько функций эвфемизмов, которые будут существенны как для личной, так и для социальной сферы.

Главная цель, которая заложена говорящим, когда он использует эвфемизм, будь то в межличностном или социальном общении, – это желание избежать коммуникативных неудач или конфликтов и не вызвать ощущения дискомфорта в коммуникации у собеседника.

«В эвфемизмах этого рода иначе, в более вежливой форме – по сравнению с иными способами номинации – называют объект, действие, свойство. Ср., например, употребляющиеся в функции своеобразных терминов слова слабослышащий (вместо глухой), незрячий (вместо слепой), а также высказывания типа *Она недослышит, Он прихрамывает* (о сильно хромящем человеке), *Да что-то я приболел – температура под сорок*, и т.п. Канцелярский штамп *заслуженный отдых (покой)* в сочетаниях *уйти (проводить) на заслуженный отдых (покой)* ощущается многими говорящими как более вежливое выражение, чем слово *пенсия*, в особенности, если оно употребляется в присутствии лица, о котором идет речь (по-видимому, потому, что слово *пенсия* может вызвать у адресата нежелательные ассоциации с социальной ущербностью)» [90, С. 391].

В качестве примера можно привести предложения:

- *Этот костюм вас взрослит* (вместо – этот костюм вас старит) или
- *Вы стали таким взрослым* (вместо – вы стали таким старым).

Говорящий целенаправленно использует эвфемизмы *взрослеть* и *взрослый*, чтобы не затронуть личную сферу человека и не оскорбить его. Так как тема возраста человека всегда была и, скорее всего, будет сугубо личной.

Следующей целью эвфемизации можно назвать камуфляж, или вуалирование определенных фактов действительности. Данная функция будет более актуальна для социальной, политической и экономической сфер.

Слова-эвфемизмы, которые используются с этой целью, довольно разнообразны и весьма характерны для современной языковой действительности. Причиной этому могла послужить лживость, распространенная в социальной, политической и экономической среде. Говорящий прибегает к помощи эвфемизмов, когда не желает раскрывать тайну или называть проблему своими словами. «Недаром камуфлирующие наименования наиболее частотны при описании того, что надо скрывать: жизни лагеря или тюрьмы, работы оборонных предприятий, скрытой деятельности верхушки коммунистической партии, госаппарата, работы ЧК – ОГПУ – НКВД – МГД – КГБ – ФСК, которые получили эвфемистическое название компетентные органы» [90, С. 392].

В качестве примеров можно еще привести такие слова, как *учреждение*, которые часто используются вместо слов *тюрьма* или *лагерь*; *контролер* – вместо слова *надзиратель*; *доброжелатель* или *информатор* (от английского – *inform* – сообщать) – вместо довольно распространенных слов в криминальной сфере *стукач* или *агент*.

«Весьма показательны также в качестве «камуфлирующих» многочисленные наименования с первой частью спец-: *спецконтингент* (о заключенных или ссыльных), *спецотдел* (а также особый отдел в воинских подразделениях, в гражданских – первый отдел, что также является эвфемистическим обозначением службы сыска и цензуры), *спецраспределение*, *спецсектор*, *спецзадание*, *спецполиклиника*, *спецхран* – как сокращенное название отдела специального хранения книг в библиотеке, то есть книг, не выдаваемых читателям без особого на то разрешения, и т.п.» [90, С. 392].

Политическая жизнь порождает эвфемизмы. Некоторые политики и новостные СМИ очень умело применяют неопределённость эвфемизмов для сокрытия фактов действительности. Например, *depression* (депрессия) используется вместо *economic crisis* (экономический кризис), а «*промышленный конфликт*» вместо «*бастовать*». Подобные слова и выражения скрывают реальную правду событий, сбивая людей с толку приятно звучащими псевдо-техническими словами [266, Р. 20].

Такие камуфлирующие обороты или слова распространены не только в политической среде. К такой лексике говорящий прибегает в том случае, когда прямое название или обозначение свойства, действия или объекта может спровоцировать нежелательные общественные эффекты среди масс, а также негативную реакцию на какие-либо слова или выражения. Так, например, современная пресса использует такие эвфемизмы, как *освобождение*, *либерализация* или *упорядочение цены*, когда пишет об экономических событиях. Данные эвфемизмы очень удачны в том плане, что они могут быть использованы при назывании любых процессов, связанных с деньгами или ценами – будь то понижение, сохранение на одном уровне, повышение. В действительности же вышеприведенные эвфемизмы в основном используют для вуалирования малоприятного для большинства людей явления – рост или повышение цен [90, С. 392].

Если же говорить о социальной сфере, то проблема напряженности отношений между разными национальностями и народами остается актуальной в современном мире, где почти каждый день мы слышим об очередном конфликте на национальной почве. Люди, которые выступают публично (это могут быть журналисты, комментаторы, депутаты, политические деятели и т.д.), боятся усилить напряженность на национальном уровне, используя в своей речи неточные слова или неловкие выражения, и тем самым невольно поспособствовать межэтническому раздору. Поэтому они стараются передать смысл, не говоря прямо, а интерпретируя

смысл единицами или эвфемизмами, которые не нанесут морального вреда слушающему или тому, о ком идет речь [90, С. 397].

Следующая немаловажная цель, которую преследует говорящий при эвфемизации своей речи, – это желание передать адресату сообщение таким образом, чтобы только он это понял. Конечно, секретность такого рода иногда настолько относительна, что может стать мнимой в случае, если эти сообщения имеют место не в переписке между индивидуумами, а становятся достоянием публики. Сюда можно отнести различные объявления, которые публикуются в печати или вывешиваются самовольно на досках объявлений, остановках, заборах, станциях метро и т.д. Так, например, в объявлении «Меняем однокомнатную квартиру на двухкомнатную по весьма хорошей договоренности» владелец жилья прибегает к помощи эвфемизма *по весьма хорошей договоренности*, чтобы не указывать цену, которую он готов доплатить при сделке. С целью сокрытия сути передаваемого сообщения также связаны объявления, которые касаются отношений между женщиной и мужчиной. В объявлениях такого рода эвфемизмы «употреблены не в их словарных значениях, а тех, которые хочет выразить адресант; при этом, правда, эти эвфемизмы плохо выполняют свое камуфлирующее предназначение, так как их «тайный» смысл прочитывается достаточно легко» [90, С. 397].

Грамотное употребление эвфемизмов имеет несомненное значение в политическом пиаре, предвыборных гонках. Неправильное словоупотребление той или иной языковой единицы на обложке политического журнала, упаковке определенного товара ведет к снижению продаж, падению рейтинга политического лидера [87, С. 76].

Основной функцией эвфемизмов, по мнению Э. Креспо-Фернандес, является вежливость. Благодаря ей можно избежать грубости в речи и заставить людей чувствовать себя комфортно при разговоре. Неопределённость – это один из способов соответствия правилам вежливости для определенной культуры, без представления угрозы собеседнику. Это означает, что в реальной жизни, когда

люди сталкиваются с неприятными вещами или неподобающим поведением, зачастую они используют в речи абстрактные выражения, чтобы не звучать грубо и не задеть чьих-либо чувств, то есть они используют эвфемизмы. Когда англоговорящие люди обсуждают внешний вид, они не используют в речи слова *ugly* (страшный) или *awful* (ужасный), поскольку оба слова имеют уничижительный оттенок. Вместо этого они используют следующие слова – *plain-looking* (простой) или *not pretty* (несимпатичный). Вежливость играет важнейшую роль в человеческой коммуникации, поскольку сглаживает межличностные отношения. Вежливость рассматривается как один из основных ограничителей человеческого взаимодействия, который регулирует коммуникативное поведение участников и постоянно напоминает о том, что следует учитывать чувства других людей. Это необходимо для того, чтобы установить уровень взаимного комфорта и способствовать взаимопониманию, что в свою очередь облегчает общение. Конечной целью вежливости общения является создание расслабленной и непринуждённой обстановки. Эвфемизм и вежливость – это взаимозависимые явления в языке в том смысле, что необходимость быть вежливым и сохранять «лицо» в значительной степени определяет использование эвфемизма. Понятие «лицо» относится к тому, какое впечатление хотят произвести участники коммуникативного контекста, и имеет две стороны: *позитивное лицо* (соотносится с желанием индивида быть положительно воспринятым в социальном контексте) и *негативное лицо* (соотносится с желанием индивида не испытывать дискомфорт). Позитивное лицо представляет собой «достойный, положительный образ, на который претендуют коммуниканты в ходе речевого взаимодействия», в то время как негативное лицо – это «желание каждого взрослого человека иметь свободу действий, недопустимость вмешательства со стороны других» [41, С. 50]. Эвфемизм воздействует на каждую из двух сторон понятия «лицо»: во-первых, он реагирует на потребность говорящего сгладить потенциальные социальные конфликты, которые могут исказить публичный облик; во-вторых, он сводит к минимуму угрозу независимости собеседника [231, Р. 80]. Понятие «лицо»

настолько тесно связано с эвфемизмом, что определение второго, данное К. Алланом и К. Барридж, имеет отсылку к понятию «лицо» следующим образом: «Эвфемизм используется в качестве альтернативы представленному выражению во избежание возможной потери лица: либо собственного, либо публики или третьей стороны» [212, Р. 11]. Конечно, в вежливом социальном взаимодействии есть желание защитить лицо собеседника, минимизируя потенциальный конфликт, что, в свою очередь, предполагает сохранение собственного лица говорящего. Вежливость и лицо настолько взаимосвязанные понятия, что между ними существует рефлексивность: необходимость соответствовать положениям социально адекватного поведения мотивирует говорящего на использование эвфемизмов. Оно ставит целью сохранить лицо участников коммуникативного акта.

В прагматике эвфемизмы также выполняют функцию табу. Табу является непосредственной психологической основой появления феномена эвфемизма. Использование эвфемизмов позволяет избегать неприятных, грубых моментов в речи. В общем и целом, эвфемизм берет свое начало из табу. Давнее использование в речи эвфемизмов тесно связано с табу. На самом деле, эвфемизмы уходят корнями в язык табу раннего периода человеческой цивилизации. Когда люди пытаются избежать использования табуированных слов в своей речи, им приходится искать на их замену другие слова. Существует несколько категорий табу, например, рождение, похороны, секс, нагота, дефекация и мочеиспускание. Если лексика этих категорий выражена напрямую, она называется табуированной. Такие слова звучат вульгарно, пошло и резко, тогда как эвфемизмы – нейтральнее, мягче и вежливее [223, Р. 36].

Иногда люди используют эвфемизмы, чтобы сделать свою речь более убедительной. Так, например, лексика, связанная с косметической индустрией, обладает особой побуждающей коммуникативной функцией. Эвфемизмы широко используются в рекламе и рекламных акциях. Некоторые авиакомпании разделили классы обслуживания пассажиров на 4. Они используют *deluxe* (делюкс) или *premium class* (премиум класс) вместо *first class* (первый класс). *The*

second class (второй класс) трансформировался в *first class* (первый класс), в то время как *third class* (третий класс) был переименован в *business class* (бизнес-класс) или *tourist class* (эконом-класс). Так звучит мягче и нейтральнее. С номерами отелей поступили так же. Они делятся на первый класс, стандартный и отдельный номер. Эти слова приятно звучат и не имеют ничего общего с самооценкой потребителя. Также слово *antique* (антиквариат) заменяет слово *second-hand furniture* (подержанная мебель). Когда продавец слышит слово «антиквариат», шансы продать товар увеличиваются. Люди часто используют словосочетание *compact car* (компактный автомобиль) вместо *small car* (маленький автомобиль). Несмотря на то, что значения этих слов одинаковые, *small* (маленький) будет ассоциироваться с дешёвой и ненадежной машиной, когда в слове *compact* (компактный), акцент сделан на изысканности и утончённости товара. Представленные выше эвфемизмы смягчают резкость используемых слов и повышают уровень доверия к товару. В результате, товар ориентирован на потребителя, и главная цель продаж будет непременно достигнута. С прагматической точки зрения, достижение побуждающей функции обусловлено торжеством подлинного значения слова [266, Р. 21]. Получается, что эвфемизмы несут и определенную экономическую функцию. Например, телефонный тариф не называют *expensive*, а именуют *peak*; выделяют следующие размеры упаковки стирального порошка («*small*», «*medium*», «*family size*»); различаются нижеупомянутые виды зубных щеток («*for small teeth*», «*for standard teeth*») [128, С. 96].

Другой функцией эвфемизмов является тактическая. Так, например, в самолете предусмотрены специальные пакеты для тех случаев, когда пассажиру становится плохо. Обычно на поверхности пакета не печатают слова *vomit bag* (рвотный пакет). Вместо этого используют термин *for motion discomfort* (для дискомфорта при движении). Пассажиры, находясь в состоянии воздушной болезни, менее склонны к рвотным позывам, когда видят надпись *for motion*

discomfort (для дискомфорта при движении) на пакете. Это и есть тактическая функция эвфемизмов [266, Р. 21].

Язык – это система знаков, которая стала активно использоваться людьми, постепенно развиваясь и обогащаясь. С развитием нашего общества, некоторые слова становятся грубыми, вульгарными и, по крайней мере, нетактичными. А другие перестают использоваться из-за религии, суеверий, обычаев и по другим причинам. Для того, чтобы лучше поддерживать социальные отношения и обмениваться мыслями при общении друг с другом, людям приходится изобретать новый язык, который поможет превратить не совсем приятные слова в приемлемые и даже приятные. В каждом языке есть такие слова, которые люди избегают в речи на подсознательном уровне, поскольку они считаются вульгарными и непристойными. Поскольку «оскорбительный» смысл, которым обладают подобные слова, нужно обязательно избегать и сегодня, их часто заменяют на описательные выражения, то есть эвфемизмы [257, Р. 53].

Эвфемизмы – это мощные лингвистические инструменты, которые настолько глубоко внедрены в наш язык, что даже те, кто гордится своей прямолинейностью, с трудом обходятся без них в повседневной жизни. Необходимость в использовании эвфемизмов может быть, как социальной, так и эмоциональной, поскольку таким образом есть возможность обсуждать табу-темы (такие как секс, внешность или религия), а также поступки, оказывая небольшое давление на собеседника, но при этом сохраняя чувство такта.

Существуют различные цели использования эвфемизмов в речи: избегание конфликтов, вуалирование сущности дела, смягчение негативной «нагрузки» на текст, создание положительно окрашенного образа компании, политического деятеля, определенного органа государства, их деятельности, вуалирование сомнительных операций, преувеличенное подчеркивание успешной работы того или иного предприятия. Умение уместно использовать эвфемизмы ведет к продвижению идей определенной партии, укреплению власти политического лидера, увеличению доверия со стороны людей. Напротив, пренебрежение

использованием эвфемизмами может увенчаться для государственного деятеля, президента уменьшением числа сторонников, потерей поддержки со стороны «задетой» неуместным словом группы населения.

Проанализировав функции эвфемизмом, мы пришли к выводу, что некоторые их них пересекаются и могут быть объединены в две основные: функция избегания коммуникативных конфликтов и сохранения «лица», и функция камуфляжа, или вуалирования определенных фактов действительности.

§ 1.3 Хеджирование как прагматическая стратегия смягчения

Основу человеческой коммуникации составляют язык и обмен информацией. В современный период перед устной речью стоят определенные задачи, и эти задачи делятся на две большие категории – обмен информацией и межчеловеческие аспекты коммуникации. Другими словами, когда мы разговариваем, каждое слово не просто несет значение, но и одновременно выступает в роли связи между людьми.

В современной лингвистике одной из актуальных проблем является повышение эффективности коммуникации в определенных ситуациях, контекстах. Хеджирование играет важную роль в общении людей. Оно представляет собой важный аспект языка, так как помогает выразить свою мысль таким образом, чтобы не создать коммуникативный дискомфорт у собеседника.

1.3.1 Определение понятия хеджирования

Понятие хеджирования в лингвистике относительно новое. В оксфордском толковом словаре понятие «*hedge*» определяется как «*a row of bushes or small trees planted close together, usually along the edge of a field, garden / yard or road*» (ряд кустов или маленьких деревьев, посаженных близко друг к другу, обычно вдоль полей, садов или дорог) [294, P. 724]. По данному определению, слово «*hedge*»

понимается как «живая изгородь» или «преграда». В этом значении многие лингвисты рассматривали и рассматривают данный феномен.

Несмотря на то, что понятия «хедж» и «хеджирование» являются частью лингвистической лексики уже больше 30 лет, нет их общего определения. Было много попыток обобщить множество определений, что есть хеджирование, однако исследователи продолжают рассматривать его по-разному.

Считается, что явление хеджирования было впервые введено Л. Заде (1965 г.). Он пишет о теории нечетких множеств, или *fuzzy sets theory*. В своей работе автор утверждает, что некоторые объекты природного мира не всегда легко соотносятся с лингвистическими категориями, которые описывают мир. Данную теорию он применяет при моделировании структуры любого естественного языка – грамматических категорий, значений лексем и принципов естественного называния объектов. Согласно данной теории, не везде уместно использовать лексические модификаторы, так как при маркировке понятия лексическим модификатором указание будет введено не на прототип данного класса. Так, сказать: «Угорь представляет собой нечто, вроде рыбы» уместно, а «Щука представляет собой нечто, вроде рыбы» уже нельзя [276, P. 349]. Если мы скажем, что «малиновка – это нечто вроде птицы», то данное выражение будет абсурдным, так как малиновка и есть птица, а если лексический маркер «как бы» или «нечто вроде» птицы использовать для пингвина, то это звучит вполне уместно.

Позже, в 1966 году, исследованием понятия хеджирования занимался У. Вайнрайх. Автор пишет, что для более простых целей в языках используется собственный метаязык. Он утверждает, что во всех языках можно выделить подобные понятия, или металингвистические операторы, к которым он относит такие слова, как *true*, *so-called*, *real* и другие. По мнению У. Вайнрайха, основной функцией этих металингвистических операторов является свободная или строгая интерпретация десигнатов [274, P. 63].

Дж. Лакофф привлек внимание к проблеме соотнесенности природных феноменов и естественных лингвистических концептов, которые, по его

утверждению, обладают «размытыми границами». Предметом исследования Дж. Лакоффа являлись лингвистические феномены, которые можно было использовать для периферийных понятий, относящихся к более обобщённым концептуальным категориям. Дж. Лакофф внимательно изучил группу слов, которую он назвал хеджами, «words whose meaning implicitly involves fuzziness – words whose job is to make things fuzzier or less fuzzy» [254, P. 471]. То есть он определяет хеджи как слова, чье значение имплицитно подразумевает нечеткость – слова, задача которых представить предметы более или менее четкими. Таким образом, он пишет, что хеджи – это фразы или слова, главной функцией которых является представление предметов и явлений неоднозначно. Их использование указывает на то, что говорящий не полностью уверен в точности той информации, которую он излагает в процессе своего общения. Вместо того, чтобы суждение звучало фактом («Это лекарство Вам поможет»), говорящий приходит к помощи хеджирования, чтобы целенаправленно уйти от прямого изречения (Я считаю, что это лекарство могло бы Вам помочь) [254, P. 471].

Работа Дж. Лакоффа и его определение хеджирования стали отправной точкой в ряде более поздних исследований данного феномена. Хотя значение понятия «хеджирование» было расширено и включило в себя другие виды слов, которые ранее не вошли в список Лакоффа, тем не менее, его работа считается базовой при исследовании этого понятия. Она была направлена на изучение теоретической значимости и практической возможности изучать нечеткие выражения в естественном языке при помощи логики. Анализ Лакоффа включает в себя лингвистические неясные понятия, которые используются для естественных феноменов, выпадающих за рамки ядра концептуальных категорий естественного языка, таких, как «животное», «рыба» или «птица».

То есть вместо того, чтобы сказать, что «Whales are mammals» («Киты – это млекопитающие»), можно сказать, что на самом деле они относятся не столько к ядру группы, а сколько к периферии, и тем самым скажем, что «Whales are more or less mammals» («Киты практически млекопитающие»). Таким образом,

периферийная позиция китов в группе млекопитающих определена хеджем *more or less (практически)*, так как китообразные не являются прототипом млекопитающих.

Б. Фрейзер рассматривает хеджирование как риторическую стратегию, которая указывает на неуверенность говорящего в том, что он говорит, а также на отношение к иллокутивной силе высказывания. Выбирая определенное слово, структуру или особую просодическую форму предложения, говорящий намекает на отсутствие своих прямых обязательств. Б. Фрейзер пишет об ослаблении смысла предложения, если в нем присутствует хеджирование. Использование хеджирования, по мнению Фрейзера, – это преднамеренное действие говорящего. Для этого он выбирает определенные лингвистические средства – хеджи – с целью изменения восприятия содержания предложения. Таким образом, хеджи представляют собой лингвистические средства – лексические или синтаксические структуры, которые смягчают контекст. Более того, хеджи не образуют грамматических категорий [241, Р. 202].

Г. Клемен пишет, что не существует границ лингвистического выражения хеджирования. Он говорит о том, что почти любое лингвистическое средство может быть интерпретировано как хедж. Ни одно слово, по существу, не является хеджем. Слова могут приобрести свойство хеджа в зависимости от коммуникативного контекста. Следовательно, нельзя составить определенную классификацию хеджей [227, Р. 236].

П. Браун и С. Левинсон рассматривают принципы вежливости и относят хеджи к средствам выражения негативной вежливости, цель которых – избежать разногласия. На первый план они выдвигают прагматический аспект: использование хеджирования помогает сохранить «лицо» говорящего. Именно сохранение «лица» достигается с помощью хеджирования [220, Р. 165].

В своей монографии «Преуменьшение и хеджирование», А. Хюблер разграничивает данные понятия, однако «преуменьшение», по его мнению, может быть использовано и как общее понятие для преуменьшения и хеджирования.

Преуменьшение в первую очередь имеет отношение к содержанию предложения, в то время как хеджирование соотносится с мнением говорящего по отношению к слушающему. А. Хюблер также рассматривает хеджирование как желание говорящего защитить себя. По его мнению, хеджирование используется для повышения привлекательности высказывания, чтобы сделать его более приемлемым для собеседника и тем самым повысить вероятность принятия и уменьшить вероятность отрицания. Используя хеджирование и демонстрируя неопределенность и оговорки, авторы и ораторы могут пытаться предположить отсутствие абсолютности или различную степень точности своих выступлений. В то же время, они могут попытаться сохранить «лицо» в случае любой возможной фальсификации своих суждений. Используя хеджирование и не приписывая свои идеи себе, авторы могут также предложить читателям оценить истинную ценность предложения как независимо мыслящей личности без возможности быть предвзятыми абсолютностью нехеджируемого утверждения [245, P. 83].

В. Намсараев рассматривает хеджирование как самостоятельное явление. Он пишет о том, что многие лингвисты рассматривают данное понятие в рамках других лингвистических явлений, таких, как модальность, метадискурс, стратегии вежливости. Однако он подчеркивает, что, если рассматривать понятие хеджирования через призму других понятий, многие средства, которыми хеджирование выражается, могут быть упущены. Тем самым, описание данного явления будет незавершенным и неполноценным. В. Намсараев пишет, что хеджирование представляет собой прагматическую категорию, которая включает в себя лингвистические средства, функционирующие на уровне межличностного метадискурса и осуществляющие защитную трансформацию высказывания [262, P. 65].

Таким образом, хеджирование может и должно быть рассмотрено как самостоятельное явление, которое представляет собой прагматическую стратегию, выполняющую защитно-эвфемистическую функцию высказывания за счет представления предметов и явлений нечеткими и неоднозначными. Средствами выражения хеджирования являются хеджи, цель которых –

ослабление иллокутивной силы высказывания, смягчение пропозиции в целом или ее отдельных частей.

1.3.2 Классификация хеджей

Хеджи – это лингвистические средства, которые контролируют степень неточности высказывания. Они помогают авторам выразить уверенность в истинной ценности своих заявлений. В своей работе «A Study In Meaning Criteria And The Logic Of Fuzzy Concepts» Дж. Лакофф приводит следующие примеры хеджей в английском языке: real, regular, actually, almost, as it were, basically, can be viewed as, crypto-, especially, essentially, exceptionally, for the most part, in a manner of speaking, in a real sense, in a sense, in a way, kind of, largely, literally, loosely speaking, more or less, mostly, often, on the tall side, par excellence, particularly, pretty much, principally, pseudo, quintessentially, rather, really, relatively, roughly, so to say, somewhat, sort of, strictly speaking, technically, typically, very, virtually [254, P. 472].

В классификации Дж. Лакоффа мы не наблюдаем разграничения единиц языка, выступающих в роли хеджей, на определенные классы или подгруппы – среди слов можно встретить различные части речи, простые и сложные хеджи.

К. Хайленд пишет, что хеджи можно рассматривать как категорию, которая указывает на размытость, неопределенность пропозиции. По словам К. Хайленда, хеджи не только обладают разными семантическими интерпретациями, они также несут ряд значений для определенных пользователей в определенном контексте. К. Хайленд заявляет, что особенные лингвистические формы не могут быть автоматически ассоциированы со специфической интерпретацией, но одна и та же форма может включать в себя различные функции [248, P. 433].

К. Хайленд выделяет следующие категории хеджей.

1. *Хеджи, ориентированные на содержание.*

Эти лингвистические средства смягчают отношения между пропозициональным содержанием и представлением реальности. Они определяют

соотношение того, что говорит автор о мире и каков мир в действительности. В этой группе хеджей можно выделить следующие подгруппы:

1.1. Хеджи, ориентированные на точность.

Данные хеджи указывают на желание автора быть как можно точнее в тех случаях, когда предположение выступает на первый план и действительность может быть отражена не в полной мере.

1.1.1. Определительные хеджи.

Хеджи данной группы могут указывать на то, что результаты могут варьироваться от предполагаемого идеала и позволяют достигнуть большего совпадения с помощью описательных терминов. Наречия или наречные конструкции, выражающие степень или частотность, относятся к этим хеджам.

1.1.2. Хеджи достоверности.

Хеджи достоверности выражаются модальными глаголами, модальными наречиями, прилагательными и существительными, которые выражают уверенность в истинности пропозиции, получаемой из доступной информации, полагаясь на предположение, умозаключение или повторяющийся опыт.

1.2. Хеджи, ориентированные на автора.

Данные хеджи рассматриваются как стратегия, направленная на защиту автора от возможных последствий передачи информации. К. Хайленд утверждает, что главным свойством этих хеджей является отсутствие отсылки на автора, что подразумевает использование безличных конструкций, страдательного залога или других средств, которые избегают прямого указания на автора.

2. Хеджи, ориентированные на читателя.

Такие хеджи используются в основном для создания благоприятных отношений между автором и аудиторией. Автор обращается к аудитории, которая способна активно участвовать в коммуникации. К хеджам, ориентированным на читателя, относятся условные конструкции и вопросы [248, P. 446].

Данная классификация не всегда может быть использована при описании хеджей, так как некоторые из них можно отнести сразу к двум основным группам –

хеджам, ориентированным на содержание, и хеджам, ориентированным на читателя – из-за своей вариативности в выражении различных функций.

Далее рассмотрим классификацию хеджей, предложенную С.Н. Кишко, где хеджи описываются как иллокутивные единицы, направленные на реализацию коммуникативной интенции говорящего. Здесь хеджи могут быть разделены на 2 категории по принципу имплицитности и эксплицитности [76, С. 54].

Первая группа хеджей – имплицитные хеджи – описывает языковые средства, выражающие неуверенность на синтагматическом уровне.

Ко второй группе хеджей – эксплицитные хеджи – относятся средства языка, содержащие неуверенность на лексическом и грамматическом уровне и тем самым, не зависят от контекста высказывания.

К имплицитным лексическим хеджам относится использование местоимения «мы» вместо «я» и использование абстрактных существительных.

К имплицитным лексико-грамматическим хеджам относится использование прагматических транспозиций временных форм глагола, пассивно-безличных конструкций, разделительных вопросов.

К имплицитным синтаксическим хеджам относится использование комментариев неуверенности, паузаций, фонетических повторений.

Среди эксплицитных лексических хеджей выделяются наречия с модальным значением, модальные глаголы и маркеры, указывающие на маловероятную возможность реализации действия. К эксплицитным лексико-грамматическим хеджам можно отнести конструкции сослагательного наклонения, в которых выражена гипотетическая модальность [76, С. 56-57].

По словам В. Намсараева, существует 9 типов лексических хеджей в английском языке:

- модальные глаголы (will, must, might, can, should, could, would, may);
- эпистемические глаголы (believe, assume, suggest, estimate, think, argue, seem, propose, suppose);

- существительные, описывающие вероятность (assumption, claim, possibility, estimate, suggestion);
- прилагательные, описывающие вероятность (possible, likely, unlikely, clear, definite, certain, probable);
- наречия, описывающие вероятность (practically, presumably, clearly, probably, possibly, perhaps, definitely, certainly, apparently, completely);
- наречия, выражающие частотность (often, occasionally, generally, usually, sometimes, normally, frequently, always, rarely, never, seldom);
- придаточные предложения условия (if true, if anything);
- сложные хеджи (seems reasonable, looks probable, may be suggested);
- филлеры (you know, you see, by the way, sort of, well, hmm, uhm, uhh, all I know, I mean, yeah, like) [Цит. по: 272, P. 621].

В. Намсараев выделяет следующие виды хеджей в русском языке:

- модальные частицы (вряд ли, как бы, вроде бы);
- модальные слова, выраженные разными частями речи (наречиями: видимо, по-видимому, вероятно, возможно, очевидно, однако, пожалуй, наверно; прилагательными или местоимениями: определенный, известный, достаточный, некоторый, какой-то);
- мочь + инфинитив;
- конструкции можно/возможно + инфинитив;
- эпистемические глаголы в форме 1-го лица единственного числа (думать, полагать, предполагать, считать);
- конструкции с возвратными глаголами (казаться, предоставляться, считаться, отмечаться, как это называется и т.д.);
- вводные конструкции (на наш взгляд, с нашей точки зрения, по-нашему убеждению) [262, P. 71].

И. Бонча пишет, что хеджирование может быть представлено различными лексическими и морфологическими способами. Хеджирование, таким образом, может быть выражено с помощью:

- модальных глаголов;
- эпистемических глаголов;
- прилагательных, наречных и именных конструкций с модальным значением;
- лексических средств, выражающих степень, количество, частоту и время;
- условных конструкций;
- отрицательных конструкций;
- составных хеджей [219, Р. 10].

Модальные глаголы.

Модальные глаголы отражают отношение говорящего и помогают ему выразиться менее категорично. Кроме того, они позволяют говорящему звучать «размыто» в плане информативности, избегать конфликтных моментов и формулировать предложения таким образом, чтобы не обидеть слушающего.

Модальные глаголы (will, shall, would, should, may, might и другие), выражающие возможность того, что что-то произойдет, или неуверенность говорящего в истинности пропозиции, не всегда играют роль хеджей:

*If it is true, it **may** be good news* (Если, это правда, то это может быть хорошей новостью) – модальный глагол *may* является хеджем, так как смягчает пропозицию.

***May** I go out?* (Можно ли мне выйти?) – модальный глагол *may* не является хеджем, так как не выполняет защитную функцию пропозиции.

Эпистемические глаголы.

Эпистемические глаголы, в основном так называемые речеактовые глаголы, используются для таких действий, как оценка, предположение или сомнение. К таким глаголам относятся глаголы мыслительной деятельности в английском языке: *assume, seem, think, appear, believe, suggest, tend, argue, estimate, speculate, think, indicate, suppose* и т.д. Когда они используются как хеджи, данные глаголы могут выражать уверенность автора в правдивости его высказывания или,

наоборот, нежелание говорящего, чтобы его предложение было воспринято как его личное мнение.

Прилагательные, наречные и именные конструкции с модальным значением.

Прилагательные выступают в роли хеджей, когда они используются в паре с именами существительными или глаголом быть (to be). К ним относятся прилагательные *probable, possible, (un)likely*.

Имена существительные несут смысл уверенности, или наоборот, сомнения, и к ним можно отнести такие существительные, как *claim, probability, possibility, assumption, likelihood, suggestion, doubt* и другие.

Наречия выполняют функцию, сходную с модальными глаголами, и к ним относятся такие наречия, как *perhaps, probably, practically, possibly, likely, virtually, presumably, apparently*.

Лексические средства, выражающие степень, количество, частоту и время.

Лексические средства, выражающие степень, количество, частоту и время, могут быть выражены прилагательными или наречиями, цель которых – ослабить значение той части речи, которую они сопровождают. К ним относятся такие слова, как *somehow, somewhat, little, much, a lot, approximately, about, hardly, scarcely, roughly*. Такие хеджи используются, когда точное количество неизвестно или неважно; когда говорящий стремится передать нечеткость по поводу количества в случаях, когда точное количество неизвестно.

Условные конструкции.

Условные конструкции передают гипотетическое значение, то есть они подразумевают неопределенность. Они могут быть использованы и с другими хеджами внутри самой условной конструкции, чтобы передать недоверие автора к сказанному предложению. Условные конструкции используются в основном тогда, когда гипотетические действия возможны только при определенных условиях. Их важная роль в качестве хеджей заключается в том, что условные

конструкции выстраивают определенные границы будущих или прошлых действий, которые помогут говорящему отказаться от ответственности в точности суждений. Типичные условные конструкции могут содержать имплицитные или эксплицитные условия. К условным конструкциям можно отнести *If anything ...*, *If true ...*, *Should done ...*, *Unless ...* и т.д.

Отрицательные конструкции.

Под отрицательными конструкциями часто понимается использование литот, где преуменьшение используется для риторического эффекта. Идея выражается отрицанием противоположного, то есть отрицанием отрицания.

Например, вместо прямого высказывания «Something is attractive (привлекательный)», можно сказать более завуалированно «Something is not unattractive». В данном примере использование литоты помогает «защитить» или «оградить» автора от выражения похвалы слишком эмоционально.

В качестве хеджей можно встретить отрицательные приставки с прилагательными или глаголами.

Составные хеджи.

Понятие «составной хедж» было впервые введено Дж. Лайонзом в 1977 году [259]. Только он рассматривал его не как составной хедж, а как «гармоничную комбинацию» (harmonic combination). К таким комбинациям он относил сочетание модального глагола и другого слова с модальной нагрузкой, выражающее ту же степень модальности. Гармонические комбинации относятся к формам с одинаковым модальным значением, которые взаимно усиливают его роль в предложении.

Самые распространенные составные хеджи:

- Модальный глагол + смысловой глагол / модальное наречие: *it would indicate that; it would seem/appear;*
- Смысловой глагол + прилагательное / наречие в роли хеджа [219, P. 10].

Таким образом, составные хеджи представляют собой использование сразу нескольких слов в значении хеджей в одной пропозиции.

Важно заметить, что хеджирование является в первую очередь прагматическим феноменом, и его интерпретация зависит от контекста. Практически любая лингвистическая единица может функционировать как хедж в зависимости от прагматических факторов.

I think it's a little odd. (Я думаю, это немного странно) – think является хеджем.

I think about you all the time. (Я думаю о тебе все время) – think не является хеджем [273, P. 688].

Э. Креспо-Фернандес к хеджам он относится следующие:

- модальные глаголы (may, might, can, could, would, should);

May I ask you to put out your cigarette? (Могу ли я вас попросить убрать свою сигарету?), и *I would do it again* (Я бы сделал это снова). В этих предложениях модальные глаголы сглаживают прямоту приказов;

- модальные слова (прилагательные: probable, un/likely, possible; существительные: claim, suggestion, assumption, estimate, possibility; наречия: possibly, perhaps, practically, probably, presumably, likely, apparently, virtually), которые позволяют обойти конфликтные ситуации, как в просьбе *Could you possibly help me?* (Не могли бы вы мне помочь?);

- аппроксиматоры времени, степени, количества и частотности (roughly, approximately, often, about, generally, occasionally, somewhat, usually, a lot of, somehow);

- эпистемические глаголы (to argue, to assume, to believe, to estimate, to suggest, to think, to indicate);

- вводные конструкции (to our knowledge, is our view that, I believe, we feel that);

- условные придаточные предложения (if true, if anything), используемые с эвфемистической целью уменьшить резкость пропозиции благодаря опциональности условных придаточных предложений. Это представлено в

следующем предложении: *If I were you, I would take that dog to the vet* (будь я на твоём месте, я бы отвел собаку к ветеринару);

- разделительные вопросы (... , isn't it?);
- отрицательные конструкции (didn't...?);
- пассивно-безличные конструкции (it might be suggested) и т.д. [231, P. 82].

Э. Принс предлагает прагматическую классификацию хеджей [263, P. 83].

Изучение прагматических особенностей хеджей началось позже, чем исследование лексических особенностей. Если семантически хеджи обладают нечеткостью, размытостью, то прагматически они не меняют саму суть предложения, а отражают коммуникативную цель говорящего. Здесь хеджи играют роль важной коммуникативной стратегии.

В прагматике хеджи делятся на две группы – хеджи-преграды (shields) и хеджи-аппроксиматоры (approximators). Хеджи-аппроксиматоры могут влиять на восприятие людьми того или иного контекста. То есть хеджи-аппроксиматоры могут менять истинную суть высказывания, основываясь на фактах, или же предоставлять некую вариативность оригинальному тексту.

Хеджи-аппроксиматоры, в свою очередь, делятся на две подкатегории: адапторы (adaptors) (слова, которые определенным образом меняют оригинальное значение высказывания) и раундеры (rounders) (слова, предоставляющие определенную степень вариативности).

Хеджи-преграды (shields), в отличие от хеджей-аппроксиматоров, не меняют истинного смысла высказывания. Их основная цель – подчеркнуть мнение говорящего к степени истинности пропозиции. Как и хеджи-аппроксиматоры, хеджи-преграды могут быть разделены на 2 подгруппы: преграды, выражающие правдоподобие, и атрибутивные преграды [263, P. 83]. Классификацию хеджей Э. Принс можно увидеть на рисунке 2.

Рисунок 2 – Классификация хеджей Э. Принс

К **хеджам-преградам правдоподобия** можно отнести такие фразы, как:

- I am afraid / We are afraid ... (Боюсь, что ...);
- I / We guess ... (Я думаю / Мы думаем, что ...);
- I / We suspect ... (Я подозреваю / Мы подозреваем, что ...);
- I / We think ... (Я думаю / Мы думаем, что ...);
- I / We wonder ... (Мне интересно / Нам интересно, что ...).

К **атрибутивным хеджам-преградам** относятся безличные конструкции по типу:

- According to ... (Согласно ...);
- Somebody says that ... (Кто-то говорит, что ...);
- It is believed ... (Считается, что ...);
- It is said ... (Говорится, что ...);
- In one's view ... (По мнению любого ...).

К **адапторам** относятся такие слова как:

- More or less (Более ли менее);
- Somewhat (что-то);
- Kind of/ Sort of (как бы);
- Might (может);
- A bit/ a little (немного).

Раундеры представлены следующими словами (в основном наречиями):

- Over (сверх);
- Roughly (грубо говоря);
- Around (около);
- Approximately (примерно);
- About (около).

Хеджи-аппроксиматоры наделяют говорящего возможностью изменять контекст и предоставляют ему возможность использовать ряд адаптаций, то есть аппроксиматоры – это те хеджи, которые могут изменить изначальное значение пропозиции. В вербальной коммуникации использование этих хеджей может помочь говорящему звучать более или менее утвердительно и в итоге достичь успешной коммуникации.

Адапторы выступают в роли модификаторов в коммуникации. То есть, адапторы – это выражения, которые раскрывают степень истинности первоначального текста.

Так, например, в данном предложении используется адаптор «немного»:

Твое поведение немного грубое.

Когда говорящий критикует поведение другого, адаптор «немного» эффективно уменьшает степень критики и не дает возможность проявить агрессию по отношению к слушающему.

Раундеры – это те хеджи, которые «округляют» или ограничивают определенную тему. Это обычно слова, которые «измеряют» вещи. Когда говорящий использует раундеры, он стремится сосредоточиться только на степени, не обращая внимания на точность высказывания. К раундерам можно

отнести такие слова, как *около*, *приблизительно*, *в большей степени*, *грубо говоря*, *что-то между*, *или около того*, *по крайней мере*, *менее чем*, *более чем* и т.д.

Так, в предложении «*Сердце бьется около 60-64 ударов в минуту*» используется раундер «около», так как говорящий пытается высказаться так, чтобы его слова были недалеко от истины. Такая ситуация может возникнуть, если говорящий не знает точное количество того, о чем он говорит.

Хеджи-преграды, в отличие от хеджей-аппроксиматоров, не меняют истинного смысла пропозиции. Их основная функция – смягчить тон говорящего. Преграды работают как инструкции, указывающие на контекст, отражая мнение говорящего.

Преграды правдоподобия помогают выразить авторскую мысль прямо. Поэтому выражения, относящиеся к этой группе хеджей, включают в себя местоимения первого лица единственного и множественного числа. Тем самым говорящий показывает, что он берет на себя ответственность за сказанное им. Роль данных преград, отражающих правдоподобие, – смягчить тон говорящего и избежать навязывания своих собственных мыслей другим людям.

Атрибутивные преграды не передают мнения автора, но показывают отношение автора к сказанному опосредованно, цитируя других. Разница между преградами правдоподобия и атрибутивными преградами заключается в том, что атрибутивные преграды включают в основном безличные конструкции, тем самым исключают говорящего и защищают его [263, Р. 83].

Опираясь на классификацию хеджей Э. Принс, которая выделяет хеджи-аппроксиматоры и хеджи-преграды, а также изучив классификацию эвфемизмов Е.П. Сеничкиной, которая выделяет функциональные эвфемизмы (не закрепленные в словаре и являющиеся таковыми только в контексте), мы пришли к выводу, что хеджирование и эвфемизация взаимосвязаны между собой. Далее в работе мы будем определять хеджи как разновидность функциональных эвфемизмов, целью которых является ослабление иллокутивной силы высказывания, смягчение пропозиции в целом или ее отдельных частей, что

способствует избеганию коммуникативных конфликтов и сохранению «лица» или вуалированию определенных фактов действительности.

1.3.3 Функции хеджирования

Слово *hedge* в английском языке может быть как именем существительным, означая «преграду», «изгородь», так и глаголом «оградить». Следовательно, «*to hedge*» означает:

- преднамеренно использовать уклончивые и нечеткие предложения;
- сознательно использовать уклончивый или «размытый» язык;
- избегать отвечать на вопрос полно;
- звучать уверенно неоднозначным;
- использовать особые конструкции для достижения неопределенности (в основном глагольные и наречные выражения).

В. Намсараев определяет 4 параметра, характеризующих стратегии хеджирования:

- неопределенность – добавление степени расплывчатости или неопределенности слову / высказыванию;
- деперсонализация – отказ от прямых ссылок посредством использования слов «мы», «авторы» или других обезличенных конструкций;
- субъективизация – использование глаголов мышления и личного местоимения 1-го лица единственного числа с целью обозначения субъективности сказанного как личного взгляда, а не абсолютной истины, с использованием *я + думаю / полагаю, предполагаю* и других глаголов мышления;
- ограничение – удаление нечеткости или расплывчатости из части высказывания путем ограничения принадлежности к той или иной категории [262, Р. 67].

Хеджи – это средства выражения нечеткости. В современном мире не всегда есть необходимость использовать ясность в высказывании. Важным является

подтекст. Без подтекста язык стал бы скучным. Нечеткость – это главная характеристика языка, которая наделяет язык различными прагматическими функциями.

Во-первых, используя в своей речи хеджирование, говорящий смягчает свое высказывание. Он ставит перед собой задачу снизить риск противостояния. Хеджирование позволяет избежать личной ответственности за заявления.

Во-вторых, говорящий использует хеджи в своей речи, так как хочет, чтобы слушающий знал, что он не утверждает, что последнее слово по этому вопросу не за ним, тем самым вуалируя определенные факты действительности. Выражение неуверенности не обязательно означает путаницу или неопределенность. Хеджирование может представлять истинное понимание говорящим того, о чем он высказывается. Более того, говорящие вполне могут пожелать уменьшить обоснованность утверждений просто потому, что более сильные утверждения не могут быть оправданы представленными данными или доказательствами.

В-третьих, хеджи могут пониматься как единицы языка, при использовании которых говорящий старается казаться скромным, а не высокомерным или всезнающим.

Г.Р. Власян к функциям хеджирования относит следующие:

- защита пропозиционального компонента высказывания,
- избегание конфликтов,
- сохранение «лица» говорящего и слушающего,
- ослабление иллокутивной силы высказывания [42, С. 76].

Эти функции не всегда используются обособленно. В одних случаях доминирует одна функция, в других они все взаимодействуют и невозможно выделить основную.

Э. Креспо-Фернандес в своих работах пишет о том, что хеджирование является эвфемистической стратегией, которая направлена на смягчение пропозиции. Чтобы избежать конфликта в межличностной коммуникации, говорящий прибегает к следующим типам паллиативных средств:

- выражения, смягчающие извинения, например, *I wouldn't like to appear too inquisitive, but...* (Не хотелось бы показаться слишком любопытным, но...). Подобные выражения используются говорящим, если тот желает сгладить острые углы неприятного разговора;

- средства выражения хеджирования, то есть слова-хеджи, которые преуменьшают приказы, команды или прямые просьбы, способы вербального поведения, которые считаются невежливыми [231, Р. 82].

Роль хеджей в предложениях не всегда положительна. Неправильное их использование может привести к отрицательным последствиям в коммуникации. Это происходит в основном в тех случаях, когда необходима четкая информация, поэтому размытость, выраженная хеджами, будет неуместна и может привести к сбою коммуникации.

Таким образом, можно выделить основные функции, которые выполняют хеджи в речи:

- 1) уменьшение риска коммуникативного конфликта;
- 2) ослабление иллокутивной силы высказывания, смягчение пропозиции или её части;
- 3) сохранение «лица».

Хеджирование – это стратегия смягчения, которая подчеркивает мнение говорящего, делает коммуникацию эвфемистичной, сдержанной, вежливой и гибкой, эффективно выстраивая диалог и отношения между говорящим и слушающим.

Выводы по главе I

В настоящее время политический дискурс является весьма распространенным объектом для языкового исследования, поскольку между языком и политикой существует неразрывная связь, проявляющаяся в невозможности существования одного без другого.

С политическим дискурсом мы сталкиваемся практически каждый день, следовательно, нельзя отрицать силу воздействия языка политики на общество. Как и любой дискурс, политический дискурс обладает рядом функций, к которым мы относим когнитивную, коммуникативную, побудительную, эмотивную, метаязыковую, фатическую и эстетическую.

Увеличение роли информационных коммуникаций в медиадискурсе свидетельствует о том, что политический медиадискурс можно рассматривать как разновидность политического дискурса, так как он характеризуется массово-информационной природой. Политический медиадискурс мы определяем как совокупность всех речевых актов политической коммуникации, реализуемых между представителем политической организации и массовой аудиторией, во время которых происходит передача и обмен актуальной информацией посредством средств массовой информации.

Основной функцией политического медиадискурса является сокрытие той или иной информации или смягчение изначально грубой и неприятной информации. Данная функция реализуется в политическом медиадискурсе с помощью эвфемизмов, которые определяются как слова или выражения, используемые для замены любого нежелательного или недозволенного слова или выражения приемлемым или более вежливым на данном историческом этапе и в данном обществе, основной целью которых является смягчение денотата, что способствует избеганию коммуникативных конфликтов и сохранению «лица» или вуалированию определенных фактов действительности. Существует ряд классификаций эвфемизмов, среди которых были отмечены тематическая классификация (Л.П. Крысин, М.Л. Ковшова), уровневая классификация (Б.А. Ларин), лексико-семантическая классификация (А.М. Кацев), мотивационная классификация (В.П. Москвин), классификация, основанная на порождающих мотивах (Е.Е. Краснова), морфологическая классификация эвфемизмов (Е.П. Сеничкина).

В политическом медиадискурсе актуальными будут тематическая и морфологическая классификации, так как с помощью этих классификаций можно рассмотреть частоту использования тех или иных сфер эвфемизации, а также способы образования эвфемизмов в языке. Таким образом, можно определить, какие темы актуальны для общества в определенный период.

Эвфемизмы в речи выполняют две основные функции: избегание коммуникативных конфликтов и сохранение «лица»; камуфляж, или вуалирование определенных фактов действительности.

Рассмотрев классификацию Е.П. Сеничкиной, которая выделяет функциональные эвфемизмы и определяет их как слова, которые являются не собственно эвфемизмами, а становятся таковыми только в определенном контексте, и опираясь на функции хеджирования, мы определяем его как прагматическую стратегию, выполняющую защитно-эвфемистическую функцию высказывания за счет представления предметов и явлений нечеткими и неоднозначными, а хеджи – как разновидность функциональных эвфемизмов, целью которых является ослабление иллокутивной силы высказывания, смягчение пропозиции в целом или ее отдельных частей, что способствует избеганию коммуникативных конфликтов и сохранению «лица» или вуалированию определенных фактов действительности.

Существует ряд классификаций хеджей. Одна из них принадлежит Э. Принс, в которой выделяются хеджи-преграды, указывающие на отношение говорящего к пропозиции, и хеджи-аппроксиматоры, влияющие на смысл самой пропозиции или ее отдельных частей. Некоторые лингвисты (F. Salager-Meyer, I. Boncea, E. Crespo-Fernández) выделяют следующие средства выражения хеджирования: модальные глаголы; эпистемические глаголы; прилагательные, наречные и именные конструкции с модальным значением; лексические средства, выражающие степень, количество, частоту и время; условные конструкции; отрицательные конструкции и составные хеджи.

К основным функциям хеджирования относятся уменьшение риска коммуникативного конфликта и сохранение «лица», ослабление иллокутивной силы высказывания, смягчение пропозиции или её части.

Использование хеджей становится конвенциональным для языка, так как важным компонентом общества является успешная коммуникация.

ГЛАВА II. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭВФЕМИЗМОВ В АМЕРИКАНСКОМ И РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

§ 2.1 Структурные и словообразовательные особенности эвфемизмов в сопоставляемых языках

Первоначальным этапом анализа коммуникативно-прагматических особенностей эвфемизмов является изучение их структурных и словообразовательных особенностей. Выявление структурных особенностей, основных словообразовательных моделей позволяет глубже понять процесс эвфемизации речи.

Эвфемизмы могут быть однословными и сверхсловными лексическими единицами. Более того, эвфемизмами могут выступать законченные предложения, а именно поговорки, пословицы, афоризмы и даже целый текст. Однако в политическом медиадискурсе практически нельзя встретить полноценные тексты эвфемистического характера.

Слова-эвфемизмы в американском политическом дискурсе составляют 23% фактического материала: *homosexual – sissy / partner; spokesman – spokesperson/ representative; fat – overweight / chubby*; а в российском политическом медиадискурсе – 47% (*менеджер, слабослышащий, незрячий* и т.д.).

Частота использования однословных лексических единиц, выраженных в основном именами существительными, прилагательными и глаголами, представлена в таблице 1:

Таблица 1 – Частота использования слов-эвфемизмов в российском и американском политическом медиадискурсе, выраженных именами существительными, именами прилагательными и глаголами

	Российский политический медиадискурс	Американский политический медиадискурс
Имена существительные	48% Бандит (террорист), агент (шпион), предприниматель (бизнесмен, бизнесвумен), гей (гомосексуалист), авторитет (глава преступной группировки) и др.	58% episode / event/ incident (disaster), recession (crisis), agent (spy), entrepreneur (businessman / businesswoman), device / unit / gadget (bomb) и др.
Имена прилагательные	35% Оборонный (военный), криминальный (преступный), нетрезвый (пьяный) и др.	36% modest / indigent (poor), intoxicated / inebriated (drunk), illegal (criminal), modest / plain / unique / normal / typical / usual / ordinary (ugly) и др.
Глаголы	17% Ликвидировать (уничтожить), тарарахнуть (убить), доходить (умирать) и др.	6% liquidate / execute / account for (murder), burgle (rob) и др.

Как видно из таблицы, универсальным для обоих дискурсов является то, что большинство однословных лексических единиц относятся к именам существительным и прилагательным. Это можно объяснить тем, что эвфемизмами заменяют в основном нежелательные явления действительности или какие-нибудь характеристики, приводящие слушающих к определенному дискомфорту.

Эвфемизмы, состоящие из двух компонентов или более, мы классифицировали по двум параметрам:

1. По структуре: простые / двухкомпонентные и сложные / многокомпонентные словосочетания.

В американском политическом медиадискурсе, как и в русском, подавляющее большинство словосочетаний представлено простыми словосочетаниями (62 % и 64% соответственно). Можно привести ряд примеров простых словосочетаний эвфемизмов в английском и русском языке: congressman –

Member of Congress; God – Higher Power / good God / good gracious; short – vertically challenged; ожирение – избыточный вес, бомба – взрывное устройство, рынок нелегальных товаров – черная биржа и другие.

Сложные словосочетания, состоящие больше чем из двух лексических единиц, представлены в политическом дискурсе меньше и составляют 38% в американском политическом медиадискурсе (*old – to be of a certain age; a bank has collapsed – coalescence of the banking system; ill – to have a lie down*) и 36% в российском политическом медиадискурсе (*сразиться – принять неравный бой, негр – человек с темным цветом кожи, кризис – сложный экономический расклад*).

2. По лексико-грамматическим свойствам главного слова в словосочетании: глагольные и именные словосочетания.

В американском политическом медиадискурсе большинство эвфемистической лексики, 70% от общего количества словосочетаний (*social disease – венерическое заболевание; toilet – men's room; prison – correctional facilities*), являются именными словосочетаниями, где имя существительное является главным словом.

В российском политическом медиадискурсе словосочетания-эвфемизмы с главным именным словом также составляют подавляющее большинство всех исследованных нами единиц – 85% (*бедность – уязвимое положение, катаклизм – чрезвычайная ситуация, наркотики – запрещенное вещество*).

Словосочетания, в которых глагол является главным словом, составляют 30% от общего количества эвфемизмов в американском политическом медиадискурсе (*to die – to pass away / to be no longer with us; ill – to be in a bad way / to be under the weather*) и 15 % в российском политическом медиадискурсе (*устроить скандал – устроить бенефис, уволить руководство – закрепить руководство*).

Мы делаем вывод, что эвфемизмы используются чаще всего для наименования предметов, явлений действительности, чем для описания действий.

На основе фактического материала нами были выделены следующие наиболее продуктивные модели образования именных и глагольных словосочетаний в рамках американского политического медиадискурса:

- adj + noun (*correctional facilities; senior citizen*);
- noun + noun (*community home; climate change*);
- adv + adj (*vertically challenged*);
- adj + noun + noun (*public information agent; commercial sex worker*);
- noun + noun + noun (*Member of the Unification Church*);
- verb + noun (*bite the dust*);

в рамках российского политического медиадискурса:

- прил. + сущ. (*социальная незащищенность, чрезвычайная комиссия*);
- сущ. + сущ. + сущ. (*инженер по укладке грузов*);
- сущ. + прил. + сущ. (*люди старшего возраста, лицо с ограниченными возможностями*);
- глагол. + (прил.) + сущ. (*бряцать оружием, вводить в расход, вести нетрезвую жизнь*).

Таким образом, универсальными продуктивными моделями образования эвфемизмов являются сочетания имени прилагательного и существительного, словосочетания, состоящие из трех имен существительных и глагольное словосочетание.

Предложения-эвфемизмы в американском и российском политическом медиадискурсе в нашем исследовании нами не обнаружены, хотя в других типах дискурса можно встретить эвфемистические предложения такого рода, как «*Where can I wash my hands?*», «*Where can I powder my nose?*» вместо «*Where can I find a toilet?*» или в русском языке «Где я могу припудрить носик?».

Наше исследование выявило, что эвфемизмы в американском политическом медиадискурсе представлены в большей степени словосочетаниями, а не однословными лексическими единицами, и составляют 77 % от всех исследованных единиц. В российском политическом медиадискурсе соотношение

однословных и сверхсловных лексических единиц примерно одинаково и составляют 47% и 53% соответственно.

В политической речи двух- и многокомпонентные эвфемизмы доминируют над однокомпонентными. Наше исследование подтверждает, что многокомпонентные эвфемизмы защищают политика от возможной критики или конфликтов, так как внимание слушающего распространяется на «длинную» конструкцию», а не на обособленное слово.

Описав основные структурные особенности эвфемизмов, остановимся на их словообразовательных свойствах.

Л.В. Порохницкая в монографии «Концептуальные модели в семантике эвфемизма» отмечает важность проблемы продуцирования эвфемизмов, которые представляют собой средства вторичной номинации. К способам формирования эвфемистической лексики автор относит внутрисистемные способы и заимствования. К внутрисистемным способам Л.В. Порохницкая относит такие способы продуцирования эвфемизмов как словообразовательные, семантические и фонетические [134, С. 6].

В ходе анализа эвфемизмов в американском политическом медиадискурсе мы определили следующие продуктивные внутрисистемные словообразовательные способы продуцирования слов-эвфемизмов:

- словосложение: *big-boned* – ширококостный; *time-honored* – ветеран; *grey-haired* – старик;
- аффиксация (пре- и суффиксация): *underperformer* / *underachiever* – работающий или учащийся ниже своих возможностей, *actron* – актер (актриса); *pre-woman* – будущая женщина;
- словослияние (телескопия): *garbologist* – мусорщик (от *garbage* + *ecologist*);
- сокращение, а именно аббревиация: («DP» – «disabled person»; «W.C.» – «water closet», «TB / T.B. / Tb / t.b. / tb» – tuberculosis, «TS» – tough situation).

В российском политическом медиадискурсе наиболее продуктивными оказались следующие способы:

- словосложение: малоимущий, малосостоятельный, слабовидящий, слабослышащий;
- аффиксация (пре- и суффиксация): небогатый, незащищенный, неодаренный, полненький, полноватый, престарелый и т.д.;
- сокращение, а именно аббревиация: ЧК (чрезвычайная ситуация), ЗК или З/К (заключенный).

Таким образом, в американском политическом медиадискурсе нами были выделены четыре основных продуктивных способа образования эвфемизмов, в то время как в российском политическом медиадискурсе их было выделено три. Универсальными среди них являются аффиксация, сокращение (аббревиация) и словосложение.

Считаем необходимым выделить также семантический способ образования политкорректной лексики. К семантической деривации можно отнести следующие наиболее частотные способы продуцирования эвфемизмов:

Замена понятия на более широкое, или генерализация значения, то есть гипероним заменяет гипоним. Так, например, конкретное «катаклизм» можно заменить обобщённым понятием «происшествие» или «incident / event / episode». Эта замена и её использование в речи будет более щадящей для собеседника или, в особенности, пострадавшего. Данное явление характерно для российского и американского дискурса, так как эвфемистическая замена необходима, чтобы утаить часть информации.

Метафоризация, или перенос значения, на основе их сходства. Например, *черная биржа* заменяет понятие *рынка нелегальных товаров* в русском языке. В английском языке можно встретить такие примеры, как *to dance the last dance / kicked off* вместо слова умереть, *to be under the weather* вместо болеть.

Литота: *нетрезвый* вместо *пьяный*, *немолодой* вместо *старый* в русском языке и *unattractive – ugly* (некрасивый), *not so thin – fat* (полный) в английском языке. Эвфемистический эффект достигается за счет положительного значения в корне.

Пропуск слов или группы слов, или эллипсис: *операция* вместо *военная операция*, *conflict* (конфликт) вместо *military conflict* (военный конфликт). Эллипсис часто встречается в политической сфере, где избегаются слова со отрицательным значением, например, такие, как *враждебный* или *военный*.

Считаем целесообразным отметить фонетический способ образования эвфемизмов. Наиболее частотным фонетическим способом является *звуковая аналогия*, то есть замена табуированной языковой единицы на созвучную ей [134, С. 8]. С целью избежать использования слова «blood» (кровь) применяются следующие производные: *bally / bluggy / blurry*; God (Бог) – *golly / gum*; fat (жир) – *fluffy* в английском языке, *тарарахнуть / шлепнуть* – убить в русском языке.

Заимствования также представляют довольно частотный способ образования эвфемизмов. Заимствованная лексика приобретает большой престиж или авторитет, и в итоге становится «модной» лексикой, употребляемой первое время в основном образованными людьми. Например, *менеджер* (английского происхождения) *клининговой компании* вместо *уборщицы*, *entrepreneur* (французского происхождения) вместо *businessman / woman*.

Нам удалось выделить основные словообразовательные тенденции политкорректной речи в рамках американского и российского политического медиадискурса. Ключевыми являются – следующие компоненты для создания эвфемизмов:

- американский политический медиадискурс: «challenged» (calorie-challenged), «alternative» (alternative life style follower), «person» (chairperson), «different (ly)» (differently-abled), «less» (lifeless), «companion» (sex companion), «sex» (non-same sex marriage), «gay» (gay-boy), «member of» (member of Congress);
- российский политический медиадискурс: «лицо» (лицо с ограниченными возможностями), «люди» (люди пожилого возраста), «человек» (человек с темным цветом кожи), ситуация (чрезвычайная ситуация, сложная ситуация), менеджер (клининг-менеджер).

1. Для образования политкорректных эвфемизмов служат следующие аффиксы:

- американский политический медиадискурс: non (*non-operative personnel*), under- (*underperformer*), anti- (*anti-man*), inter- (*intermediate sex*), -un (*unnatural*), over- (*overweight*), plus- (*plus-size*), well- (*well-built*), full- (*full-figured*);

- российский политический медиадискурс: анти- (*антитеррористический*), не- (*нетрезвый, немолодой*), мало- (*малоимущий*), слабо- (*слабослышащий*), пере- (*перерасход, переломный*).

2. Многокомпонентные словосочетания (*day care provider; information retrieval administrator, исправительно-воспитательное учреждение, социально недопривилегированный и другие*);

3. Слова-определители с размытой семантикой: some (*some inflows*); certain (*to be of a certain age*); некто (*некто руководит*); кое-кто (*кое-кто позаботился об этом*);

4. Замена компонента -man на -person (*chairman – chairperson*) в английском языке.

В результате проделанной работы было выявлено, что эвфемизмы представлены в основном простыми именными словосочетаниями как в американском, так и в российском политическом медиадискурсе. В американском политическом медиадискурсе преобладают следующие продуктивные словообразовательные способы: словосложение, аффиксация, словослияние и аббревиация, в то время как в российском политическом медиадискурсе продуктивными способами являются словосложение, аффиксация и аббревиация. В обоих дискурсах нами были выделены семантический и фонетический способ образования эвфемизмов. Также были определены основные словообразовательные тенденции политкорректной речи в рамках американского и российского политического медиадискурса, к которым относятся использование определенных компонентов и аффиксов для создания эвфемизмов, многокомпонентных словосочетаний, слов-определителей с размытой семантикой.

§ 2.2 Тематическая классификация эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе

Основываясь на фактическом материале, мы классифицировали политкорректную лексику тематически. Она была разделена на 6 тематических групп, а именно: эвфемизмы, связанные с военными действиями и террором; эвфемизмы, смягчающие дискриминацию в ее различных проявлениях; эвфемизмы, характеризующие временные волнения, катаклизмы, происходящие в обществе; эвфемизмы, камуфлирующие негативные явления в социальной сфере; эвфемизмы, описывающие умственное и физическое состояние здоровья человека; эвфемизмы, описывающие внешний вид и возраст человека. В группе эвфемизмов, смягчающих дискриминацию в различных ее проявлениях, были выделены такие подгруппы, как половая дискриминация, расовая, дискриминация сексуальных меньшинств, религиозная; в группе эвфемизмов, характеризующих временные волнения, катаклизмы, происходящие в обществе, были выделены 2 подгруппы: природные катаклизмы и мировой экономический кризис; в группе эвфемизмов, камуфлирующих негативные явления в социальной сфере, были отмечены такие подгруппы, как социальные пороки (пьянство, наркомания, проституция, преступность), повышение престижа некоторых профессий, бедность; в группе эвфемизмов, описывающих внешний вид и возраст человека, были выделены такие подгруппы, как возраст и особенности внешности (вес, рост). В таблицах 2 и 3 представлены эвфемизмы определенных тематических групп и подгрупп в американском и российском политическом медиадискурсе.

Таблица 2 – Тематическая классификация эвфемизмов в рамках американского политического медиадискурса

Тематическая группа эвфемизмов	Подгруппа	Процентное соотношение	
1. Эвфемизмы, связанные с военными действиями и террором		30%	
2. Эвфемизмы, смягчающие дискриминацию в ее различных проявлениях	1) половая дискриминация	20 %	29%
	2) расовая / этническая дискриминация	5,8 %	
	3) дискриминация сексуальных меньшинств	3 %	
	4) религиозная дискриминация	0,2 %	
3. Эвфемизмы, характеризующие временные волнения, катаклизмы, происходящие в обществе	1) природные катаклизмы	11%	19%
	2) мировой экономический кризис	8%	
4. Эвфемизмы, камуфлирующие негативные явления в социальной сфере	1) социальные пороки (пьянство, наркомания, проституция, преступность)	7%	15%
	2) повышение престижа некоторых профессий	4,5%	
	3) бедность	3,5%	
5. Эвфемизмы, описывающие умственное и физическое состояние человека		5%	
6. Эвфемизмы, описывающие внешний вид и возраст человека	1) возраст	1,5%	2%
	2) особенности внешности (вес, рост)	0,5%	

Таблица 3 – Тематическая классификация эвфемизмов в рамках российского политического медиадискурса

Тематическая группа эвфемизмов	Подгруппа	Процентное соотношение	
1. Эвфемизмы, связанные с военными действиями и террором		27%	
2. Эвфемизмы, смягчающие дискриминацию в ее различных проявлениях	1) расовая / этническая дискриминация	11%	23%
	2) религиозная дискриминация	9,9%	
	3) дискриминация сексуальных меньшинств	2%	
	4) половая дискриминация	0,1%	
3. Эвфемизмы, характеризующие временные волнения, катаклизмы, происходящие в обществе	1) природные катаклизмы	12%	22%
	2) мировой экономический кризис	10%	
4. Эвфемизмы, камуфлирующие негативные явления в социальной сфере	1) социальные пороки (пьянство, наркомания, проституция, преступность)	13%	21%
	2) бедность	7,8%	
	3) повышение престижа некоторых профессий	0,2%	
5. Эвфемизмы, описывающие умственное и физическое состояние человека		4%	
6. Эвфемизмы, описывающие внешний вид и возраст человека	1) возраст	2,9%	3%
	2) особенности внешности (вес, рост)	0,1%	

В нашем исследовании мы более подробно остановимся на каждой выделенной нами группе эвфемизмов, а также проследим общие закономерности эвфемизации политической сферы общества.

1. **Эвфемизмы, связанные с военными действиями и террором**, – наиболее частотная выделенная нами тематическая группа, процентное соотношение которой составляет 30% от общего числа проанализированных эвфемизмов в американском политическом медиадискурсе и 28% – в российском. Как в российском, так и в американском политическом дискурсе данная тема остается лидирующей из-за текущей ситуации в мире.

Обилие войн (война в Ираке, Ливии, Сирии и т.д.), терроризм как новая угроза обществу повлияли на использование эвфемизмов в английском и русском языках. Политики в своей речи стараются не использовать слово *terrorist* и *terrorist* в английском соответственно. Данное слово они стараются заменить эвфемизмами *бандформирование / формирования / преступный элемент* в русском языке или *freedom fighters / fighter / gunman / radical* в английском языке. Так, например, Дж. Эрнест использует эвфемизм *fighter* в своей речи:

«*And that same admonition applies when it comes to the activities of these new Syrian **fighter** – or new Syrian forces on the ground that have been trained and equipped by our coalition*» (J. Earnest, Press Briefing by Press Secretary Josh Earnest, 2015) (*И то же самое замечание относится и к деятельности этих новых сирийских боевиков или новых сирийских сил на местах, которые были обучены и оснащены нашей коалицией*) (здесь и далее перевод наш).

Д. Гусев, также прибегает к помощи эвфемизма, заменяя слово *террористы*:

«*Уточняется, что среди вооруженных группировок вспыхнули разногласия. Несколько сотен **участников бандформирований** предпочли сдаться правительственным силам*» (Д. Гусев, Сирийская армия взяла под контроль более половины Алеппо, 2016).

В политической сфере также используются эвфемистические замены для обозначений, указывающих на агрессивные военные действия. Такие примеры эвфемизмов, как *air support (bombing)*; *non-operative personnel / casualty (victim)*;

friendly fire (killing people on your own side); *Department of Defense* (Department of War); *conflict / accident* (war), можно встретить в английском языке.

*[In January 2004, Dave [a Marine helicopter pilot] deployed to Iraq.] That summer, just a few weeks before he was scheduled to return home, he was called in to provide **air support** for ground troops who were in very serious danger. [As he covered his troops, he was shot by ground fire, **giving up his life** for his comrades and his country]* (D. Trump, Remarks at a Memorial Day Ceremony in Arlington, 2018) (*[В январе 2004 года Дэйв (пилот вертолётa ВМС США) был отправлен в командировку в Ирак.] Летом этого же года всего за несколько недель до запланированного возвращения домой он оказывал авиационную поддержку сухопутным войскам в тяжёлых боевых условиях. [в ходе операции он был сбит силами ПВО и отдал жизнь за своих товарищей и за страну]*).

*«Over the weekend, The Wall Street Journal reported that there was a **friendly fire** attack in Syria that was not previously acknowledged by the administration, that there was a dispute about how many people were killed – these are Syrian rebels that we trained, unfortunately – disputes between four and ten of them were killed»* (J. Earnest, Press Briefing by Press Secretary Josh Earnest, 2016) (*В выходные «Уолл-Стрит Джорнал» сообщил об ударах по дружественным войскам в Сирии – ранее этот факт не был признан администрацией – также сообщалось о том, что был спор о количестве жертв – к сожалению, среди обученных нами повстанцев – речь шла о десяти или четырёх погибших*).

*«The President has been briefed on the incident and will work with the **Department of Defense** to provide assistance and resources to the Puerto Rico National Guard»* (S. Sanders, Press Briefing by Press Secretary Sarah Sanders, 2018) (*Президента проинформировали о случившемся, совместно с Министерством обороны он будет работать над планом по содействию и оказанию ресурсной поддержки Национальной гвардии Пуэрто-Рико*).

«Today Ohio Governor John Kasich called on the United States and its allies to establish sanctuaries in Syria for civilians and refugees, protected by “no fly zones,” to

prevent further casualties and refugees as Russia's military intervention risks escalating the conflict» (J. Kasich, Kasich Calls for No-Fly Zone in Syria to Protect Civilians and Refugees, 2015) (Сегодня губернатор штата Огайо Джон Кейсик призвал Соединенные Штаты и их союзников создать в Сирии бесполётные зоны для защиты гражданского населения и беженцев. Это позволит предотвратить дальнейшие жертвы и сократить поток беженцев, поскольку военное вмешательство России может привести к эскалации конфликта).

В русском языке происходит замена слов *военное учреждение, военные действия, военный* на эвфемизмы *объект, напряженность, оборонный* соответственно:

«В прилегающих к Сирии районах над акваторией Средиземного моря будет осуществляться радиоэлектронное подавление спутниковой навигации, бортовых РЛС и систем связи боевой авиации, атакующей объекты на сирийской территории» (С. Шойгу, Россия передаст Сирии комплекс С-300, 2018).

«На текущем этапе важно ликвидировать остающиеся очаги напряженности, продолжать оказывать содействие сирийским властям в вопросах доставки гуманитарных грузов и восстановлении разрушенной экономики, инфраструктуры, возвращении беженцев» (В. Путин, Путин призвал ликвидировать остающиеся очаги напряженности в Сирии, 2019).

В вышеупомянутых примерах отсутствует малейшее упоминание о войне. Для этого были использованы соответствующие замены. А при создании эвфемизмов *device / unit / gadget*, заменяющих понятие *bomb* (бомба), прагматический эффект создается за счет семантики данных слов. Все они обозначают некий срабатывающий механизм. Таким образом, снова происходит вуалирование существа дела.

«An attack with an improvised nuclear device would create political, economic, social, psychological, and environmental havoc around the world, no matter where the attack occurs» (B. Obama, Fact Sheet: The Nuclear Security Summits: Securing the World from Nuclear Terrorism, 2016) (В результате атаки с использованием

самодельного ядерного взрывного устройства, где бы она ни произошла, во всём мире наступит политический, экономический, социальный, психологический и экологический коллапс).

К политкорректной лексике, связанной с военными действиями и террором, можно отнести такие эвфемизмы, как *агент (agent)* вместо слова шпион (*spy*), *ликвидировать (liquidate / execute / account for)* вместо убивать / уничтожать (*murder / destroy*):

«Сергей Скрипаль, бывший офицер разведки и двойной агент, был жертвой атаки нервно-паралитического газа, около Кремля также погиб оппонент» (В. Путин, Интервью американскому телеканалу Fox News, 2018).

«[Today, President Donald J. Trump ordered the expulsion of dozens of Russian intelligence officers from the United States. <...> We are responding now after careful consideration of our options. <...> I would just say, organizing something like this doesn't happen overnight.] «We're talking about 60 agents here in the United States»» (D. Trump, Background Press Call by Senior Administration Officials on the Expulsion of Russian Intelligence Officers, 2018) ([Сегодня Президент Трамп издал указ о высылке десятков сотрудников российской разведки с территории США. <...> Шаги, которые мы предпринимаем сейчас, – это результат подробного рассмотрения всех возможных вариантов развития событий. Такая операция не может быть организована сиюминутно.] Мы говорим о 60 агентах на территории Соединенных Штатов).

«За свои злодеяния они получили заслуженное возмездие: ликвидированы их техника, штабы, инфраструктура, тысячи боевиков» (В. Путин, Встреча с военнослужащими-участниками антитеррористической операции в Сирии, 2017).

«And at the moment, now we can state with confidence that all the threats have been liquidated ...» (В. Obama, Remarks With President Nursultan Nazarbayev of Kazakhstan and President Dmitry Anatolyevich Medvedev of Russia and an Exchange With Reporters at the Nuclear Security Summit in Seoul, 2013) (И в данный момент мы можем с уверенностью заявить, что вся угроза была ликвидирована...).

Из вышеприведенных примеров мы видим, что эвфемизмы в русском и английском языках практически совпадают. Политики стремятся заменить эвфемизмами те слова, которые могут создать конфликт или посеять панику среди населения.

2. Эвфемизмы, смягчающие дискриминацию в ее различных проявлениях, – следующая выделенная нами тематическая группа, объём которой составляет 29% от общего числа проанализированных эвфемизмов в американском политическом медиадискурсе и 23% – в российском. Тема дискриминации остается также актуальной для обоих государств, так как Америка и Россия являются многонациональными странами, где проживают люди разных национальностей, вероисповеданий и т.д. Данную группу мы разделили на 4 подгруппы, в зависимости от вида дискриминации: расовая, религиозная, половая и дискриминация сексуальных меньшинств. Однако в американском и российском политическом дискурсе данные подгруппы распределились неодинаково. Мы будем рассматривать данные подгруппы от наибольшей представленности к наименьшей.

2.1. Дискриминация по половому признаку.

Самой распространённой подгруппой в американском политическом медиадискурсе является дискриминация по половому признаку – 20% от всего количества эвфемизмов, смягчающих дискриминацию в различных её проявлениях. Проблема половой дискриминации всегда была актуальной для Соединенных Штатов, начиная с времён феминистского движения в середине XIX века, когда женщины начали борьбу за равные права с мужчинами. Однако в российском политическом медиадискурсе данная подгруппа имеет меньший объём и составила всего 0,1% от 23% соответственно.

Эвфемизмы данной подгруппы в рамках политической сферы общества особенно часто встречаются во время выступлений представительниц феминистического направления, теледебатах, конференциях, посвященных роли

женщин в «мире мужчин», а также, как показала наша работа, в речах американских политиков.

Во время исследования мы убедились в том, что в политических текстах, в официальных заявлениях «сексистские» морфемы, указывающие на половую принадлежность человека, вытесняются из языка. Взамен появляются новые слова, определяющие человека без отнесения его к определенному полу: *chairman* – *chairperson* / *speaker* / *facilitator* (председатель); *spokesman* – *spokesperson* / *representative* / *official speaker* / *source* / *speechmaker* / *public information agent* (делегат, оратор).

*«Elizabeth “Liz” Sara of the District of Columbia, to be **Chairperson** of the National Women’s Business Council»* (D. Trump, President Donald J. Trump Announces His Intent to Nominate and Appoint Personnel to Key Administration Posts, 2018) (*Элизабет Сара, представитель округа Колумбия, назначена председателем Национального делового совета женщин*).

[Barak Obama on Hilary Clinton] *«She’s not always flashy, and there are better **speechmakers**, but she knows her stuff. And more than anything, that is what is ultimately required to do a good job in this office»* (B. Obama, Interview with John Dickers on of CBS's “Face the Nation”, 2016) (*[Барак Обама о Хилари Клинтон]. Её выступления зачастую не столь эффектно, есть и более запоминающиеся ораторы, однако она знает своё дело. В конечном счете, именно это и требуется, чтобы быть хорошим президентом*).

Foreman – *supervisor* (начальник, руководитель); *businessman* – *entrepreneur* / *financier* / *business owner* (предприниматель):

*«President Trump’s nominee to serve as chief science advisor over at the Agriculture Department is Sam Clovis, and Clovis was the campaign **supervisor** cited in that Papadopoulos plea»* (B. Obama, The Budget Message of the President, 2013) (*Президентом Трампом в качестве главного научного советника в департаменте сельского хозяйства назначен Сэм Кловис, а Кловис был руководителем кампании, о чем говорится в заявлении Пападопулоса*).

В российском политическом медиадискурсе также стараются использовать названия профессий, не указывающих на половую принадлежность работника. Одним из таких слов является эвфемизм *менеджер*.

Рассмотрим пример использования данного эвфемизма в речи А. Татуловой, кандидата в депутаты Московской городской думы:

«Это немножко позорное место, потому что, например, существует рейтинг женщин, которые занимают высокие управленческие позиции менеджеров, и Россия в первой пятёрке, не то что где-то в конце, а в первой пятёрке. У нас очень много менеджеров, и на государственных постах уже много влиятельных женщин» (А. Татулова, Встреча с женщинами-предпринимателями, 2018).

В данном примере А. Татулова использует эвфемизм *менеджер*, который получил свое распространение в начале XXI века. Используя этот эвфемизм, автор не акцентирует внимание на половую принадлежность работника. Только контекст помогает понять о ком именно идет речь – о мужчинах или о женщинах.

2.2. Расовая / этническая дискриминация.

Наше исследование показало, что в политическом дискурсе значительная роль отводится употреблению политкорректной лексики в отношении представителей различных рас. В российском политическом медиадискурсе эвфемизмы со значением расовой дискриминации составили 11% и являются самыми распространенными в данной группе.

Проанализировав определенное количество американских политических речей, затрагивающих положение данных групп людей, мы выявили, что они составляют 5,8%. Наиболее распространёнными примерами эвфемизмов стало употребление *African American* вместо *Nigger / Black / Colored Person*:

«That's why today I'm thrilled to be signing an Executive order to recognize the importance of Historically Black College and Universities. Very important. They have played such an important role in achieving progress for African Americans and in our Nation's march for justice» (D. Trump, Remarks on Signing an Executive Order on the

White House Initiative To Promote Excellence and Innovation at Historically Black Colleges and Universities, 2017) (*Именно поэтому сегодня я с огромной радостью подписываю Указ о признании заслуг «Исторически чёрных колледжей и университетов» (созданных специально для обучения афроамериканского населения). Это очень важно. Эти учебные заведения сыграли немаловажную роль в улучшении положения афроамериканцев и в борьбе нашей страны за справедливость*);

Asian, Asian American – эвфемизм для слова *Oriental*:

«Being with the Asian American Pacific Islander community is like being with family. [As many of you know, I grew up in Hawaii. I spent time in Indonesia as a young boy. The food, the culture, the spirit of the Asia Pacific Region, that's who I am]» (B. Obama, Remarks at the Asian Pacific American Institute for Congressional Studies Awards Gala Dinner, 2016) (*В сообществе американских азиатов – выходцев с островов Тихого океана – я чувствую себя, как дома, с семьёй. [Многие из вас знают, что я вырос на Гавайях. Мальчиком я жил в Индонезии. Кухня, культура, дух стран Юго-Восточной Азии – это часть меня]*);

Native Americans, American Indians употребляются по отношению к *Indians*:

[Unfortunately, previous administrations have ignored the standard and used the law to lock up hundreds of millions of acres of land and water under strict government control.] We have seen how this tragic Federal overreach prevents many Native Americans from having their rightful voice over the sacred land where they practice their most important ancestral and religious traditions (D. Trump, Remarks on Signing Proclamations Affecting Prior Designations Under the American Antiquities Act of 1906 in Salt Lake City, 2017) (*[К сожалению, предыдущая администрация проигнорировала этот стандарт и воспользовалась этим законом, чтобы организовать государственный надзор и ограничить доступ на миллионы акров земли и водные объекты.] Мы наблюдали, как эта трагическая ситуация – результат чрезмерных полномочий федерального правительства – отнимает у множества коренных американцев законное право принимать участие в судьбе*

той священной земли, на которой они отправляют самые важные религиозные обряды и поклоняются предкам).

В русском языке мы также встречаем эвфемизм *афроамериканец* вместо слов *негр* или *черный*:

«Автор этих замечательных слов, «у меня есть мечта», Мартин Лютер Кинг, если бы дожил до времени сегодняшнего, очень бы порадовался, что во главе Соединённых Штатов стоит человек с тёмным цветом кожи, но он бы был очень огорчён, если бы увидел, что произвол полиции в отношении **афроамериканской** части американского населения продолжается» (В. Путин, Совместное заседание Совета по культуре и искусству и Совета по русскому языку, 2016).

В этом примере Владимир Путин использует еще одно эвфемистическое выражение для избегания тавтологии – *человек с темным цветом кожи*.

Следующий пример используется в качестве эвфемизма для жителей Кавказа. Ранее вежливым было использование выражения «лицо кавказской национальности», однако в 2011 году депутатом от «Единой России» Иваном Саввиди был внесен законопроект о взимании штрафов с должностных лиц, госорганов и средств массовой информации за использование данного выражения, унижающего национальное достоинство. Он говорил, что данное понятие некорректно использовать по отношению к жителям Кавказа, так как «русские, составляющие подавляющее большинство населения Северного Кавказа (11,6 млн человек, или 60%), также являются лицами кавказской национальности. Ведь никто не назовет жителей Урала лицами «уральской» национальности» (Штраф на лицо, URL).

Из нижеприведенного примера мы видим, что на данный момент использование слов *кавказец* или *кавказцы* считается эвфемистическим:

«Я, живя здесь, в Москве, работая в федеральных органах власти, говорил неоднократно, когда говорили **кавказцы**, русские, дагестанцы, что проблема не

между национальностями» (Р. Абдулатипов, Встреча с Рамазаном Абдулатиповым, 2013).

2.3. Дискриминация сексуальных меньшинств.

Во время анализа и систематизации различных политических статей, выступлений политических лидеров, общественных деятелей мы обнаружили эвфемизмы, имеющие отношение к социальным меньшинствам. В российском и американском политическом медиадискурсе они представлены примерно одинаково, 2% и 3% соответственно. В английском языке для эвфемизмов данной подгруппы характерно наличие нейтральной, обобщающей лексики, приставок (anti-, inter-, un-): homosexual – partner / gay-boy / anti-man / unnatural / sissy / gay (гомосексуал);

«They also persecuted and murdered millions of other Europeans, including Roma and Sinti Gypsies, persons with mental and physical disabilities, Slavs and other minorities, Christians, Jehovah’s Witnesses, gays, and political dissidents» (D. Trump, Proclamation 9724 – Days of Remembrance of Victims of the Holocaust, 2018) (Они подвергли гонениям и уничтожили миллионы жителей Европы: цыган рома и синти, людей с умственными и физическими недостатками, славян и других национальных меньшинств, христиан, «Свидетелей Иеговы», геев и политических диссидентов);

lesbians – alternative life style follower / alternatively gendered / gay-girl / intermediate sex / international (лесбиянка); both homo / heterosexual – bisexual / ambidextrous / Greek Arts / AC/DC:

«Gay and bisexual men, transgender people, youth and Latino Americans, people living in the Southern United States, and people who inject drugs are at a disproportionate risk» (B. Obama, Proclamation 9548 – World AIDS Day, 2016) (Мужчины-гомосексуалы и бисексуалы, трансгендеры, молодёжь и латиноамериканцы, жители южных штатов США и наркозависимые люди находятся в зоне повышенного риска).

В русском языке слово *гей*, как и в английском языке, считается эвфемизмом. Еще одним примером эвфемизма в данной подгруппе является выражение *лицо нетрадиционной ориентации*. В нижеприведенных примерах можно проследить их использование в речи В. Путина и Т. Москальковой:

*«Вы знаете, это ведь неоднородная группа людей. Некоторые представители **нетрадиционной сексуальной ориентации**, например, выступают против усыновления такими парами детей, то есть сами против. Что, они менее демократичны, чем другие представители этого сообщества, **гей-сообщества**? Наверное, нет. Просто у людей такой взгляд на вещи. Вот проблема сексуальных меньшинств в России, она нарочито извне по политическим соображениям раздута. Никакой проблемы у нас нет»* (В. Путин, Интервью американскому журналисту Чарли Роузу для телеканалов CBS и PBS, 2015).

*«Сейчас я занимаюсь проблемой лиц **нетрадиционной ориентации**, о которых ко мне обратились, по нарушениям их прав»* (Т. Москалькова, Встреча с Уполномоченным по правам человека Татьяной Москальковой, 2017).

2.4. Религиозная дискриминация.

Согласно нашей картотеке, политики обращают особое внимание на употребление политкорректной речи по отношению к представителям различных религиозных направлений. От этого зависит количество набранных голосов на выборах и место в рейтинге популярности. Однако они представлены неодинаково в российском (9,9%) и американском (0,2%) политическом медиадискурсе. Можно предположить, что в России вопрос религии остается довольно актуальным, так как именно на почве религии происходят многие конфликты, в Америке же к вопросу религии подходят более толерантно и данная тема не особенно актуальна для американских политиков. Наиболее популярными являются следующие примеры эвфемизмов в английском языке, относящихся к религиозной тематике и тесно переплетающихся с политической стороной общества: *God – Higher Power / good God / good gracious / good Lord / goodness gracious* (Бог).

*[Journalist: You put out very little information about this meeting in an hour. What you have put out does not include faith leaders. Will they be there? Press secretary J. Earnest: We'll get you the list as soon as we have it. Off the top of my head, I don't know.] But I'm confident that people of faith will be in the room. I don't know if any of them could be described as clergy. But I guess if you dedicated your life to working on these issues [gun violence against police], you need to appeal to a **higher power** for a little strength. (J. Earnest, Press Briefing by Press Secretary Josh Earnest, 2016) ([Журналист: Вы не предоставили практически никакой информации о встрече, которая пройдёт через час. В числе приглашённых вы не перечислили религиозных лидеров. Они там будут? Пресс-секретарь Дж. Эрнест: мы обнаружим список участников, как только он у нас будет. Сказать сейчас я не могу.] Но я уверен, что верующие будут присутствовать. Я не знаю, будет ли кто-то из них представлять духовенство. Но я думаю, если вы посвящаете жизнь поиску решения этой проблемы [вооружённого насилия в отношении полиции], вы так или иначе будете обращаться за поддержкой к высшим силам);*

Lord – *lawdy* / *lordy* (Иисус Христос):

*«I know some of you are just graduating, “thank you, **Lordy.**” [Laughter] And that's appropriate because it's a Sunday. [Laughter] I see some moms and grandmas here, aunts, in their Sunday best; although, they are upset about their hair getting messed up. [Laughter] Michelle would not be sitting in the rain. [Laughter] She has taught me about hair. [Laughter]» (B. Obama, Commencement Address at Morehouse College in Atlanta, Georgia, 2013) (Уверен, кто-то из вас получает диплом только с божеской помощью! [Смех] Но так и должно быть, ведь сегодня воскресенье. [Смех] Я вижу здесь некоторых мам, бабушек и тётушек в лучших воскресных нарядах; хотя настроение им испортили намоченные причёски. [Смех] Мишель бы не сидела под дождем. [Смех] Благодаря ей я всё знаю о причёсках. [Смех]).*

Согласно словарю эвфемизмов, к этой группе относятся следующие эвфемизмы *blame* / *blast* / *confound* (проклинать) вместо *damn*; *Member of the*

Unification Church (Член секты Церковь Объединения) вместо *Moonie*; *Member of the Church of Jesus Christ of latter-day Saints* вместо *Mormon* (мормон) [298].

В российском политическом дискурсе слово Бог также заменяется эвфемизмами *Всевышний* или *Господь*:

*«Хочу вам напомнить, что одним из самых великих творений **Всевышнего** является женщина, она под сердцем вынесла всё человечество, цветы, которые прорастают новыми всходами и дают плоды, и пчела – она является главным экологом планеты»* (Д. Медведев, Заседание Государственного совета по вопросу об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений, 2016).

*«Пусть **Господь** благословит и Ваш дом, устроит Вашу семью, Ваших детей, поможет Вам во всём...»* (В. Путин, Вручение орденов «Родительская слава», 2018).

В русском языке частыми эвфемизмами в политическом дискурсе являются слова *иудей*, *иудейский*, *лицо еврейской национальности* вместо слова еврей, еврейский. Так, использование данного эвфемизма можно увидеть в речи Владимира Путина на встрече с главами делегаций местных православных церквей:

*«Мы будем помогать и представителям других конфессий, Будем помогать и **иудеям**. К нам уже обратились некоторые еврейские организации с просьбой помочь восстановить **иудейские святыни**»* (В. Путин, Встреча с главами делегаций поместных православных церквей, 2017).

Как и в предыдущей группе, в группе эвфемизмов, смягчающих дискриминацию в различных ее проявлениях, мы заметили, что многие эвфемистические единицы совпадают, однако встречаются некоторые слова, которые в одном языке представлены эвфемизмами, а в другом являются нейтральной лексикой, как например слово «гомосексуализм».

3. Эвфемизмы, которые характеризуют катаклизмы и временные волнения, происходящие в обществе, остаются актуальным явлением как для американского политического дискурса, так и для российского. В мире

происходит множество природных и экологических катастроф, возникают конфликты между представителями разных культур или стран, а мировая экономическая ситуация оказала сильное влияние на финансовое и психологическое состояние людей. Наше исследование показало, что общественные деятели и политики стремятся «скрасить» сложившуюся негативную ситуацию и для этого прибегают к помощи эвфемизмов в своих выступлениях.

Объём данной тематической группы составляет 19% от общего числа проанализированных нами эвфемизмов в американском политическом медиадискурсе и 22% – в российском. Мы посчитали целесообразным выделить 2 подгруппы, которые в обоих дискурсах представлены примерно в одинаковом соотношении.

3.1. Эвфемизмы, касающиеся проблем природных катастроф.

Изучив политические речи американских и российских лидеров, мы выявили следующую тенденцию эвфемизации темы глобального потепления: в американском политическом медиадискурсе эвфемизмы данной подгруппы составляют 11%, в российском – 12%.

Выражение *climate change* (изменение климата) заменяет общеизвестное понятие *global warming* (глобальное потепление). Оно выполняет роль эвфемизма, так как вуалирует суть явления – глобального потепления. Изменение климата не всегда может быть отрицательным для окружающей среды. Понятие «*climate change*» звучит довольно обобщенно.

Так, например, Б. Обама говорит об изменении климата как о войне, используя глагол «бороться»:

«*Already, together in Paris, we achieved the most ambitious agreement in history to fight **climate change***» (В. Обама, Remarks to the Parliament in Ottawa, 2016) (*Уже вместе в Париже мы достигли самого амбициозного в истории соглашения по проблемам борьбы с изменением климата*).

Довольно распространенными являются эвфемизмы *a man caused-disaster* / *act of God* / *episode* / *event* / *incident* / *stress of weather* вместо слова *disaster*:

«[*Exceptions to this section may be allowed under (following) terms: ...in any case that constitutes a danger to human life or a real threat to vessels, aircraft, platforms, or other man-made structures at sea, such as cases of force majeure caused by stress of weather or other act of God*» (В. Obama, Executive Order 13508 – Chesapeake Bay Protection and Restoration, 2013) ([*Исключения из требований, установленных данным разделом, наступают в следующих случаях:*] ...во всех случаях, когда возникает опасность для жизни людей и угроза для судов, самолётов, платформ и других морских сооружений, в том числе при наступлении обстоятельств непреодолимой силы вследствие неблагоприятной погоды и других стихийных бедствий);

В российском политическом медиадискурсе слова катастрофа, катаклизм заменяются эвфемизмами *сложная ситуация*, *чрезвычайная ситуация*, *сложные метеоусловия*:

«*Что не менее важно, необходимо реализовать комплекс мер по предотвращению подобных **чрезвычайных ситуаций** в будущем, имея в виду работы, связанные с возведением новых гидроэнергетических сооружений, с очисткой русел рек, повышением точности метеорологических прогнозов*» (С. Шойгу, Совещание о ходе ликвидации последствий наводнения на Дальнем Востоке, 2014).

«*В этой **сложной ситуации** благодаря энергично предпринятым мерам и своевременно проведённой эвакуации **потери** были минимальны*» (В. Путин, Совещание о мерах по ликвидации последствий пожаров в Ростове-на-Дону и Волгоградской области, 2017).

3.2. Эвфемизмы, связанные с мировым экономическим кризисом, начавшимся в 2008 году.

Эвфемизмы данной тематики получили особое распространение в последнее время, так как многие люди потеряли свое имущество и капиталы,

многие были уволены или сокращены со своих должностей, резко упала производительность ряда предприятий и организаций. Соответственно, политики стремятся не подчеркивать так называемые «больные места» своих государств, завуалировав подобную информацию с помощью эвфемизмов. Они не вызовут лишнего раздражения у своих граждан. Мы обнаружили 8% эвфемизмов этой подгруппы в американском политическом медиадискурсе и 10 % – в российском.

Одними из самых распространённых эвфемизмов, описывающих экономический кризис, стали слова, заменяющие само слово «кризис». Политики стараются не использовать данное понятие в своей речи, чтобы не усугубить положение дел. Следующие примеры эвфемизмов были использованы политиками в рамках американского политического медиадискурса (*economic downturn / recession / TS (tough situation)* вместо *economic crisis* (экономический кризис):

*«The news media is now obsessed with an alleged tax filing from the 1990's, at the end of one of the most brutal **economic downturns** in our country's history. The conditions facing real estate developers in the early nineties were almost as bad as the **Great Depression** of 1929 and far worse than the **Great Recession** of 2008»* (D. Trump, Remarks at the Pueblo Convention Center in Pueblo, Colorado, 2016) (*СМИ теперь не умалкают о (якобы нарушениях в содержании) налоговой декларации из 1990-х – времён одного из самых серьёзных переломных периодов в истории нашей страны. Условия, в которых компаниям-застройщикам приходилось работать в начале 90-х, были почти такие же тяжёлые, как во времена «Великой депрессии» 1929 года, и даже намного хуже, чем во времена «Великой рецессии» 2008 года).*

В российском политическом медиадискурсе кризис заменяется эвфемистическими выражениями *сложный экономический расклад, застой, переломный период*. Данные выражения завуалированно указывают на кризис, не называя его.

«В период **сложных экономических раскладов** 2008 – 2012 годов эта цифра немножко изменилась в неблагоприятную для нас сторону» (В. Путин, Прямая линия с Владимиром Путиным, 2018).

«Мы не справимся с этими вызовами, если не преодолеем стагнацию, **застой** в глобальном экономическом развитии» (Д. Медведев, Международный форум «Один пояс, один путь», 2017).

«Весь мир проходит сейчас через **переломный период**, и лидером станет тот, кто готов и способен к изменениям, тот, кто действует, идёт вперёд» (В. Путин, Послание Президента Федеральному Собранию, 2018).

А эвфемизмы *revenue enhancements / fairer revenue raise / some inflows / progressive revenue / progressive taxation / balancing* заменяют выражение *tax increase* (повышение налогов):

«I am more than aware of the negative role that sugar is playing in terms of obesity and health in the United States. But what we have got to do is to have **progressive taxation**» (В. Sanders, Remarks in a Town Hall Meeting with Chris Hayes of MSNBC at the National Constitution Center in Philadelphia, Pennsylvania, 2016) (Я прекрасно осознаю огромное влияние сахара на усугубление проблемы ожирения и в целом на состояние здоровья жителей Соединенных Штатов. Но на что нам действительно стоит обратить внимание, так это на вопрос прогрессивного налогообложения).

Более того, такие эвфемизмы, как *developing countries/ Fourth World / emergent (emerging) nation* (самые бедные и малоразвитые в мире страны Африки, Азии и Латинской Америки), в американском политическом дискурсе и *развивающиеся страны* в российском политическом дискурсе используются с целью уравнивать разницу экономического развития некоторых стран и их отдельных районов:

«The Women Connect Challenge will help women in these **developing countries** gain access to the digital technology that is so foundational for productivity and participation in the global economy» (D. Trump, Statement on International Women's

Day, 2018) (*Инициатива Women Connect призвана помочь женщинам в этих развивающихся странах получить доступ к цифровым технологиям, что чрезвычайно важно для обеспечения производительности мировой экономики и расширения состава её участников*).

«*And as I said on Wednesday, and I said to you earlier, Brazil is no longer an emerging nation*» (J. Biden, Remarks by the Vice President and Brazilian Vice President Temer in Brasilia, Brazil, 2013) (*Как я говорил в среду и как я отмечал ранее сегодня, Бразилия больше не является развивающимся государством*).

«*Это прежде всего построение по-настоящему открытой мировой экономики, наращивание и диверсификация торговых, транспортных, технологических обменов, реформирование глобальной валютно-финансовой системы, в том числе повышение роли развивающихся стран в МВФ*» (В. Путин, Неформальная встреча лидеров стран БРИКС, 2015).

Эвфемизмы, характеризующие временные волнения, катаклизмы, происходящие в обществе, распределены примерно одинаково в исследуемых дискурсах. Это подтверждает тот факт, что данные проблемы глобальны и остаются актуальными, чтобы быть затронутыми в политическом медиадискурсе.

4. Эвфемизмы, камуфлирующие негативные явления в социальной сфере, объем которых составляет 15% от общего числа проанализированных эвфемистических единиц в американском политическом медиадискурсе и 21% в российском политическом медиадискурсе, носят частотный характер.

4.1. Эвфемизмы, характеризующие социальные пороки, такие, как наркомания, пьянство, преступность и проституция.

Одна из самых больших подгрупп эвфемизмов – это те, которые отвлекают внимание от негативных явлений действительности (преступность, наркомания, проституция и т. д.). Как в американском, так и в российском политическом медиадискурсе эта подгруппа самая распространённая и составляет 7% и 13% соответственно. Так, например, в контекстах, связанных с преступностью, появляются эвфемизмы, заменяющие слова преступник – *правонарушитель* в

русском языке и *illegal* в английском; вместо тюрьмы используется эвфемизм *исправительное учреждение* в русском и *correctional facilities* в английском:

*«We do not aim to cover the entire scope of jail reform programs but focus instead on three main categories: programs that address mental health, substance abuse, and education and that are delivered inside **correctional facilities**»* (D. Trump, Press Release – CEA Report: Returns on Investments in Recidivism-Reducing Programs, 2018) (*У нас не было задачи рассмотреть все существующие программы реформирования тюремной системы. Напротив, мы сосредоточили внимание на трех главных направлениях: программах, которые касаются психического здоровья, наркотической зависимости и образования, и которые реализуются непосредственно в исправительных учреждениях*);

*«В Ставропольском крае, для сведения, за последние 15 лет при исполнении обязанностей 69 человек погибли, а более 800 человек получили ранения и телесные повреждения при исполнении служебных обязанностей от посягательств уголовного элемента или **правонарушителей**»* (Д. Медведев, Встреча с представителями правоохранительных органов и общественности Ставропольского края, 2013).

*«Примите меры по медико-санитарному обеспечению лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, предусмотрев: обеспечение необходимого финансирования для укрепления материально-технической базы медицинских частей, лечебно-профилактических и **лечебных исправительных учреждений**, оснащения их современным медицинским оборудованием и улучшения лекарственного обеспечения обслуживаемого контингента...»* (В. Путин, Президент подписал поручение премьер-министру Дмитрию Медведеву, 2013).

Проблема наркомании и алкогольной зависимости в американском политическом дискурсе описывается следующими эвфемизмами: *drug addict – substance abuser*:

«[<...>the following principles, which shall be known as the Principles of Economic Mobility:] Address the challenges of populations that may particularly struggle to find and maintain employment (including single parents, formerly incarcerated individuals, the homeless, **substance abusers, individuals with disabilities, and disconnected youth**)» (D. Trump, Reducing Poverty in America by Promoting Opportunity and Economic Mobility, 2018) ([<...> в соответствии со следующими принципами, которые в дальнейшем именуется Принципами экономической мобильности: (правительство обязуется)] Решать проблемы групп населения, испытывающих трудности в поиске работы и сохранении трудоустройства (среди которых одинокие родители, лица, освобождённые из мест лишения свободы, граждане без определённого места жительства, наркозависимые, люди с ограниченными возможностями и неработающая молодежь));

Слово «наркотики» также часто заменяются эвфемизмом *запрещенное вещество* в русском языке и *illegal substance* в английском:

«And the line between alcoholism, which is legal, and folks who are taking Vicodin and then onto harder **illegal substances** isn't always that sharp, particularly among children» (B. Obama, Remarks During a Panel Discussion at the National Prescription Drug Abuse and Heroin Summit in Atlanta, Georgia, 2016) (И порой довольно сложно провести грань между алкоголиками, которые не нарушают никаких законов, и теми людьми, которые принимают викодин и вскоре переходят на тяжёлые запрещённые вещества, особенно когда мы говорим о детях);

«Для ликвидации внутренней сырьевой базы и перекрытия каналов поступления **запрещённых веществ** из-за рубежа проведён ряд специальных оперативно-профилактических мероприятий, в том числе межгосударственного уровня» (В. Колокольцев, Расширенное заседание коллегии МВД России, 2018).

Описание проблемы преступности, которая остается актуальной для США, также подвержена эвфемизации. Наиболее часто в речи американских политиков

встречаются эвфемизмы *syndicate* вместо *gang* (преступная группировка), *juvenile delinquency* вместо *youthful crime* (преступность среди несовершеннолетних):

«At this moment, the United States has invested significant resources already to help Guatemala, Honduras, and El Salvador stop the flow of drugs and cripple the criminal syndicates that plague the region» (M. Pence, Remarks by the Vice President and President Michel Temer of Brazil in Joint Press Statements in Brasilia, 2018) (*В данный момент Соединенные Штаты уже выделили значительные средства на оказание помощи Гватемале, Гондурасу и Сальвадору в борьбе с потоками наркотиков и преступными синдикатами, не дающими покоя этим регионам*);

*«These programs help reduce **juvenile delinquency**, protect public safety, hold offenders accountable, assist missing and exploited children and their families, and provide treatment and rehabilitative services tailored to the needs of juveniles and their families»* (B. Obama, Statement of Administration Policy: S. 2837 - Commerce, Justice, Science, and Related Agencies, 2016) (*Эти программы позволяют снизить уровень преступности среди несовершеннолетних, обеспечивают общественную безопасность, помогают привлекать преступников к ответственности, помогают в поиске пропавших без вести детей и обеспечивают помощь детям, подвергшимся эксплуатации, и их семьям, а также предлагают лечение и реабилитацию, разработанные в соответствии с нуждами несовершеннолетних и их семей*).

В русском языке проблема преступности прослеживается в заменах наименований различных пороков эвфемизмом *пагубные привычки, авторитет* вместо *глава группировки, нетрезвый* вместо *пьяный* и другие:

*«Все социальные системы функционируют. Только этого недостаточно. Ведь они лишь воспроизводят текущую модель, но не развивают её. Не изменяют сложившийся уклад жизни. Сохраняют **пагубные привычки**»*. (Д. Медведев, Россия, вперёд! Статья Дмитрия Медведева, 2013).

«В ходе таких мероприятий установлено 108 тысяч лиц, управлявших транспортными средствами в **нетрезвом** виде» (Расширенное заседание коллегии МВД России, 2017).

4.2. Эвфемизмы, употребляющиеся для повышения престижа некоторых профессий.

Данная подгруппа эвфемизмов шире представлена в американском политическом медиадискурсе, где составляет 4,5% от исследованных единиц, в российском же медиадискурсе эта тема не является распространенной и эвфемизмы данной подгруппы составили всего 0,2%.

Профессии дворника или уборщицы, в первую очередь, относятся к непопулярным профессиям. Поэтому, с целью подчеркнуть важность и ответственность работы этих людей, в английском языке принято использовать эвфемизмы *garbologist* или *sanitation engineer / sanitation man* вместо *garbage collector* (уборщик); *custodian* или *environmental hygienist* заменяет профессию дворника – *janitor* (дворник); *street orderly* используется вместо *road-sweeper* (метельщик улиц), *cleaning person, building engineer* заменяет профессию уборщицы *maid* [298].

«It [The Centers for Disease Control and Prevention] also has issued interim guidance about Ebola virus infection for airline flight crews, **cleaning personnel**, and **cargo personnel**» (В. Obama, Fact Sheet: U.S. Response to the Ebola Epidemic in West Africa, 2014) (Они [Система центров контроля и профилактики заболеваний США] также выпустили временную инструкцию для членов экипажей самолетов, уборщиков и грузчиков о действиях в случае заражения вирусом Эбола).

Наименования должностей мелких служащих в компаниях или офисах подвергаются эвфемистическим заменам. Например, *administrative assistant* или *personal assistant* используется вместо привычного *secretary*; словосочетание *service lawyer* заменяет выражение *clerk in the law office* в американском английском и т. д. [298].

«*Yeah, just to echo that, the person who is – who are my key **personal assistants** as First Lady now, who are paid to do that work, they were interns first*» (М. Obama, Remarks by the First Lady, Nick Cannon and Seth Meyers in a Discussion with Howard University Students, 2016) (Да, и в продолжение сказанного: тот человек, который ... те люди, которые сейчас работают моими персональными ассистентами, ассистентами первой леди, и получают за это зарплату, – они когда-то были практикантами).

Примерами эвфемизмов, заменяющих другие малопрестижные профессии, могут послужить такие словосочетания, как *nursing-home care assistant* (в значении сиделка или медсестра), *day care provider* либо *child care provider* (няня, присматривающая за детьми), используемые в американском английском, также вместо привычного слова *teacher* все чаще встречается эвфемизм *educator* (педагог).

«*There port examines the low – and often poverty level – wages that **child care providers** and early **educators** receive, the vast majority of whom are women, the growing demand for high-quality early education to both support working families and foster children’s early brain development, and the key role that early educators and child care providers play in preparing the next generation of girls, and all young children, for success*» (В. Obama, Fact Sheet: Government, Businesses and Organizations Announce \$50 Million in Commitments to Support Women And Girls, 2016) (В отчёте описывается чрезвычайно низкий уровень заработной платы воспитателей и педагогов дошкольного образования, подавляющее большинство которых – женщины; растущий спрос на качественное дошкольное образование, которое, с одной стороны, позволяет поддержать рабочие семьи и, с другой стороны, обеспечивает раннее интеллектуальное развитие детей; а также важнейшую роль педагогов дошкольного образования и воспитателей в том, насколько успешным будет следующее поколения детей и, в особенности, девочек).

В русском же языке очень часто встречается эвфемизм *менеджер*: уборщицы становятся *клининг-менеджерами*, а грузчики – *инженерами по укладке грузов*. Так, например, использование эвфемизма *менеджер* можно проследить в диалоге В. Путина с Г. Бильманым, волонтером Кубка конфедераций:

«Г. Бильман: Вообще для меня как для **спортивного менеджера** очень важно быть частью таких событий, как Кубок конфедераций, чемпионат мира по футболу.

В. Путин: Вы **спортивный менеджер**?

Г. Бильман: Да, я занимаюсь **спортивным менеджментом**, и эти мероприятия позволяют мне приобретать уникальные навыки, которые в последующем можно в работе в индустрии спорта применить» (В. Путин, Встреча с представителями ведущих волонтерских объединений России, 2017).

В данном диалоге использование понятие *спортивный менеджер* вызывает интерес. Профессия «спортивный менеджер» не закреплена ни в одном толковом словаре русского языка. Чтобы придать значимость своей должности, Г. Бильман использует эвфемистическое словосочетание «спортивный менеджер».

4.3. Эвфемизмы, относящиеся к проблеме бедности

В американском политическом медиадискурсе количество эвфемизмов, описывающих проблемы бедности и используемых политиками, меньше, чем в российском политическом медиадискурсе, и составляет 3,5% и 7,8% соответственно.

В английском языке мы исследовали эвфемизмы, обозначающие людей без определенного места жительства: *homeless person / street person / shopping-bag lady / displaced person*. Нами было выявлено, что их употребление в основном ограничено официальным стилем в ситуациях официального общения:

«Without additional funding, HUD will be unable to provide rapid housing interventions to nearly 8,400 disabled **homeless persons** and families, as well as approximately 16,500 households» (В. Obama, Statement of Administration Policy:

H.R. 2112 – Agriculture, Rural Development, Food and Drug Administration, and Related Agencies Appropriations Act, 2013) (*Без дополнительного финансирования Министерство жилищного строительства и городского развития не сможет оперативно предоставить жилье почти 8 400 бездомным людям с ограниченными возможностями и их семьям, а также около 16 500 домашним хозяйствам*).

Также, мы установили, что в данной подгруппе эвфемизмов можно проследить тенденцию замены слова «poor» на элемент, который не содержит негативной коннотации, а наоборот, является нейтральным: *poor children – risk children, poor – working class / low-income / underprivileged / modest / needy*:

*«In many cases, they [foster families] offer our Nation’s most **at-risk children** a second chance at the American Dream»* (D. Trump, Proclamation 9597 – National Foster Care Month, 2017) (*В большинстве случаев в них [приёмных семьях] у детей из группы риска появляется второй шанс на пути к американской мечте*);

*«The United States is a compassionate nation. We are proud that we do more than any other country anywhere in the world to help the **needy, the struggling, and the underprivileged** all over the world»* (D. Trump, Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union, 2018) (*Соединенные Штаты – сердолобивая страна. Мы горды тем, что делаем больше, чем какое-либо государство в деле помощи нуждающимся и обездоленным по всему миру*).

В русском языке частотными эвфемизмами, используемые политиками, становятся слова, заменяющие слово «беднота». К ним можно отнести такие эвфемизмы, как *за чертой бедности, уязвимое положение, социальная незащищенность, социальное неблагополучие, малосостоятельность*. Употребление двух эвфемизмов можно проследить в речи В. Путина во время награждения многодетных семей орденом «Родительская слава»:

*«Нужно и будем делать всё, чтобы исключить ситуацию, когда рождение ребёнка ставит семьи в трудное, **уязвимое положение** ...»* (В. Путин, Награждение многодетных семей орденом «Родительская слава», 2013).

«Мы недавно провели исследования – меня они, честно говоря, шокировали: 20-22 процента населения отвечает иногда **маргинальным характеристикам**» (В. Путин, Встреча с руководителями фракций Государственной Думы, 2013).

В группе эвфемизмов, связанных с влиянием государства на жизнь людей, можно отметить, что тема, связанная с социальными пороками, является актуальной в обоих сопоставляемых дискурсах и занимает существенное место среди исследованных эвфемистических единиц.

5. Эвфемизмы, описывающие умственное и физическое состояние здоровья человека, соотношение которых составляет 5% в американском политическом медиадискурсе и 4% в российском политическом медиадискурсе от общего числа проанализированных эвфемистических единиц, являются довольно распространенными в речах политиков. Мы можем предположить, что политические деятели стремятся быть политкорректными во всех сферах, и главной целью использования данной группы эвфемизмов является проявление положительного отношения к людям, страдающим умственными расстройствами и имеющим физические недостатки.

В английском языке эвфемизмы *slow / not brilliant / a person with development delays / a person with mental disability* вместо слова «stupid» и *children with learning difficulties* вместо выражения «retarded children» подчеркивают положительное отношение властей к людям с умственными отклонениями:

«*Our policy is to extend opportunities and terms and conditions of employment to qualified applicants and employees on an equal basis regardless of an individual's race, color, gender, age, national origin, religion, citizenship status, marital status, sexual orientation, gender identity, transgender status, **physical or mental disability**, protected veteran status, genetic information, pregnancy, or any other categories protected by applicable law*» (В. Obama, Fact Sheet: White House Announces New Commitments to the Equal Pay Pledge, 2016) (*Наша инициатива позволит дать расширить правила трудоустройства и обеспечить равные права и возможности всем квалификационным соискателям и действующим*

работникам, независимо от их расовой принадлежности, цвета кожи, пола, возраста, этнической принадлежности, религии, гражданства, семейного положения, сексуальной ориентации, половой идентификации, трансгендерного статуса, наличия физических или умственных недостатков, статуса ветерана, генетических характеристик, беременности, а также любой другой категории, согласно действующему законодательству).

С каждым годом в английском языке появляется все больше эвфемизмов, описывающих людей с физическими недостатками. Сейчас многие политические лидеры в своих предвыборных кампаниях подчеркивают свою готовность помогать таким людям, обращаясь к ним как *invalid* / *handicapped* / *disabled* / *differently-abled* / *physically challenged* / *special* (инвалид) вместо *crippled* или употребляют выражение «*person with vision impairment*», являющиеся эвфемизмом *the blind* (слепой), а также «*person with hearing impairment*» вместо *the deaf* (глухой):

«*It's just not right. It's not presidential. I have a 12-year-old son who's **handicapped***» (J. Bush, Press Release – Enough, 2016) (*Это просто неправильно. Это не по-президентски. У меня есть 12-летний сын – инвалид*).

«*I'm also very proud to say that unemployment for **the disabled** Americans has reached record lows, giving these incredible Americans the chance to realize their unlimited potential. And that's what it is: unlimited potential*» (D. Trump, Remarks on the Six-Month Anniversary of Passage of the Tax Cuts and Jobs Act, 2018) (*Я также с гордостью заявляю, что безработица среди американцев с ограниченными возможностями достигла рекордно низкого уровня, теперь эти невероятные люди имеют шанс реализовать свой огромный потенциал. И это означает одно: их возможности безграничны*);

«*Healthy People 2020 advises each American to get vision check-ups regularly in order to identify **vision impairments** at an early stage*» (B. Obama, Proclamation 8635–Save Your Vision Week, 2013) (*Программа «Здоровая нация 2020» предписывает*

каждому американцу регулярно посещать окулиста, чтобы выявить нарушения зрения на ранней стадии);

*«There were kids who were **hard of hearing**, kids with **intellectual disabilities**»* (Н. Clinton, Remarks at the Frontline Outreach Center in Orlando, Florida, 2016) (*Там были и слабослышащие дети, и дети с задержкой в умственном развитии*).

В русском языке тоже встречаем эвфемизмы, заменяющие грубые слова, указывающие на умственные или физические отклонения. Так, вместо глухой употребляется *слабослышащий*, вместо слепой – *незрячий*, *слабовидящий*. Слово инвалид заменяется эвфемистическим выражением *лицо с ограниченными возможностями*, *лицо с отклонениями в умственном и физическом развитии*:

*«Серьёзной проблемой остаётся соблюдение прав детей в учреждениях круглосуточного пребывания, речь идёт о детских домах, интернатах и прежде всего тех учреждениях, где находятся **дети с отклонениями в умственном и физическом развитии**»* (Д. Медведев, Стенографический отчёт о заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека, 2013).

«Считаю ваш форум, посвящённый важнейшим вопросам повышения качества жизни людей с инвалидностью, большим, общественно значимым событием, серьёзным вкладом в решение широкого круга задач, связанных с обеспечением условий для профессиональной, творческой самореализации людей с проблемами здоровья, формированием их активной жизненной позиции» (В. Путин, Участникам и гостям I Всемирного конгресса людей с ограниченными возможностями здоровья, 2017).

*«Приветствую собравшихся в Санкт-Петербурге участников форума, посвящённого исключительно важной теме – реабилитации детей с **ограниченными возможностями**»* (Д. Медведев, Участникам II Всероссийского форума – марафона «Защита детей. Реабилитация как основа качества жизни семей, имеющих детей с ограниченными возможностями 2013).

«То есть в данном случае ни *слабовидящие (незрячие)*, ни *слабослышащие дети не получают нормального образования*» (В. Путин, Пленарное заседание Общественной палаты, 2015).

6. Эвфемизмы, описывающие внешний вид и возраст человека, являются актуальными на современном этапе развития общества в связи с наличием проблемы, связанной с лишним весом, «навязыванием» СМИ эталонов красоты. Соответственно, эвфемизация такого рода прослеживается и в рамках политической сферы общества, однако ее объем составляет всего 2% от числа проанализированных нами эвфемизмов в американском политическом медиадискурсе и 3% в российском.

6.1. Эвфемизмы, устанавливающие возраст человека.

Данную тематическую группу эвфемизмов можно проследить в обращениях политических лидеров к пожилому населению, в предвыборных программах, книгах, а также названиях определенных учреждений. Как в американском, так и в российском политическом медиадискурсе они наиболее распространенные в данной группе и составляют 1,5% и 2,9% от 2% и 3% соответственно.

Самыми распространенными эвфемистическими заменами в английском языке являются следующие: *old persons' home* заменяют на *retirement home / rest home / nursing home* (дом для престарелых):

«*They also volunteered hundreds of hours in and around Tuscaloosa: at **retirement homes** and at hospitals and at schools*» (В. Obama, Remarks Honoring the 2015 College Football Playoff National Champion University of Alabama Crimson Tide, 2016) (*Они также сотни часов трудились на добровольных началах в окрестностях Таскалусы и в самом городе: в домах престарелых, в больницах и школах*).

Эвфемизмы, обозначающие людей преклонного возраста (*old people*), многочисленны, подчеркивают положительные стороны преклонного возраста: *golden-ager / senior citizen / to be of a certain age / time-honored / well established / grey-haired / experienced / skilled / long-lived / well-read / older-voter / mature / venerable / to be one's golden years / to be one's third life*:

*«There are four major problems that we face. The first is high list prices for drugs. The second is government rules that get in the way of plans getting good deals for our **senior citizens** in our Medicare program» (S. Sanders, Press Briefing by Press Secretary Sarah Sanders and HHS Secretary Alex Azar, 2018) (Перед нами четыре ключевые проблемы. Первая – высокие рыночные цены на лекарства. Вторая – правила, установленные на уровне правительства, которые не позволяют пенсионерам воспользоваться выгодными предложениями, заложенными в нашей программе здравоохранения);*

*«Meanwhile, Governments have an obligation to care for the survivors of the Shoah, because no one who endured that horror should have to scrape by in their **golden years**» (B. Obama, Remarks at a Ceremony Honoring Recipients of the Righteous Among the Nations Medal at the Embassy of Israel, 2016) (В то же время правительства обязаны заботиться о переживших Холокост, потому что те, кто испытал тот ужас, не должны в старости остаться голодными).*

В русском языке обнаружены в основном эвфемизмы, описывающие возраст людей, в частности, пожилых. В таких ситуациях политики используют эвфемизмы *люди старшего возраста, люди старшего поколения, преклонный возраст, немолодые, люди пожилого возраста.*

В нижеприведенном примере В. Путин на Московском урбанистическом форуме «Мегаполис будущего. Новое пространство для жизни» использует сразу два эвфемизма в своей речи, один из которых описывает пожилых людей:

*«Убеждён, ключ к развитию городов будущего – в согласии техносферы и природы, в свободе, в создании широких возможностей для граждан для их труда, отдыха, занятий спортом; чтобы они могли объединяться и вместе реализовывать научные, творческие, общественные, культурные проекты; чтобы в городе было комфортно всем: детям, молодёжи, **людям старшего возраста**, тем, кто сталкивается с **ограничениями возможностей по здоровью**, – чтобы каждый чувствовал себя частью единого городского*

сообщества» (В. Путин, Московский урбанистический форум «Мегаполис будущего. Новое пространство для жизни», 2018).

В. Путин в других своих речах использует эвфемизмы, указывающие на возраст людей:

«Даже люди старшего поколения всё активнее и активнее пользуются этими инструментами, а ведь ещё относительно недавно для этого приходилось собирать справки, обходить многочисленные конторы, тратить нервы в очередях» (В. Путин, Пленарное заседание Международного конгресса по кибербезопасности, 2018).

«А мы заметили, что при современных технологиях и разных методах банковской работы через телефон, интернет, всё равно люди, особенно преклонного возраста, немолодые предпочитают прийти в банк» (В. Путин, Встреча с президентом – председателем правления Банка ВТБ Андреем Костиним, 2018).

6.2. Эвфемизмы, связанные с описанием особенностей внешности (вес и рост).

Данная подгруппа не столь многочисленна в политическом дискурсе. Можно предположить, что внешность не является актуальной темой для политиков. В обоих политических медиадискурсах, американском и российском, они представлены в очень малом количестве – 0,5% и 0,1% соответственно.

Проанализируем эвфемизмы в английском языке. Следующие эвфемистические замены являются эквивалентами слова «fat»: *overweight / chubby / portly / stout / plump / well-built / plus-size / shapely / heavy set / fluffy / horizontally challenged / calorie-challenged / big-boned / BBW / curvy / large and in charge / cuddly / full-figured / healthy / obese / not exactly thin* (полный):

*«I mean this as a compliment: He was **chubby** and **plump** – (laughter) – a right jolly old elf, and I laughed when I saw him in spite of myself»* (М. Obama, Remarks by the First Lady and Ryan Seacrest at the Children's National Health System, 2016) *(И это комплимент: он был пухленький и толстенький – (смех) – право весьма престарелый эльф, и я засмеялся, когда я увидел его).*

В русском языке слово ожирение заменяется эвфемизмами *избыточный вес*:

«Целая группа вопросов будет посвящена теме неинфекционных заболеваний и профилактике как самих заболеваний (направленный онкоскрининг), так и факторов риска (диабет, **избыточный вес**, курение, алкоголь)» (В. Скворцова, Скворцова: РФ примет участие в создании нового механизма ВОЗ по реагированию на инфекции, 2017).

Эвфемизмы, характеризующие рост человека, не столь многочисленны, как те, которые описывают вес, однако содержат устоявшиеся, часто употребляемые эвфемистические единицы: short – *vertically challenged* (низкий), tall – *G foot* (высокий), *midgets / short people – good people / little people / small people*:

«*And I came to learn that while Barbara is somewhat **vertically challenged** – [laughter] – you should see the box I had to push out of the way here – [laughter] – Barbara is somebody who's got more fight in her than anybody I know*» (В. Obama, Remarks at a Rally for Senator Barbara Boxer in Los Angeles, California, 2013) (*И я осознал, что Барбара скажем так, не великан – [смех] – только посмотрите на подставку, которую мне пришлось отодвигать – [смех] – У Барбары жизненных сил побольше, чем у кого-либо ещё*);

«*The second thing is, because we have people that came from everywhere, we have people of all different types for every sport. So we have really tall people to play basketball or to swim. We have **little people** for gymnastics*» (В. Obama, Remarks and a Question-and-Answer Session at a Young Southeast Asian Leaders Initiative Town Hall Meeting in Luang Prabang, 2016) (*Во-вторых, потому что в нашей стране живут выходцы из разных концов света, у нас есть люди всех сортов для каждого вида спорта. У нас есть очень высокие люди, которые могут играть в баскетбол или плавать. У нас есть люди невысокого роста, которые могут заниматься гимнастикой*).

Таким образом, эвфемизмы представлены в американском и российском политическом медиадискурсе в значительном количестве. Все перечисленные тематические группы эвфемизмов являются универсальными как в американском,

так и в российском политическом медиадискурсе. Проблемы, связанные с террором и военными действиями, проблемы дискриминации в различных ее проявлениях, а также проблемы, характеризующую временные волнения, катаклизмы, происходящие в обществе, доминируют в обоих медиадискурсах. Это можно объяснить тем, что данные проблемы глобальны и характерны для большинства государств. Прослеживается также процесс эвфемизации вопросов влияния государства на жизнь людей, проблем физического и умственного состояния людей, а также их возраст и особенности внешности. Однако эвфемизмы этих лексико-семантических групп не так часто встречаются в речи американских и российских политиков, что говорит о том, что данные темы не являются приоритетными для диалога между властью и народом. Политики стремятся быть политкорректными, не затрагивая личных характеристик граждан. Однако подгруппы в выделенных нами тематических группах не всегда универсальны в сравниваемых медиадискурсах. Так, например, если говорить о дискриминации, наиболее распространёнными эвфемизмами этой группы в американском политическом медиадискурсе являются эвфемизмы, относящиеся к дискриминации по половому признаку, в то время как в российском политическом медиадискурсе доминирует проблема этнической дискриминации. Эвфемизмы, описывающие проблему бедности, более частотное явление в российском политическом медиадискурсе по сравнению с американским. Еще одним важным отличием американского политического медиадискурса от российского является количество используемых эвфемизмов в речи. Американские политики используют эвфемизмы на 1/3 чаще чем российские политики.

§ 2.3 Функционально-прагматические особенности эвфемизмов в сопоставляемых дискурсах

Как мы знаем, общение – это важная составляющая жизни человека, в которой мы используем специальное орудие – язык – для обмена разной информацией. Цель нашего обмена – это достижение успешной коммуникации, необходимой для социальной жизни людей, взаимодействия людей в обществе.

Политический медиадискурс – это один из видов дискурса, где политики используют язык именно в качестве орудия общения. Это связано, прежде всего, с тем, что основная функция политического медиадискурса заключается не только в убеждении, но и в его использовании в качестве инструмента политической власти. В этом заключается особенность политического языка, который, помимо представителей власти, используют люди, не имеющие с политикой никаких профессиональных связей. Для данного вида дискурса характерны слова и выражения из общенародного языка как средства убеждения и контроля. Другими важными чертами политического медиадискурса является манипулятивность и речевое воздействие. Они необходимы политическому деятелю для достижения определенных целей и задач, одной из которых является создание положительного имиджа, способного помочь политику вызвать доверие у населения и склонить в свою сторону общественное мнение. Для этого язык политического дискурса наделяется экспрессивностью, эмоциональностью и выразительностью.

Эвфемизация речи является одним из способов создания экспрессивной, эмоциональной и выразительной речи. Во многих случаях именно эвфемизмы помогают политическим лидерам звучать красиво, вежливо, учтиво, уважая принципы, традиции и особенности реципиента информации. Это можно объяснить тем, что эвфемизмы используются с целью избежать коммуникативных конфликтов и сохранить «лицо»; завуалировать суть дела или смягчить пропозицию в целом или ее отдельные части.

Все функции эвфемизации речи в той или иной мере выделяются в политическом медиадискурсе.

Проанализировав тематические группы эвфемизмов, можно разделить все эвфемизмы на две основные группы:

- эвфемизмы, затрагивающие интересы личности, как представителя той или иной группы / общества (эвфемизмы, смягчающие дискриминацию в ее различных проявлениях; эвфемизмы, указывающие на социальный статус человека и престиж его профессии; политкорректная лексика, описывающая умственное и физическое состояние человека, его внешний вид и возраст);

- эвфемизмы, затрагивающие негативные явления действительности (эвфемизмы, связанные с военными действиями и террором; эвфемистические единицы, характеризующие временные волнения, катаклизмы, происходящие в обществе и социальные пороки, которые характеризуют социум).

Таким образом, в американском и российском политическом медиадискурсе функция вуалирования или камуфляжа существа дела является доминирующей для эвфемизмов, описывающих негативные явления действительности, в то время как функция избегания коммуникативных конфликтов и сохранения «лица» характерна для эвфемизмов, затрагивающих интересы личности.

Принимая во внимание все вышесказанное, более подробно остановимся на каждой из функций в отдельности и проследим, насколько часто эти функции встречаются в американском и российском политическом медиадискурсе.

Вуалирование действительности или камуфляж существа дела является доминирующей функцией как в американском, так и в российском политическом медиадискурсе. Это можно объяснить тем, что частотными эвфемизмами являются те, которые заменяют нежелательные явления действительности, такие, как войны, террористические акты, природные катаклизмы, временные финансовые кризисы и т.д. Эвфемистические замены все чаще наблюдаются в политической сфере для описания социальной жизни людей и социальных пороков. Говорящий стремится смягчить негативное отношение к таким

явлениям, как преступность, проституция, пьянство, наркомания, например, *correctional facilities* (prison), *device / unit / gadget / MUF* (a bomb), *air support / protective reaction* (bombing); *recession* (crisis) – в английском языке, *запрещенное вещество* (наркотик), *сложная ситуация* (кризис), *правонарушитель* (преступник) – в русском языке. В основе этих эвфемизмов – косвенность обозначения. Она используется для создания положительного эффекта об услышанной информации.

«Положительный эффект» можно проследить в лексике, связанной с военными действиями и террором, в американском и российском политическом медиадискурсе.

С. Кураленко, военпред РФ в Сирии, высказался о борьбе с терроризмом:

«По заявлению ее руководства, над международным терроризмом одержана решительная победа» (С. Кураленко, Генерал о сирийских буднях российских военных: террористическую угрозу исключить невозможно, 2018).

Военный представитель России в Дамаске дал эксклюзивное интервью «Московскому Комсомольцу», где он заменил словосочетания *исламский терроризм* или *терроризм воинствующего ислама*, характеризующиеся негативной коннотацией, эвфемизмом *международный терроризм*. Тем самым он подчеркнул значимость проблемы, а также вовлеченность и заинтересованность всего мира в данной ситуации.

Б. Сандерс в интервью Дэйли Ньюз также отвечает на вопросы о терроризме и его жертвах:

«So whatever the mechanism, whoever is in control of that policy, it has to be refined so that we are killing the people we want to kill and not innocent collateral damage» (B. Sanders, Interview by The Daily News Editorial Board, 2016) (*Независимо от того, какого рода механизм применяется, и от того, кто руководит этой стратегией, эти меры должны быть разработаны очень грамотно, чтобы мы уничтожали именно тех людей, которых хотим уничтожить, а не невинных мирных граждан*).

В данном примере использование эвфемизма *collateral damage* камуфлирует суть предложения. Данная эвфемистическая замена необходима для выражения *civilian damage*. Сравнив два вышеперечисленных словосочетания, можно утверждать, что у эвфемизма коннотация нейтральная, в отличие от прямого наименования, так как у слова *collateral* первые слова в синонимичном ряду *indirect, secondary*, что означает *непрямой, второстепенный*, но не гражданский.

Функцию вуалирования действительности можно проследить также в эвфемизмах, характеризующих временные природные катаклизмы или экономические волнения в обществе. Нежелательные номинации заменяются более приемлемыми. Общество должно услышать то, что хотело бы услышать. Подтвердим это следующими примерами:

*«Now we are two different countries but our destination must be the same: strong and **stable growth**, reduced deficits and reform of our financial systems—so that they will never again be open to the abuses of the past»* (В. Обама, Joint Op-ed by President Obama and Prime Minister Cameron, 2013) (*Мы две разные страны, но мы должны стремиться к единой цели: уверенному и стабильному росту, сокращению дефицита и реформированию наших финансовых систем, для того чтобы они больше не смогли подвергнуться влиянию прошлого*).

В этом примере проиллюстрирована замена экономического понятия «slow growth» (медленный рост) эвфемизмом «stable growth» (стабильный рост). Семантика слов *медленный* и *стабильный* не синонимична: медленный не значит стабильный, и наоборот. Однако значение слова «стабильный» имеет более положительную коннотацию по сравнению со словом «медленный» – эвфемизм в этом контексте вуалирует вероятное отставание в экономическом развитии.

Пример из российского политического дискурса. В. Путин, обсуждая проблему пожаров в Ростове-на-Дону и Волгоградской области, говорит:

*«В этой сложной ситуации благодаря энергично предпринятым мерам и своевременно проведённой эвакуации **потери** были минимальны»* (Совещание о

мерах по ликвидации последствий пожаров в Ростове-на-Дону и Волгоградской области, 2017).

В этом примере мы наблюдаем использование сразу двух эвфемизмов – *сложная ситуация* (вместо слова «лесной пожар») и *потери*. Замена прямых наименований эвфемизмами усложняет понимание информации, так, например, эвфемизм *потери* может означать не только человеческие жертвы, но также животные, лесные массивы, пастбища, придомовые участки и т.д.

Функция вуалирования действительности прослеживается в эвфемизмах, посвященных теме социальных пороков (пьянство, наркомания, проституция и преступность).

Стремление быть политкорректным в такой теме, как социальные пороки, является объяснимым, так как проблемы преступности, наркомании, пьянства взаимосвязаны с другими проблемами, они затрагивают не одного человека в обществе, а целые семьи, сообщества. Человек, имеющий знакомых или родственников преступников, наркоманов, не стал бы открыто упоминать о трудном положении своих знакомых или родственников, не говоря уже о политических деятелях, которые работают с большим количеством потенциальных избирателей. Политик стремится быть вежливым, чтобы расположить к себе всех людей, включая тех, кто стал социально уязвимым или незащищенным.

Дж. Кинг, министр просвещения США, ведет диалог с бывшим президентом Америки, Б. Обамой, в котором они обсуждают проблему образования для бывших заключенных, где Дж. Кинг заменяет сразу два прямых наименования «*prison*» (тюрьма) и «*prisoner*» (заключенный) эвфемистическими словосочетаниями:

*«[By signing <...> the pledge the City University of New York partners committed to:] Taking action in their local communities by supporting professors and students who want to teach or are teaching in **correctional facilities** and ensuring internships and job training are available to **individuals with criminal records**»*

(J. King, Fact Sheet: White House Launches the Fair Chance Higher Education Pledge, 2016) (*[Подписывая <...> это заявление, партнёры Городского университета Нью-Йорка обязуются:] На местном уровне обеспечивать поддержку профессорам и студентам, которые изъявляют желание преподавать или уже преподают в исправительных учреждениях и обязуются организовать практику и обучение для ранее судимых людей*).

В данном примере замена эвфемизмами прямых наименований достаточно успешна, так как реципиент, получив данную информацию, скорее всего, не посчитает работу в исправительных учреждениях с людьми с криминальным прошлым неудачной.

В российском политическом медиадискурсе также можно проследить замену слова *тюрьма* эвфемизмами, с акцентом на том, что в первую очередь это государственное учреждение, занимающееся исправлением тех, кто ступил на неправильный путь:

«Первое время готовая продукция будет перекрывать потребности исправительного учреждения, в случае высокой рентабельности колония планирует закупку ещё большей партии кур для обеспечения продукцией других исправительных учреждений Псковской области» (Исправительные учреждения УФСИН России по Псковской области переходят на альтернативные виды животноводства, 2018).

Данный контекст позволяет нам понять, что в первую очередь исправительные учреждения работают над возможностью предоставить рабочие места заключенным, а не наказать их. Таким образом, мы прослеживаем положительный подтекст в данном предложении.

Функция избегания конфликта и сохранения «лица» менее распространена в американском и российском политическом медиадискурсе, так как данная функция характеризует эвфемизмы, относящиеся больше к индивидууму, а не обществу в целом.

Первой группой, где в наибольшей степени прослеживается функция избегания конфликта и сохранения «лица», являются эвфемизмы, смягчающие дискриминацию в ее различных проявлениях (расовая, религиозная, дискриминация сексуальных меньшинств и половая).

В группе эвфемизмов, описывающих профессии людей и гендерные особенности, функция избегания коммуникативных конфликтов и сохранения «лица» прослеживается наиболее ярко. Проблема дискриминации женщин прослеживается с давних пор. Гендер в психологии понимается как социально-биологическая характеристика, которая разграничивает понятие «женщина» и «мужчина». Психологи, а точнее, социальные психологи, утверждают, что существуют две причины, почему люди стремятся соответствовать гендерным ожиданиям: информационное и нормативное давление. Термин «информационное давление» характеризует наше желание придерживаться определенной позиции в тех или иных социальных вопросах. Данная позиция формируется не на основе собственного опыта, а на основе информации, которую мы получаем от окружающих. Нормативное давление описывает то, как человеку приходится подстраиваться под ожидания общества, чтобы оно не отвергло его. Чтобы понять, что считается правильным, мы стараемся узнать мнение окружающих, что правильным считают они. Наше же поведение будем считать правильным только в том случае, если увидим его у окружающих. Подобным образом можно описать гендерные роли в обществе. Чем больше средства массовой информации и окружающие нас люди будут подчеркивать разницу между мужским и женским полом, тем больше мы будем убеждаться в этой правоте. Дискриминация, таким образом, продолжает развиваться: женщинам не всегда легко получить руководящие должности, в то время как мужчины, по мнению многих людей в обществе, не обладают способностью управляться с маленькими детьми. Однако не стоит забывать, что мужчина и женщина, в первую очередь, являются людьми и поэтому заслуживают равные права в обществе. Чтобы достичь этого равенства между полами, политики стремятся использовать эвфемизмы, говоря о тех или

иных вопросах гендера. Так, например, сейчас корректно называть профессии в английском языке, не используя слова, которые содержат корень «man» (мужчина), иначе общество будет считать, что политик разграничивает возможности мужчины и женщины. Поэтому происходит замена названий таких профессий как *military man* (военный) на *men and women in uniform, businessman* на *executive* и т.д. Так, например, Б. Обама в своем обращении о миссии военнослужащих в Ливии говорит:

*«Today, I can report that thanks to our brave **men and women in uniform**, we've made important progress»* (В. Obama, Weekly Address: President Obama Says the Mission in Libya is Succeeding) (*Сегодня я могу заявить, что благодаря нашим отважным мужчинам и женщинам в форме, мы достигли важных результатов*).

В русском языке часто используется эвфемизм *бизнесмен*, указывающий на род занятий человека, владеющего своим делом. Несмотря на то, что в слове «бизнесмен» присутствует слово *man*, что в переводе означает «мужчина», политики в России не заменяют данное слово на устаревший эвфемизм *предприниматель*:

*«С удовлетворением отмечу, что этот форум, ставший традиционным, пользуется широкой общественной поддержкой. Объединяет своими благородными целями представителей экспертных и научных кругов, видных политиков, **бизнесменов** из разных стран»* (В. Путин, Приветствие участникам и гостям форума «Арктика – территория диалога», 2019).

Функцию избегания коммуникативных конфликтов и сохранения «лица» можно проследить также в группе эвфемизмов, посвященных теме расовой и национальной принадлежности. Каждый политик стремится избежать национальных конфликтов между представителями разных наций в результате социально-политического неравенства, ущемлений их прав, связанных с государственным устройством. Мир, в первую очередь, состоит из народов, а не из государств. Каждый народ имеет право на свободу. Конфликты между народами возникают при определении степени этой свободы. Однако, как

заявляют юристы, существует определенная жесткая норма, которая указывает на принцип самоопределения и равноправия народов. Данный принцип зафиксирован юридически и гласит:

«Коренные народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие» (Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов).

В 20-30-е гг. XX века слово «nigger» (негр) было широко распространено по отношению к чернокожим людям. Это наименование было даже использовано в названии книги Агаты Кристи – «Ten Little Niggers» («Десять маленьких негрятят»).

В 60-е годы XX века началось движение за гражданские права чернокожих в США. Последствием этого движения стало использование слова «black». Оно получило статус символа гордости и использовалось в лозунге негритянского движения: «Black is Beautiful» (черный – это красиво). Однако коннотация слова «black» (черный) вызывает споры у сторонников вежливости, так как они считают, что у данного прилагательного негативная коннотация, например, в словосочетаниях – *black magic* (черное волшебство), *black sheep* (паршивая овца), *black market* (черный рынок). Поэтому политики стараются не использовать слово «black» и подобные обозначения, которые могли бы привести к конфликту.

Россия тоже многонациональное государство, на территории которого проживает больше 160 национальностей. Большинство конфликтов, происходящих на территории страны, вызвано недопониманием между представителями разных национальностей. Употребление эвфемизмов в политической сфере является действенным способом не разжигать подобного рода конфликты. Так, например, выражение «лицо кавказской национальности» стараются заменять в политическом дискурсе обобщающим словом кавказцы или выходцы с Кавказа:

«Чеченцы, дагестанцы, адыги, абхазы, выходцы с Кавказа, пришедшие в Сирию воевать на стороне ИГИЛ (запрещена в России), вы совершаете большую ошибку» (Потомки кавказских переселенцев воюют против радикалов в Сирии, 2015).

Эвфемизмы, описывающие социальную сферу людей, а именно бедность, используются с целью избежать коммуникативных конфликтов и сохранить «лицо». Проблема бедности и богатства стояла перед человечеством с тех пор, как появилась собственность. Общество всегда было поделено на богатых и бедных. Особенно остро эту проблему чувствовал класс бедных, и он всегда стремился к равноправию. Эвфемизмы так или иначе помогают стереть черту между двумя классами. Благодаря эвфемизмам политики остаются уважаемыми обществом. Эффект равноправия достигается, например, тогда, когда *the poor* (бедные) заменяются на политкорректные *economically marginalized / in reduced circumstances / financially inept people / low-income / working class / modest / underprivileged / deprived / disadvantaged / indigent* и т.д.

«*This program provides an intensive, nine-month curriculum to help girls who were unable to finish primary school, catch up to their peers. Through Second Chances, some of the world's most **marginalized girls** have returned to school and some have even gone on to college*» (FACT SHEET: First Lady Michelle Obama Announces More than \$20 Million in New Commitments to the U.S. Government's Let Girls Learn Initiative at United State of Women Summit Dinner, 2016) (В рамках данной программы разработан интенсивный девятимесячный курс, благодаря которому девочки, не окончившие начальную школу, могут наверстать упущенное и подтянуть знания до уровня их сверстников. Благодаря программе «Второй шанс» многие девочки, оказавшиеся даже в самом неблагоприятном положении, смогли вернуться в школу, а некоторые даже продолжить обучение в колледже).

Данный пример показывает необходимость использования эвфемизмов, если говорить о теме бедности. Эта тема достаточно щепетильная для любого человека, и социальное неблагополучие может затронуть любого. Это объясняет,

почему в политической сфере относятся с уважением к социально незащищенным слоям населения.

В российском политическом медиадискурсе также прослеживается тенденция защиты прав малообеспеченных, и политики стараются избегать использование слова «бедный» в своих текстах. Ксения Собчак, кандидат в президенты РФ в 2018 году, говорила о своей предвыборной кампании, где также использовала эвфемизм:

«Есть социально незащищенные слои населения. Обязанность государства – это создавать такие условия в стране, чтобы люди могли жить нормальной жизнью» (К. Собчак, Выступление Ксении Собчак в программе «Время покажет» на «Первом канале», 2017).

Впереди президентские выборы, и цель любого кандидата – расположить к себе как можно больше избирателей, в данном случае эвфемистические замены как никогда помогают политикам звучать вежливо.

Политкорректное движение коснулось и языковой дискриминации людей с умственными и физическими недостатками. Такие слова, как *wobler, handicapped, cripple*, содержат уничижительную и отрицательную коннотацию, поэтому появилась необходимость использовать более уважительные и тактичные слова или словосочетания, например, *people with learning difficulties / disabled*. Однако эта проблема еще далека от адекватного разрешения. Тем не менее, политики стараются не использовать в своей речи слова с негативной коннотацией. Так, например, Дж. Эрнест говорит:

«These monitors will be on the ground gathering information on numerous aspects of local election procedures, including questions related to whether or not the voters were treated differently based on their race or their color, whether jurisdictions are adequately serving the rights of individuals with disabilities...» (J. Earnest, Press Briefing by Press Secretary Josh Earnest, 2014) *(Эти наблюдатели будут на местах собирать разного рода информацию о процедуре голосования, в том числе они будут фиксировать данные о несправедливом отношении к избирателям в*

зависимости от их расовой принадлежности или цвета кожи, а также о соблюдении территориальными комиссиями прав людей с ограниченными возможностями...).

В России, как и в Соединенных Штатах, тема умственного состояния и психического здоровья человека изобилует эвфемистическими заменами. Если говорить о людях с проблемами здоровья, слово *инвалид* не является уважительным. Эвфемистические замены можно проследить в названиях различных учреждений, занимающихся воспитанием, лечением людей с разными недостатками. Политическая сфера не является исключением – существует множество программ, направленных на помощь людям с недостатками или отклонениями, о которых говорят политики. Чтобы не оскорбить таких людей, необходимы эвфемизмы:

«Мы предлагаем, чтобы в домах престарелых, где живут слабослышащие люди, хотя бы на ночь такие браслеты надевать. Если что случится, чтобы они смогли быстро отреагировать и спастись» (С. Шойгу, Шойгу предложил надевать «сигнальные» браслеты на пожилых людей).

Министр МЧС С. Шойгу в своей речи использует политкорректную лексику и делает акцент на то, что такие люди есть в стране, и о них помнят, о таких людях заботятся.

Функция избегания коммуникативных конфликтов и сохранения «лица» также прослеживается в тематической группе эвфемизмов, описывающих возраст людей и особенностей внешности.

С наступлением нового возрастного периода человек меняется. Изменения происходят как в физическом плане, так и в психическом. Взрослея, человек переоценивает жизненные установки и приоритеты. Более того, вопрос возраста воспринимается людьми по-разному. В детстве мы воспринимаем взросление с волнением, ожиданием и любопытством. Когда человеку девять лет, он всегда с нетерпением ждет, когда, наконец, исполнится десять. Ожидание становится еще более нестерпимым, когда человек вступает в стадию юности, особенно если

родители пообещали ему купить новый автомобиль на следующий день рождения. Но, как говорил Эйнштейн, все в мире относительно, и когда человеку сорок девять, его пятидесятый день рождения пугает, несмотря на то, что он упорно старается не думать об этом. Однако одни люди не учитывают свой возраст и чувствуют себя полными сил и молодыми в 70 лет, а другие и в 60 устают от жизни и замыкаются в себе. И как политик может знать, насколько позитивно человек думает о своем возрасте, хочет ли он слышать слово «старый» или «пожилой» в свой адрес? Одним из способов решения данной проблемы является явление эвфемизации, основанное на вежливых, непрямых, смягчающих словах или словосочетаниях, используемых в прагматических целях.

Эвфемистические замены, описывающие возраст, смягчают возрастную дискриминацию. Период жизни от 40 до 65 лет эвфемистично звучит *middlescence* (средний возраст), следующий период, с 65 лет называют эвфемизмом *third age* (третий возрастной период), а самих представителей пожилого возраста называют *golden ager, senior citizen*. Таким образом, эвфемизмы подчеркивают уважение людям пожилого возраста, не деля общество на молодежь и стариков. К этому приему прибегает Б. Обама в своей речи:

«Today, the number of seniors in poverty has fallen dramatically. Every American over 65 has access to affordable health care» (В. Обама, Remarks by the President at White House Conference on Aging, 2015) (*Сегодня значительно снизилось количество пожилых людей, живущих в бедности. Каждый американец старше 65 лет имеет возможность пользоваться доступными медицинскими услугами*).

Российские политические представители, как и американские, уважительно относятся к людям пожилого возраста, что подтверждают эвфемизмы, заменяющие слово «старый»:

«Для обеспечения прав граждан с ограниченными возможностями, лиц пожилого возраста организовывались выездные приёмные в социальных

учреждениях, отдалённых населённых пунктах» (Ю. Чайка, Заседание коллегии Генпрокуратуры России, 2018).

В очередной раз эвфемистические замены помогают политическим деятелям достичь уважения среди населения. Речь политиков наделена положительной коннотацией: они не говорят о старых людях, а о лицах пожилого возраста и о том, что права пожилых людей обеспечиваются в любых точках великой страны.

Таким образом, можно проследить универсальность функций эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе. Распространенность той или иной функции политкорректной лексики зависит от распространенности той или иной сферы эвфемизации. Функция вуалирования, камуфляжа существа дела является доминирующей как в американском, так и в российском политическом медиадискурсе. Функция избегания конфликта и сохранения «лица» также распространена в американском и российском политическом медиадискурсе, так как характерна для многих тем эвфемизмов (различного рода дискриминации, бедность, умственные и психические недостатки людей, возраст, особенности внешности и т.д.). Данные темы в меньшей степени затрагиваются политической сферой, поэтому функция избегания конфликтов прослеживается не так часто.

Политическая корректность свидетельствует о постепенном изменении общественного мнения, осуждении обществом и политиками языковой дискриминации. Это возможно благодаря созданию новых слов, словосочетаний и выражений, а точнее, эвфемизмов. Они являются более вежливыми, мягкими синонимами политически некорректной лексики.

§ 2.4 Хеджи как разновидность функциональных эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе

Вежливость и политическая корректность достигаются различными способами. Основную нагрузку обозначения вежливости, учтивости по отношению к собеседнику несут эвфемизмы, так как они представляют собой слова или выражения, используемые для замены любого нежелательного или недозволенного слова / выражения приемлемым и более корректным.

Как и эвфемизация речи, хеджирование используется в речи политиков с целью избежать коммуникативных неудач или конфликтов и сохранить «лицо» при общении с аудиторией или завуалировать действительность. Хеджи, которые могут быть представлены различными морфологическими и лексическими средствами, указывают на отношение говорящего к пропозиции или же помогают изменить истинность самой пропозиции. С этой точки зрения все хеджи делятся на две группы – хеджи-преграды и хеджи-аппроксиматоры.

Хеджи-преграды, или речеактовые хеджи, подчёркивают отношение говорящего к пропозиции, что может быть выражено опосредованно. К этой группе хеджей относятся эпистемические глаголы в сочетании с местоимениями первого лица единственного и множественного числа; условные придаточными предложения; безличные конструкции в английском языке и эпистемические глаголы; конструкции с возвратными глаголами (казаться, предоставляться, считаться, отмечаться и т.д.); вводные конструкции (на наш/мой взгляд, с нашей/моей точки зрения, по-нашему/моему убеждению) в русском языке.

Приведем для примера высказывание В. Матвиенко по поводу Дня российского парламентаризма:

«Уважаемый Владимир Владимирович, Вы уже отметили, что наша встреча проходит в преддверии, мы считаем, нашего профессионального праздника – Дня российского парламентаризма» (В. Матвиенко, Встреча с Советом законодателей, 2019).

В этом примере хедж *мы считаем* выражен эпистемическим глаголом в форме множественного числа, что подчеркивает тот факт, что политик выражает не только свою точку зрения, то есть он высказывает обобщенное отношение к пропозиции.

Хеджи-аппроксиматоры влияют на смысл части пропозиции или всей пропозиции. К этой группе хеджей относятся модальные слова, модальные глаголы и аппроксиматоры времени, степени, количества и частотности в английском языке и модальные частицы, модальные слова, глагол мочь + инфинитив глагола, конструкции можно/возможно + инфинитив в русском языке.

С. Шойгу, говоря о традиции подписания глобуса, использует хедж *около*, который меняет только часть пропозиции, описывающей временной период существования этой традиции:

*«Уважаемые коллеги, мы начинаем или продолжаем традицию, которую мы начали, по-моему, **около** пяти лет назад, – это подписание глобуса, «Первый в России» называется»* (С. Шойгу, Заседание попечительского совета Русского географического общества, 2019).

Изучив и проанализировав прагматические особенности использования хеджирования в американском политическом медиадискурсе, мы выявили, что наиболее частотными в речи политиков являются хеджи-аппроксиматоры, которые выражены:

- модальными глаголами;
- модальными словами, выраженными разными частями речи;
- аппроксиматорами времени, степени, количества и частотности.

Проанализировав политические речи американских политиков за 2013 – 2019 гг., мы пришли к выводу, что самым распространенным в американском политическом медиадискурсе является хедж, выраженный модальным глаголом *can* (мочь). Как и в русском языке, так и в английском данный глагол выражает вероятность выполнения или осуществления действия.

Например, Б. Обама в своей речи по искоренению безработицы использует сразу несколько хеджей:

*[So America's getting stronger and <...> the economy is growing. And we've got to do more to make sure that all Americans share in that growth.] The good news is, I'm optimistic we **can** do it **if we do it together**» (B. Obama, Remarks on Emergency Unemployment Insurance, 2014) ([И поэтому Америка становится сильнее <...> экономика страны растёт. И нам многое ещё предстоит сделать, чтобы каждый американец смог почувствовать этот рост.] Хорошие новости состоят в том, что я уверен: мы сможем этого добиться, если будем работать сообща).*

В данном предложении можно проследить использование хеджа *can*, который указывает на вероятность того, что действие произойдет в будущем, однако нет определенной гарантии. Еще один вид хеджа используется в этом предложении – условное предложение. Он подчеркивает то, что ситуация с безработицей сможет измениться только при одном условии. Таким образом, мы можем проследить неуверенность автора в истинности пропозиции.

Сравним данный пример без использования хеджа:

[So America's getting stronger and <...> the economy is growing. And we've got to do more to make sure that all Americans share in that growth.] The good news is, I'm optimistic we ~~can~~ will do it if we do it together.

В следующем примере мы также прослеживаем некоторую завуалированность, неточность из-за использования модального глагола *can*. Действующий президент использует сразу два хеджа, один из которых представлен модальным глаголом, а другой – эпистемическим глаголом. Оба указывают на надежду президента изменить текущую ситуацию, но мы не прослеживаем уверенности.

*[And I won't talk now; others have got things they'll say. I would just say that we believe we can do better.] We **believe** that some of the things that Attorney General Bondi is talking about **can** work. [To develop the kind of policies that will make America safer.] (D. Trump, Remarks During a Meeting With State and Local Officials*

on School Safety and an Exchange With Reporters, 2018) (*[Я не буду больше говорить, чтобы все остальные могли высказаться. Я просто отмечу: мы полагаем, что мы способны на большее]. Считаем, что ряд мер, о которых говорила генеральный прокурор Бонди, могут быть эффективны. [По разработке политики повышения уровня общественной безопасности в США]*).

Другим распространенным модальным глаголом, выполняющим роль хеджа, является глагол *might* (может быть):

*«While those percentages **might** be small, the actions represent millions, millions of people who are getting these notifications. And the Chief of Staff, Denis McDonough, met with some insurance CEO – company CEOs today to take issue with that, with these notices, and **presumably** because they're not providing enough information to customers»* (J. Carney, Press Briefing by Press Secretary Jay Carney, 2013) (*Пусть в процентном отношении это и небольшие цифры, предпринимаемые шаги отражаются на миллионах и миллионах людей, которые получают эти уведомления. Денис Макдоноу, глава администрации президента, сегодня провёл встречу с главами страховых компаний, где поставил под вопрос содержание этих уведомлений, а также тот факт, что они недостаточно информативны*).

Говоря о медицинской страховке, Дж. Карни использует хедж. Он не называет конкретные цифры, а указывает на примерное количество, тем самым сохраняет «лицо» в случае, если данные, сказанные им, отличаются от действительности.

Таким образом, можно сделать вывод, что модальные глаголы часто используются в американском политическом медиадискурсе ввиду того, что данная группа глаголов указывает на неопределенность и размытость.

Модальные слова также часто встречаются в речи политиков. Среди них выделяют следующие группы:

- прилагательные: possible, probable, un/likely;
- существительные: assumption, claim, possibility, estimate, suggestion;

- наречия: perhaps, possibly, probably, practically, likely, presumably, virtually, apparently.

Модальные слова, выраженные именами прилагательными и наречиями, выполняющие роль хеджей в предложении, являются наиболее частотными.

*«Reports are out today that suggest that North Korea might be willing to talk about denuclearization. And the Presidents aid today, it's **possible** that we've made progress»* (M. Pence, Remarks by the Vice President at the "Tax Cuts to Put America First" Event in Council Bluffs, Iowa, 2018) (*В опубликованных сегодня докладах появилась информация о том, что Северная Корея, предположительно, готова приступить к переговорам о денуклеаризации. И, как сегодня заявил президент, есть вероятность, что мы достигли прогресса*).

М. Пенс говорит о возможном успехе Соединенных Штатов, используя модальное слово *possible* (возможно). Таким образом, автор вводит некую неясность в пропозицию – по мнению президента, страна, возможно, добилась прогресса, а как есть на самом деле, никто не утверждает.

М. Обама также в своей речи часто прибегает к использованию хеджей:

*[Michelle Obama on Maria Cornejo, designer: She is one of my favorite designers. She's earned fans all around the world.] And she is **probably** one of the sweetest, most gracious people that I've met over the course of these years.* (M. Obama, Remarks by the First Lady at the Fashion Education Workshop, 2014) (*[Мишель Обама о дизайнере Марии Корнехо: Она одна из моих самых любимых дизайнеров. У неё есть поклонники по всему миру.] А ещё она, возможно, одна из самых милых, приятных людей, с которыми мне удалось повстречаться за все эти годы*).

Высказываясь о своей подруге, она использует модальное слово *probably* (возможно), которое указывает на некоторую завуалированность. Скорее всего, М. Обама не желает обидеть других своих подруг, назвав только одну из них самой милой. Она, таким образом, пытается быть политкорректной по отношению ко всем.

Вот еще несколько примеров с использованием модальных слов, которые указывают на неточность, размытость и неопределенность:

*[Attorney General Bondi on an app for American students to report suspicious activities: <...> they (children) are helping us with it.] But it will cost **probably about** \$100,000 maximum to develop. That's all in our budget. (Attorney General Bondi, Remarks During a Meeting With State and Local Officials on School Safety and an Exchange With Reporters, 2018) ([Генеральный прокурор Бонди о приложении, с помощью которого американские учащиеся смогут сообщать о подозрительных происшествиях: <...> они (дети) помогают нам с приложением.] Но на разработку потребуется, наверное, максимум около 100 000 долларов. Эта сумма предусмотрена в бюджете).*

*«But clearly, an unanticipated number of Americans – **perhaps** millions of Americans – may be experiencing these glitches, these technical problems...» (J. Carney, Press Briefing by Press Secretary Jay Carney, 2013) (Однако очевидно, что неопределённое количество американских граждан – возможно, миллионы – могут столкнуться с этими техническими проблемами...).*

*«In fact, I think there's a strong **probability** he hasn't paid federal taxes a lot of years» (H. Clinton, Remarks at Wake Technical Community College in Raleigh, North Carolina, 2016) (Вообще, я думаю, высока вероятность, что он много лет не платит налоги в федеральный бюджет).*

Аппроксиматоры времени, степени, количества и частотности также часто встречаются в политическом медиадискурсе. Основная их функция не называть точное время, степень, количество или частотность, что мы можем увидеть в следующем примере:

*«While every little bit counts, that **approximately** \$7 billion [which Donald Trump is referring to] isn't going to make or break the US, which reported more than \$3.3 trillion in the same period and spent more than \$4.1 trillion a **nearly** \$800 billion imbalance» (D. Trump, Trump greatly oversimplifies his tariffs with 'billions' claim, 2018) (Несмотря на то, что на счету каждый доллар, те почти 7 миллиардов [о которых говорит Дональд Трамп] никак не могут повлиять на судьбу*

Соединённых Штатов, которые заявили о 3,3 триллионах долларов и потратили 4,1 триллион – разница практически 800 миллиардов).

Хеджи-преграды также используются американскими политиками, но в меньшей степени, по сравнению с хеджами-аппроксиматорами. В проанализированных нами текстах хеджи-преграды в основном представлены:

- эпистемическими глаголами в форме 1-го лица множественного числа;
- условными придаточными предложениями;
- безличными конструкциями.

Наиболее частотными среди хеджей-преград в американском политическом медиадискурсе являются эпистемические глаголы в 1 лице множественного числа. Таким образом коммуниканты стараются перенести ответственность с себя на всех.

«We believe it is time for the House to follow the Senate and take action» (J. Carney, Press Briefing by Press Secretary Jay Carney, 2013) (Мы считаем, что пришло время для того, чтобы Палата (представителей) последовала примеру Сената и приняла меры).

Из этого примера мы не понимаем, кто именно, по мнению Дж. Карни, бывшего пресс-секретаря Белого дома, должен последовать примеру Сената. Хедж *«we believe»* указывает на истинность последующей пропозиции с точки зрения говорящего, а не в абсолютном измерении, тем самым снижая категоричность высказывания.

Приведем еще пример, где используется эпистемический глагол в форме 1-го лица множественного числа.

«The U.S.-Japan alliance we believe is at a high-water mark across the board, and really has never been in a stronger place» (B. Obama, Background Briefing by Senior Administration Officials on Vice President Joe Biden's Trip to Asia, 2013) (Мы верим, что отношения США и Японии находятся на высочайшем уровне по всем направлениям сотрудничества, наш союз никогда ещё не был прочнее).

В речи американских политиков можно встретить также условные придаточные предложения, которые выражают мнение собеседника:

«*So we – if we took that step, we could modernize our air traffic control system to keep planes running on time, modernize our power grids and pipelines so they survive storms, modernize our schools to prepare our kids for jobs of the future, modernize our ports so they can accommodate the new ships*» (В. Obama, Remarks at the Port of New Orleans in New Orleans, Louisiana, 2013) (*Поэтому, если бы мы сделали этот шаг, мы смогли бы модернизировать нашу систему управления воздушным движением, чтобы самолеты работали вовремя, модернизировать наши электросети и трубопроводы, чтобы они выдерживали штормы, модернизировать наши школы, чтобы подготовить наших детей к будущей работе, модернизировать наши порты, чтобы они могли принимать новые суда*).

Б. Обама в своей речи прибегает к помощи условной конструкции и местоимения «мы» с целью показать, что он не один, кто должен предпринять шаги с целью модернизировать порты, школы, электросети и т.д. Однако он не называет, кто еще должен действовать вместе с ним, и аудитории стоит догадываться, кто это может быть – сами люди или другие чиновники, тем самым автор отказывается от точности суждения. Здесь также прослеживается функция вуалирования действительности.

Неточность в предложении также вносят безличные конструкции, так как они не предполагают наличия подлежащего в предложении. Следовательно, нам неизвестно, кто именно так считает:

«*It could be the case that LeBron James was onto something when he said, “No matter how much money you have, no matter how famous you are, no matter how many people admire you, being black in America is tough.” Just because the U.S. had a black president does not mean racism is dead*» (Sh. Assari, It’s Not All About the Boot straps, 2018) (*Возможно, ЛеБрон Джеймс был недалёк от истины, когда заявил: «Неважно, сколько у вас денег, неважно, насколько вы известны, неважно, сколько людей вами восхищаются, – в Америке тяжело быть чёрным». То, что в США выбрали чёрного президента, ещё не означает, что расизм побеждён*).

Проанализировав речи российских политиков за последние пять лет, мы пришли к выводу, хеджи-аппроксиматоры частотное явление в обоих дискурсах. В роли хеджей выступают:

- модальные слова;
- модальные глаголы;
- модальные частицы;
- конструкции возможно + инфинитив.

В отличие от американского политического медиадискурса, в российском политическом медиадискурсе чаще используются модальные слова, выраженные именами существительными, прилагательными и наречиями.

Достаточно распространенный хедж в российском политическом медиадискурсе выражен модальным словом «видимо»:

*«То есть это означает, что этот триллион рублей, **видимо**, должен быть дофинансирован во вторую трёхлетку, после того как этот бюджет закончит работать, то есть эта трёхлетка завершится»* (А. Кудрин, Заседание Совета по стратегическому развитию и нацпроектам, 2018).

А. Кудрин выражает свою точку зрения по поводу распределения финансов, и данный хедж указывает на некую неопределенность автора, неуверенность в истинности пропозиции.

Еще одним модальным словом, выступающим в роли хеджа, является слово «вероятно»:

*«**Вероятно**, стоит рассмотреть вопрос об указании в федеральном законе, что общие требования и подходы к благоустройству территории устанавливаются нормативным актом Правительства Российской Федерации»* (Д. Азаров, Заседание Совета по развитию местного самоуправления, 2017).

Использование данного хеджа сигнализирует о неуверенности в истинности пропозиции.

Следующим хеджем по частоте использования в российском политическом медиадискурсе является глагол *мочь*. Данный глагол также вносит некую

двузначность в предложении, мы не сразу понимаем, что хотел сказать автор – сохранить «лицо» и не создать конфликт при общении с аудиторией или завуалировать суть дела.

В своей речи Н. Комарова, глава Ханты-Мансийского автономного округа, использует модальный глагол *мочь* и инфинитив:

«Мы полагаем, надеемся, что они смогут освоить их вместе с гражданами в течение следующего года. Они и сегодня этим занимаются, плюс, исходя из большого объёма, нужно найти жильё на рынке, нужно оформить документы и так далее, поэтому мы считаем, что года следующего хватит, но ресурсы у них есть» (Н. Комарова, Встреча с главой Ханты-Мансийского автономного округа Натальей Комаровой, 2018).

Н. Комарова в данной речи отчитывается перед президентом о выполнении его указов по поводу расселения людей из аварийного жилья. Использование модального глагола «мочь» указывает на возможность исполнения тех действий, о которых она заявляет. Данный глагол указывает на неуверенность автора в истинности пропозиции. Более того, Н. Комарова использует хеджи, выраженные эпистемическими глаголами «полагать» и «считать», что также подчеркивает вероятность завершения действия, изъявленного в пропозиции.

Примерами использования модального глагола *мочь* могут послужить следующие предложения, также подчеркивающие вероятность того, о чем говорит автор:

«Для чего это нужно? В первую очередь для того, чтобы были прогнозируемые и стабильные макроэкономические условия, и мы сможем исполнять наши обязательства независимо от внешних факторов, будь то изменение цен на нефть или будь то внешние ограничения, с которыми мы сейчас сталкиваемся» (А. Силуанов, Совещание с членами Правительства, 2018).

«Мы считаем, что это ключевая вещь, которая сможет обеспечить молодыми специалистами не только бюджетную сферу, но ещё аграрно-

производственный комплекс» (А. Бурков, Встреча с врио главы Омской области Александром Бурковым, 2018).

Сравним эти же высказывания без использования хеджей, выраженных модальными глаголами:

«Для чего это нужно? В первую очередь для того, чтобы были прогнозируемые и стабильные макроэкономические условия, и мы ~~сможем~~ исполним наши обязательства независимо от внешних факторов, будь то изменение цен на нефть или будь то внешние ограничения, с которыми мы сейчас сталкиваемся».

Мы считаем, что это ключевая вещь, которая ~~сможет~~ обеспечит молодыми специалистами не только бюджетную сферу, но ещё аграрно-производственный комплекс.

Предложения без использования хеджей звучат определенно – автор уверен в том, что он говорит, и с большей уверенностью заявляет, что все запланированное осуществится. Таким образом, мы пришли к заключению, что хеджи на самом деле смягчают пропозицию, таким образом снижая степень истинности и категоричности утверждения, позволяя автору сохранить «лицо».

В речи российских политиков можно встретить также хеджи-аппроксиматоры, выраженные модальными частицами:

В. Жарихин, заместитель директора института стран СНГ, высказываясь по поводу ситуации на Украине, использует модальную частицу:

*«В условиях, когда у них разваливается промышленность, сельское население остается на месте, чиновники, работники городской инфраструктуры тоже **вроде бы** остаются на месте, а вот городским жителям, работающим на предприятиях, в научно-исследовательских организациях, в проектных бюро деваться некуда» (В. Жарихин, Совещание послов и постоянных представителей России, 2018).*

В данной пропозиции модальная частица выражает неточность, как и в других предложениях с использованием модальных слов и глаголов.

В следующем примере можно проследить использование конструкции *возможно + инфинитив*:

*«Как отмечает пресс-служба Кремля, главы двух стран обмениваются мнениями о сферах, где **возможно достичь** углубления российско-кубинского сотрудничества, а также обсудят актуальные международные и региональные проблемы»* (А. Братерский, Танки, атом, космос: зачем кубинский лидер едет в Москву, 2018).

Если убрать хедж «возможно» из данного предложения, оно будет звучать более определенно: *«Как отмечает пресс-служба Кремля, главы двух стран обмениваются мнениями о сферах, где ~~возможно—достичь~~ будут достигнуты углубления российско-кубинского сотрудничества, а также обсудят актуальные международные и региональные проблемы»*.

Хеджи-преграды встречаются реже, чем хеджи-аппроксиматоры в сопоставляемых нами дискурсах. Хеджи-преграды в русском языке представлены:

- эпистемическими глаголами;
- конструкциями с возвратными глаголами;
- некоторыми вводными конструкциями (на наш взгляд, по-нашему мнению и др.).

Хеджи, выраженные эпистемическими глаголами в форме 1-го лица множественного числа, чаще других хеджей-преград встречаются в речи российских политиков. Данные глаголы позволяют говорящему опосредованно выразить свои мысли или предположения по какому-либо вопросу.

О. Голодец, вице-премьер правительства РФ по вопросам культуры, спорта и туризма, говоря об инфраструктуре, использует следующий хедж в своей речи:

*«В Севастополе планируется из инфраструктуры построить Театр оперы и балета, который, как **мы считаем**, серьёзно изменит всю ситуацию с культурой в Севастополе и превратит Севастополь по-настоящему в столичный город»* (О. Голодец, Сопещение по вопросу создания культурно-образовательных комплексов в субъектах Российской Федерации, 2018).

В данной пропозиции использование эпистемического глагола в форме 1-го лица множественного числа указывает на желание вице-преьера правительства РФ по вопросам культуры, спорта и туризма подчеркнуть, что не она одна думает и желает изменить ситуацию, тем самым снижая степень истинности и категоричности утверждения.

С. Миронов, председатель Справедливой России, тоже использует эпистемический глагол в форме 1-го лица множественного числа в своей речи:

«Мы считаем, что само понятие в нашем законодательстве не отражено. Речь идёт о социальном предпринимательстве» (С. Миронов, Встреча с лидером партии «Справедливая Россия» Сергеем Мироновым, 2018).

Из данного высказывания мы понимаем, что С. Миронов вуалирует свою мысль, используя местоимение «мы»: мы – это кто, члены партии Справедливая Россия или политические деятели в целом.

Еще одним примером с использованием хеджа, выраженного эпистемическим глаголом, может стать предложение из речи В. Путина:

«Разумеется, есть и вопросы: при таком большом объёме взаимодействия всегда вопросы возникают. Они лежат, как правило, в сфере энергетики, хотя мы полагаем, что и здесь очень многое сделано, особенно в рамках ЕвразЭС, да и на двусторонней основе» (В. Путин, Встреча с Президентом Белоруссии Александром Лукашенко, 2018).

Из данных примеров можно сделать вывод, что использование эпистемических глаголов в форме 1-го лица множественного числа в первую очередь защищает говорящего от ответственности за сказанное, ослабляет иллокутивную силу высказывания и создает благоприятный положительный образ.

Конструкции с возвратными глаголами также используются в российском политическом медиадискурсе. Их основная цель ввести неясность с самого начала высказывания. Мы не можем понять из предложения «кем отмечается» следующая информация:

«Отмечается, что одним из новых правил стало «право одного вопроса», который могут задавать журналисты на брифингах Трампа» («CNN врет»: как Трамп заглушит нелюбимый телеканал, 2018).

Использование конструкций «на наш взгляд, с нашей точки зрения» подчеркивает желание говорящего выразить свои мысли, свои предположения опосредованно, чтобы не акцентировать, что это его личное мнение:

«Россия, со своей стороны, будет делать всё для этого мирного процесса, если он начнётся, а, **на наш взгляд**, этот процесс нужно начать как можно быстрее» (В. Путин, Ответы на вопросы журналистов по итогам рабочего визита в Белоруссию, 2014).

В. Путин в своей речи использует конструкцию «на наш взгляд» с той целью, чтобы не делать акцент, что это может быть его точка зрения. Он обобщает, тем самым вносит долю завуалированности в свою речь.

Мы выявили, что хеджи-аппроксиматоры доминируют в сопоставляемых нами дискурсах, однако процентное соотношение хеджей-преград и хеджей-аппроксиматоров отличается в обоих дискурсах. Данные можно увидеть на рисунке 3.

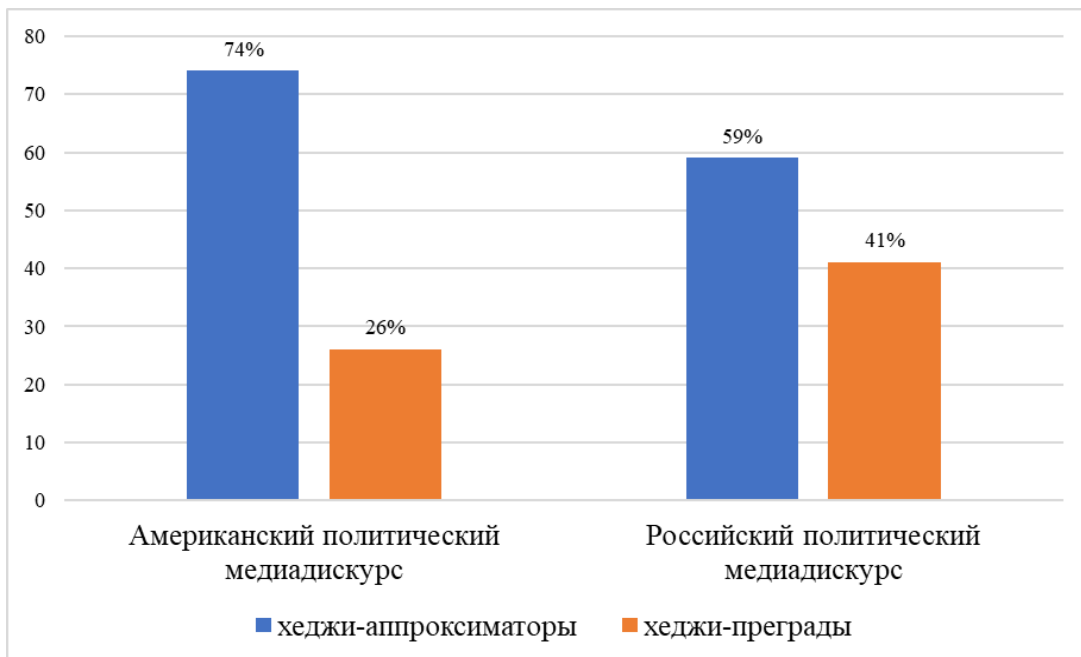

Рисунок 3 – Хеджирование в американском и российском политическом медиадискурсе

Стоит также отметить, что в американском политическом медиадискурсе использование модальных глаголов (36%) в роли хеджей больше, чем модальных слов (25%), в то время как в российском политическом медиадискурсе, наоборот, модальные слова (23%) в роли хеджей встречаются чаще модальных глаголов (17%).

Американский политический медиадискурс в сопоставлении с российским политическим медиадискурсом направлен больше на политкорректность, которая реализуется в нашем случае частым использованием хеджей. Они вносят в пропозицию некоторую размытость, неопределенность и неясность.

Используя хеджирование, политики снижают степень истинности и категоричности высказывания. В то же время, они могут попытаться сохранить «лицо» в случае возможной фальсификации своих суждений. Хеджирование выполняет защитную функцию, которая реализуется посредством хеджей-преград и хеджей-аппроксиматоров.

Хеджирование помогает выстроить успешную коммуникацию между говорящим и слушающим. Политики в одних случаях стремятся избежать коммуникативных конфликтов и сохранить «лицо», в других – пытаются завуалировать суть дела, чтобы не вызвать негативной реакции у аудитории.

Выводы по главе II

Язык, как живой организм, находится в состоянии бесконечного движения и развития, существуя не только для передачи, но и для организации мыслей. В то же время, язык является потенциальным и могущественным инструментом притеснения.

Рассмотрев структурные особенности эвфемизмов, мы пришли к выводу, что эвфемизмы в американском политическом медиадискурсе представлены в большей степени словосочетаниями (77%), а не однословными лексическими единицами. В российском политическом медиадискурсе соотношение однословных (47%) и сверхсловных (53%) лексических единиц примерно

одинаково. В обоих типах дискурса словосочетания доминируют над однословными эвфемизмами. В американском (62%) политическом медиадискурсе, как и в русском (64%), подавляющее большинство словосочетаний представлено простыми словосочетаниями.

Рассмотрев лексико-грамматические свойства эвфемизмов-словосочетаний, мы пришли к выводу, что в американском политическом медиадискурсе большую часть представляет эвфемистическая лексика с именем существительным в роли главного слова в словосочетании (70%), в то время как в российском политическом медиадискурсе эвфемизмы с главным именным словом составляют подавляющее большинство всех исследованных нами единиц и составляют 85%. То есть эвфемизмы используются в большей степени для наименования предметов, а не для описания их признаков или действий.

На основе фактического материала нам также удалось выделить следующие наиболее продуктивные модели образования доминантных именных и глагольных словосочетаний в рамках американского политического медиадискурса: *adj + noun (correctional facilities; senior citizen)*, *noun + noun (community home; climate change)*, *adv + adj (vertically challenged)*, *adj + noun + noun (public information agent; commercial sex worker)*, *noun + noun + noun (Member of the Unification Church)*; *verb + noun (bite the dust)*; в рамках российского политического медиадискурса: *прил + сущ (социальная незащищенность, чрезвычайная комиссия)*, *сущ + сущ + сущ (инженер по укладке грузов)*, *сущ + прил + сущ (люди старшего возраста, лицо с ограниченными возможностями)*, *глагол + (прил) + сущ (бряцать оружием, вводить в расход, вести нетрезвую жизнь)*. Следовательно, универсальным для двух дискурсов является использование таких моделей, как сочетания имени прилагательного и существительного, словосочетания, состоящие из трех имен существительных, и глагольное словосочетание, где главная роль отводится глаголу, управляющему именем существительным. Однако в американском политическом медиадискурсе также есть такие продуктивные модели как *сущ + сущ*, *нар + прил*, *прил + сущ + сущ*.

В ходе анализа продуктивных способов словообразования эвфемизмов в американском политическом медиадискурсе мы выделили следующие способы: словосложение, аффиксация (пре- и суффиксация), словослияние, аббревиация. По результатам анализа словообразования эвфемизмов в российском политическом медиадискурсе, наиболее продуктивными оказались следующие морфологические способы: словосложение, аффиксация (пре- и суффиксация), аббревиация. Таким образом, в американском политическом медиадискурсе нами были установлены четыре основных продуктивных способа образования эвфемизмов, в то время как в российском политическом медиадискурсе их было выделено всего три. Универсальными среди них являются аффиксация, аббревиатуры и словосложение. Также, в американском политическом дискурсе продуктивным способом образования эвфемизмов является словослияние.

Нами было выявлено, что в речи представителей власти наиболее популярными и распространенными тематическими группами эвфемизмов является проблемы, связанные с террором и военными действиями, проблемы дискриминации в различных ее проявлениях, а также проблемы, характеризующие временные волнения, катаклизмы, происходящие в обществе. Однако подгруппы в выделенных нами тематических группах не всегда универсальны в сравниваемых дискурсах. Так, например, если говорить о дискриминации, наиболее распространёнными эвфемизмами этой группы в американском политическом медиадискурсе являются эвфемизмы, относящиеся к дискриминации по половому признаку, в то время как в российском политическом медиадискурсе доминирует проблема дискриминации по расовому / этническому и религиозному признаку. Также эвфемизмы, описывающие проблему бедности, представлены в большей степени в речи российских политиков, а не в речи американских политиков. Еще одним важным отличием американского и российского политического медиадискурса является количество используемых эвфемизмов в речи. Американские политики чаще используют эвфемизмы в своей речи. Это можно объяснить тем, что стремление к политической корректности

началось в США раньше, чем в России, поэтому для американских политиков использование эвфемизмов в своей речи с целью достижения успешной коммуникации давно является нормой.

Основные функции, которые выполняют эти группы эвфемизмов, это избегание коммуникативных конфликтов и сохранение «лица»; вуалирование существа дела. Можно проследить универсальность функций эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе. Распространенность той или иной функции политкорректной лексики зависит от распространенности той или иной сферы эвфемизации. Так, функция вуалирования, камуфляжа существа дела является доминирующей как в американском, так и российском политическом медиадискурсе. Функция избегания конфликта также распространена в американском и российском политическом медиадискурсе, так как характерна для многих тем эвфемизмов (различного рода дискриминации, бедность, умственные и психические недостатки людей, возраст, особенности внешности и т.д.).

Хеджи, являясь митигативным средством, делают коммуникацию вежливой и успешной. Мы определяем хеджи как разновидность функциональных эвфемизмов, целью которых является ослабление иллокутивной силы высказывания, смягчение пропозиции в целом или ее отдельных частей, что способствует избеганию коммуникативных конфликтов и сохранению «лица» или вуалированию определенных фактов действительности. Существует несколько классификаций хеджей в лингвистике, однако в нашей работе мы опираемся на классификацию Э. Принс, потому что она полно отражает прагматические особенности использования хеджирования в политическом медиадискурсе. Универсальным для американского и российского политического медиадискурса является то, что наиболее распространенными хеджами выступают хеджи-аппроксиматоры, выраженные модальными глаголами, модальными словами, аппроксиматорами времени, степени, количества и частотности в английском языке и модальными частицами, модальными словами, конструкциями мочь +

инфинитив, конструкциями можно/возможно + инфинитив в русском языке. Однако в американском политическом медиадискурсе модальные глаголы в роли хеджей (36%) встречаются чаще, чем в российском политическом медиадискурсе (17%). В российском политическом дискурсе модальные слова (25%) занимают лидирующее место, в то время как в американском политическом медиадискурсе они встречаются реже (23%).

Хеджи-преграды также встречаются в сопоставляемых нами дискурсах, но в меньшем количестве. Они представлены в основном эпистемическими глаголами, условными придаточными предложениями, безличными конструкциями в английском языке и эпистемическими глаголами, конструкциями с возвратными глаголами (казаться, предоставляться, считаться, отмечаться и т.д.), вводными конструкциями (на наш взгляд, с нашей точки зрения, по-нашему убеждению) в русском языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политический медиадискурс – это комплексное явление. Его изучение позволяет понять принципы функционирования политической коммуникации в средствах массовой информации. В современной лингвистике все чаще проводятся исследования политического медиадискурса в русле коммуникативно-прагматического подхода. Данная тенденция обусловила наш интерес к рассмотрению коммуникативно-прагматических особенностей эвфемизмов в американском и российском политическом медиадискурсе.

Тенденция эвфемизации речи является актуальным явлением в последние десятилетия, так как эвфемизмы могут быть выражены как словами, так и выражениями, используемыми для замены любых нежелательных или недозволенных слов или выражений приемлемыми и более вежливыми на данном историческом этапе и в данном обществе, целью которых является смягчение денотата, что способствует избеганию коммуникативных конфликтов и сохранению «лица» или вуалированию определенных фактов действительности. Именно эвфемизмы сглаживают речь, делая коммуникацию успешной.

Существует ряд классификаций эвфемизмов, среди которых были отмечены тематическая, уровневая, лексико-семантическая, мотивационная, классификация, основанная на порождающих мотивах, и морфологическая классификация эвфемизмов. В нашем исследовании мы в основном опирались на тематическую классификацию. С помощью этой классификации можно определить, какие темы актуальны для общества в определенный период.

Нами были выделены такие тематические группы эвфемизмов, как эвфемизмы, связанные с военными действиями и террором; эвфемизмы, смягчающие дискриминацию в различных ее проявлениях; эвфемизмы, характеризующие временные волнения, катаклизмы, происходящие в обществе; эвфемизмы, камуфлирующие негативные явления в социальной сфере;

эвфемизмы, описывающие умственное и физическое состояние здоровья человека; эвфемизмы, описывающие внешний вид и возраст человека.

Универсальными и наиболее частотными в американском и российском политическом медиадискурсе оказались эвфемизмы, связанные с террором и военными действиями, а также эвфемизмы, смягчающие дискриминацию в ее различных проявлениях. Это можно объяснить тем, что проблемы терроризма и дискриминации остаются актуальными. Однако в американском политическом медиадискурсе половая дискриминация является лидирующей в своей подгруппе, в то время как в российском политическом медиадискурсе доминирует дискриминация по расовому / этническому и религиозному признаку.

Проанализировав тематические группы эвфемизмов, можно разделить все эвфемизмы на две основные группы:

- эвфемизмы, затрагивающие интересы личности как представителя той или иной группы / общества (эвфемизмы, смягчающие дискриминацию в ее различных проявлениях; эвфемизмы, указывающие на социальный статус человека и престиж его профессии; а также политкорректная лексика, описывающая умственное и физическое состояние здоровья человека, его внешний вид и возраст);

- эвфемизмы, затрагивающие негативные явления действительности (эвфемизмы, связанные с военными действиями и террором; эвфемистические единицы, характеризующие временные волнения, катаклизмы, происходящие в обществе, и социальные пороки, которые характеризуют социум).

Таким образом, функция избегания коммуникативных конфликтов и сохранения «лица» будет характерна для эвфемизмов, затрагивающих интересы личности, в то время как функция вуалирования или камуфляжа существа дела будет относиться к эвфемизмам, описывающих негативные явления действительности.

В целом, как для российского, так и для американского политического медиадискурса характерен политкорректный стиль общения, так как

универсальной установкой любого политика в процессе общения является уменьшение возможных коммуникативных рисков. Национальная специфика проявляется в степени использования различных тем и, следовательно, функций эвфемизмов. В американском политическом медиадискурсе эвфемизмы более частотное явление в силу того, что название политкорректности зародилось именно в США, в то время как в Россию оно пришло только лишь к концу XX века.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что для политика как участника коммуникации, провоцирующей конфликтные ситуации, релевантной установкой является некатегоричность. Данная установка достигается хеджированием, которое определяется нами как прагматическая стратегия, выполняющая защитно-эвфемистическую функцию высказывания за счет представления предметов и явлений нечеткими и неоднозначными. Средствами выражения хеджирования являются хеджи, которые мы рассматриваем как разновидность функциональных эвфемизмов, целью которых является ослабление иллокутивной силы высказывания, смягчение пропозиции в целом или ее отдельных частей, что способствует избеганию коммуникативных конфликтов и сохранению «лица» или вуалированию определенных фактов действительности. Хеджи, как и функциональные эвфемизмы, не закреплены в словаре эвфемизмов, а зависят от контекста, в котором они используются. Эвфемистическая функция хеджирования реализуется с помощью таких хеджей, как модальные глаголы, модальные слова, аппроксиматоры времени, степени, количества и частотности, эпистемические глаголы, условные придаточные предложения, пассивно-безличные конструкции в английском языке и модальные частицы, модальные слова, конструкции мочь + инфинитив, конструкции можно/возможно + инфинитив, эпистемические глаголы, конструкции с возвратными глаголами, вводные конструкции в русском языке.

Универсальным для американского и российского политического медиадискурса является то, что все хеджи, выделенные нами в исследовании, присутствуют как в американском, так и российском политическом медиадискурсе.

Национальная специфика проявляется в том, что наиболее распространенными хеджами в американском политическом медиадискурсе выступают модальные глаголы, а в российском политическом медиадискурсе – модальные слова, выраженные именем существительным, прилагательным или наречием.

В сопоставляемых нами дискурсах наиболее частотными являются хеджи-аппроксиматоры, представленные модальными глаголами и модальными словами. Хеджи-преграды также встречаются в американском и российском политическом медиадискурсе, но их количество меньше по сравнению с хеджами-аппроксиматорами.

Эвфемизация и хеджирование являются явлениями, которые наиболее ярко характеризуют американский политический дискурс. Однако российские политики также стремятся быть вежливыми в своей речи, так как правильно построенная, корректная и вежливая речь – это мощное оружие в руках политика. Возникает необходимость обучать использованию эвфемизмов и хеджей в речи, потому что с их помощью можно выстроить успешный диалог между политическим деятелем и массовой аудиторией.

Знания и навыки, связанные с правильным, уместным, адекватным ситуации употреблением единиц, смягчающих коммуникацию, составляют важную часть коммуникативной компетенции.

Перспективой данного исследования может быть детальное исследование эвфемизмов российского и американского политического медиадискурса в диахроническом аспекте. Таким образом можно проследить частоту использования эвфемизмов и сферы эвфемизации, актуальные для разных временных периодов. Перспективным также является сопоставительное изучение эвфемизации и обратного ему процесса, дисфемизации, направленного на усиление категоричности высказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакова, Т.Н. Парадигматические отношения и семантико-прагматические особенности эвфемизмов и дисфемизмов современного английского языка : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Татьяна Николаевна Абакова. – Саратов, 2007. – 22 с.
2. Акбаров, А.А. Табу и эвфемизмы в таджикском языке : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Акбар Аслонович Акбаров. – Худжанд, 2011. – 27 с.
3. Алексикова, Ю.В. Когнитивные основы формирования эвфемизмов в современном английском языке : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Юлия Владимировна Алексикова. – Тамбов, 2010. – 23 с.
4. Алтунян, А.Г. Анализ политических текстов / А.Г. Алтунян. – М. : Логос, 2014. – 384 с.
5. Алтунян, А.Г. Власть и общество. Спор литератора и министра: опыт анализа политического текста / А.Г. Алтунян. – М. : Литература, 1996. – 452 с.
6. Арапова, Н.С. Эвфемизмы / Н.С. Арапова. – М. : Русский язык, 1990. – 271 с.
7. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка / И.В. Арнольд. – М. : Высш. шк., 1986. – 174 с.
8. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка / И.В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 374 с.
9. Арсентьева, Ю.С. Оценочный компонент значения фразеологизмов-эвфемизмов английского и русского языков / Ю.С. Арсентьева // Филология и культура. – 2017. – № 1 (47). – С. 6-11.
10. Арсентьева, Ю.С. Фразеологизмы-эвфемизмы в английском и русском языках : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Юлия Святославовна Арсентьева. – Казань, 2012. – 23 с.

11. Артющкина, Л.В. Семантический аспект эвфемистической лексики в современном английском языке : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Людмила Владимировна Артющкина. – М., 2001. – 23 с.
12. Арутюнова, Н.Д. Аномалии и язык / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3-19.
13. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова. – М. : Совет, 1990. – 312 с.
14. Арутюнова, Н.Д. Из наблюдений над адресацией дискурса / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: адресация дискурса : сб. ст. / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2012. – С. 5-16.
15. Бакумова, Е.В. Ролевая структура политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Елена Владимировна Бакумова. – Волгоград, 2002. – 200 с.
16. Бандура, А. Социально-когнитивная теория личности / А. Бандура. – М. : Психология, 1973. – 58 с.
17. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А.Н. Баранов. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 592 с.
18. Баранов, А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. – М. : Знание, 1991. – 64 с.
19. Баскова, Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Юлия Сергеевна Баскова. – Краснодар, 2006. – 23 с.
20. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 444 с.
21. Белл, Р.Т. Социолингвистика : цели, методы, проблемы : пер. с англ. / Р.Т. Белл ; предисл. А.Д. Швейцера. – М. : Международные отношения, 1980. – 318 с.
22. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; пер. с фр. Ю.Н. Караулова и др. ; общ. ред. Ю.С. Степанова. – Изд. 4-е. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 446 с.

23. Бердова, Н.М. Эвфемизмы в современном немецком языке : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Неля Михайловна Бердова. – Киев, 1981. – 21 с.
24. Бирюкова, И. А. Семантика эвфемизма в диахронном аспекте (на материале английского языка): диссертация ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Ирина Александровна Бирюкова. – М., 2016 – 26 с.
25. Бойко, Т.В. Эвфемия и дисфемия в газетном тексте : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Татьяна Владимировна Бойко. – Санкт-Петербург, 2005. – 20 с.
26. Бондарко, А.В. Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. – Ленинград : Наука, 1978. – 177 с.
27. Борисова, Е.Г. Особенности типов политического дискурса в России / Е.Г. Борисова // Политический дискурс в России : материалы рабочего совещания. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – С. 17-18.
28. Ботороева, Ю.С. Лингвосемиотические аспекты эволюции эвфемизма в контексте времени культуры : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Юлия Сергеевна Ботороева. – Иркутск, 2010. – 21 с.
29. Будагов, Р.А. Введение в науку о языке / Р.А. Будагов. – 3-е изд. – М. : Добросвет-2000, 2003. – 543 с.
30. Будагов, Р.А. Язык и речь в кругозоре человека / Р.А. Будагов. – М. : Добросвет-2000, 2000. – 261 с.
31. Будаев, Э.В. Зарубежная политическая лингвистика / А.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006. – 252 с.
32. Бушуева, Т.С. Прагматический аспект эвфемизмов и дисфемизмов в современном английском языке : автореферат дис. ... канд. фил. наук: : 10.02.04 / Татьяна Сергеевна Бушуева. – Смоленск, 2005. – 20 с.
33. Бюлер, К. Теория языка: репрезентативная функция языка / Карл Бюлер ; общ. ред. и коммент. Т.В. Былыгиной. – М. : Прогресс : Универс, 1993. – 501 с.

34. Вавилов, М. Г. Так говорят по-английски / М. Г. Вавилов. – М. : Изд-во МГИМО, 1996. – 152 с.
35. Ванюшина, Н.А. Семантическая и прагматическая характеристики эвфемизмов в современных немецких и российских печатных СМИ : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Наталья Анатольевна Ванюшина. – Волгоград, 2011. – 23 с.
36. Веттер, Е., Водак, Р., Мейер, М., Тичер, С. Методы анализа текста и дискурса : пер. с англ. / сост. А. А. Киселева / Е. Веттер, Р. Водак, М. Мейер, С. Тичер. – Харьков : Гуманитарный Центр, 2009. – 356 с.
37. Видлак, С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля / С. Видлак. – М. : Флинта, 1967. – С. 267-285.
38. Вильданова, Г.А. Эвфемия и принцип вежливости в современном английском языке: гендерный аспект / Г.А. Вильданова. – Москва-Берлин : DirectMEDIA, 2015. – 152 с.
39. Власян, Г.Р. Вежливость в мультикультурном обществе: камни преткновения / Г.Р. Власян, И.В. Кожухова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 2-2 (56). – С. 69-72.
40. Власян, Г.Р. Различные подходы к определению дискурсивных маркеров / Г.Р. Власян // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. – 2017. – № 4. – С. 46-50.
41. Власян, Г.Р. Реализация стратегий позитивной вежливости в разговорном диалоге / Г.Р. Власян // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2015. – № 27 (382). – Вып. 98. – С. 50-54.
42. Власян, Г.Р. Хеджирование как способ гармонизации общения в процессе социального взаимодействия / Г.Р. Власян // Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы. – Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2019. – С. 74-77.
43. Гаджиев, К.С. Введение в политическую науку : учебник для вузов / К.С. Гаджиев. – М. : Логос, 1997. – 544 с.

44. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М. : Высш. шк., 1981. – 423 с.
45. Гальперин, И.Р. Стилистика английского языка / И.Р. Гальперин. – М. : Высш. шк., 1981. – 295 с.
46. Глиос, Е.С. Лингвокультурная специфика формирования и функционирования эвфемизмов в современном английском языке : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Елена Степановна Глиос. – Белгород, 2007. – 22 с.
47. Голованова, Е.И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий / Е.И. Голованова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 1. – С. 32-35.
48. Горбачевский, А.А. Теория языка: вводный курс / А.А. Горбачевский. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 280 с.
49. Грайс, П. Логика и речевое общение / П. Грайс. – М. : Прогресс, 1985. – 223 с.
50. Граудина, Л.К. Эвфемизмы – дисфемизмы: парламентские и непарламентские выражения / Л.К. Граудина // Культура парламентской речи / С.И. Виноградов и др. – М. : Наука, 1994. – 86 с.
51. Грачев, М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития : монография / М.Н. Грачев. – М. : Прометей, 2004. – 328 с.
52. Гречихин, М.В. Современный русский медиадискурс : язык интолерантности : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Максим Васильевич Гречихин. – Белгород, 2008. – 22 с.
53. Грибовод, Е.Г. Медиатизация политики как институционально-коммуникативный процесс и информационно-стратегический ресурс : дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Екатерина Григорьевна Грибовод. – Екатеринбург, 2017. – 189 с.

54. Гронская, Н.Э. Язык и политика: коммуникация, дискурс, манипулирование / Н.Э. Гронская ; под общ. ред. О. А. Колобова. – Нижний Новгород : Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. – 265 с.
55. Грушевская, Т.М. Политический газетный дискурс (лингвопрагматический аспект) : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Татьяна Михайловна Грушевская. – Краснодар, 2002. – 22 с.
56. Давлетбаева, Д.Н. Лингвокультурологические особенности эвфемизмов в СМИ (на материале русского и английского языков) / Д.Н. Давлетбаева, А.Н. Бандукова, Т.Г. Стойисавлевич // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 2. – С. 88-90.
57. Дейк, ван Т.А. Вопросы прагматики текста / Т.А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике / сост., общ. ред. Т.М. Николаевой. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. 8. Лингвистика текста. – С. 259-336.
58. Демьянков, В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В.З. Демьянков // Язык средств массовой информации : учебное пособие / под ред. М.Н. Володиной. – М. : Академический проект, 2008. – С. 374-393.
59. Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – М., 2002. – № 3. – С. 32-43.
60. Дилигенский, Г.Г. Социально-политическая психология / Г.Г. Дилигенский. – М. : Новая школа, 1996. – 351 с.
61. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь) / Т.Г. Добросклонская. – М. : Наука, 2008. – 264 с.
62. Желтухина, М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : автореферат дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Марина Ростиславовна Желтухина. – М., 2004. – 46 с.

63. Желтухина, М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография / М.Р. Желтухина. – М. : Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
64. Заботкина, В.И. Новая лексика современного английского языка / В.И. Заботкина. – М. : Высшая школа, 1989. – 124 с.
65. Заботкина, В.И. Слово и смысл / В.И. Заботкина. – М. : Изд-во Рос. гос. гуманитарного ун-та, 2012. – 428 с.
66. Зонова, Т.В. Дипломатия: модели, формы, методы : учебник для вузов / Т.В. Зонова. – М. : Аспект Пресс, 2013. – 348 с.
67. Иванян, Е.П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке / Е.П. Иванян. – 2-е изд., стереот. – М. , 2015. – 328 с.
68. Ишменев, Е.В. Политический медиадискурс: теория и национальные модели / Е.В. Ишменев. – Екатеринбург : Издат. дом «Дискурс-Пи», 2012. – 128 с.
69. Кара-Мурза, С.Г. Манипулирование сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М. : Эксмо, 2006. – 832 с.
70. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5-20.
71. Кацев, А.М. Эвфемизмы и просторечие: семантический аспект / А.М. Кацев // Актуальные проблемы семасиологии : сб. науч. тр. / отв. ред. Э.В. Зуева и др. – С.-Пб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1991. – С. 75-81.
72. Кацев, А.М. Языковое табу и эвфемия : учебное пособие к спецкурсу / А.М. Кацев. – Ленинград : Изд-во ЛГПИ, 1988. – 80 с.
73. Кипрская, Е. В. Феномен эвфемии в политическом дискурсе / Е.В. Кипрская // Актуальные проблемы исследования языка: теория, методика, практика и обучение : межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: Е.Ю. Мягкова и др. – Курск : Из-во Курск. гос. пед. ун-та, 2003. – Ч. 2. – С. 20-21.

74. Кипрская, Е.В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ: (на примере конфликта в Ираке 2003-2004 гг.) : автореферат дис. ... канд. филол. наук.: 10. 02.19 / Екатерина Викторовна Кипрская. – Ижевск, 2005. – 17 с.

75. Киселева, С.А. Функционирование эвфемизмов в современном английском военно-политическом дискурсе : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Софья Александровна Киселева. – М., 2015. – 19 с.

76. Кишко, С.Н. К вопросу о плане выражения категории модерации / С.Н. Кишко // Наукові записки. Сер. Філологічні науки. – 2008. – Вип. 75. – С. 54-57.

77. Клюев, Е.В. Речевая коммуникация : учебное пособие / Е.В. Клюев. – М. : ПРИОР, 1998. – 224 с.

78. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика : учебное пособие / И.М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.

79. Ковалева, Т.А. Фразеологические эвфемизмы в современном английском языке : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Татьяна Анатольевна Ковалева. – Коломна, 2008. – 22 с.

80. Ковшова, М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов : краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / М.Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 320 с.

81. Кожемякин, Е.А. Дискурсный подход к изучению институциональной культуры / Е.А. Кожемякин. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – 244 с.

82. Колесникова, С.Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация / С.Н. Колесникова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 33. – С. 67-69.

83. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский ; отв. ред. А. М. Шахнарович. – Изд. 3-е, стер. – М. : URSS, 2005. – 120 с.

84. Кон, И.С. Введение в сексологию / И.С. Кон. Изд. 2-е, доп. – М. : Медицина, 1988. – 308 с.

85. Корчевская, М.А. Эвфемия как инструмент воздействия на аудиторию в журналистике и рекламе : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Мария Александровна Корчевская. – М., 2012. – 19 с.
86. Костина, Е.А. Комплексная характеристика эвфемизмов-соматизмов русского языка : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Екатерина Александровна Костина. – Самара, 2013. – 19 с.
87. Костомаров, В.Г. Русский язык на газетной полосе / В.Г. Костомаров. – М. : Изд-во МГУ, 1971. – 160 с.
88. Кочеткова, Т.В. Эвфемизмы в речи носителя элитарной речевой культуры / Т.В. Кочеткова // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: О.Б. Сиротинина и др. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1998. – Вып. 27. Человек и текст. – С. 168-179.
89. Краснова, Е.Е. К вопросу о классификации эвфемизмов: на материале английского и русского языков / Е.Е. Краснова // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты : материалы 4-й Всерос. науч. конф. / редкол.: А.В. Пузырев и др. – М. ; Пенза : 2004. – С. 16-17.
90. Крысин, Л.П. Русское слово, свое и чужое : исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л.П. Крысин. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 883 с.
91. Крысин, Л.П. Слово в современных текстах и словарях : очерки о русской лексике и лексикографии / Л.П. Крысин. – М. : Знак, 2008. – 320 с.
92. Крысин, Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л.П. Крысин // Русистика. – 1994. – № 1-2. – С. 28-29.
93. Крючкова, П.Г. Авторитарный дискурс (на материале современного английского языка) : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Полина Георгиевна Крючкова. – Киев, 2003. – 21 с.
94. Кузьмина, Н.А. Современный медиатекст / Н.А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.

95. Культура русской речи : учебник для вузов / Виноградов С.И. и др. ; отв. ред. Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М. : Норма : ИНФРА-М, 1998. – 549 с.
96. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста / В.А. Кухаренко. – М. : Просвещение, 1988. – 190 с.
97. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика. Введение / Дж. Лайонз ; пер. с англ.: В.В. Морозов, И.Б. Шатуновский ; под общ. ред. И.Б. Шатуновского. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 397 с.
98. Ларин, Б.А. Об эвфемизмах / Б.А. Ларин // Проблемы языкознания. – Ленинград : Русский язык, 1961. – С. 23-48 с.
99. Ларина, Т.В. Вежливость в сознании и коммуникации: межкультурный аспект / Т.В. Ларина // Актуальные проблемы коммуникации и культуры : сб. науч. тр. – Пятигорск : Изд-во Пятигорск. гос. ун-та, 2005. – С. 21-29.
100. Ларина, Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т.В. Ларина. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 507 с.
101. Лебедева, М.М. Мировая политика : учебник для студентов вузов. – 2-е изд., перераб / М.М. Лебедева. – М. : КноРус, 2013. – 254 с.
102. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль ; пер. с фр. Б.И. Шаревской. – М. : Академический проект, 2015. – 429.
103. Макаров, М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М.Л. Макаров. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 1998. – 199 с.
104. Маловицкий, Л.Я. Личные местоимения современного русского языка в коммуникативном аспекте / Л.Я. Маловицкий // Русские местоимения: семантика и грамматика / редкол.: А.Б. Пеньковский и др. – Владимир : ВГПИ, 1989. – С. 105-111.
105. Марюхин, А.П. Непрямая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков) : дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Александр Петрович Марюхин. – М., 2010. – 24 с.

106. Масленникова, А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов / А.А. Масленникова. – С.-Пб. : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1999. – 260 с.
107. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова – 3-е изд., испр. – М. : Академия, 2007. – 202 с.
108. Маслова, В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В.А. Маслова // Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинов – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2008. – Вып. 1. – С. 43-48.
109. Маслова, В.А. Современные направления в лингвистике : учебное пособие / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2008. – 264 с.
110. Методы анализа текста и дискурса : пер. с англ. / Е. Веттер и др. ; сост. А. А. Киселева. – Харьков : Гуманитарный Центр, 2009. – 356 с.
111. Мечковская, Н.Б. Язык и религия : лекции по филологии и истории религии / Н.Б. Мечковская. – М. : ФАИР, 1998, – 349 с.
112. Милоенко, Е.О. Специфика функционирования эвфемизмов в индивидуальном лексиконе : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Екатерина Олеговна Милоенко. – Курск, 2009. – 24 с.
113. Миронова, А.Ю. Политические эвфемизмы как средство реализации стратегии уклонения от истины в современном политическом дискурсе : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Анна Юрьевна Миронова. – Нижний Новгород, 2012. – 20 с.
114. Михальская, А.К. Основы риторики: мысль и слово / А.К. Михальская. – М. : Просвещение : Московские учебники, 1996. – 416 с.
115. Москвин, В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В.П. Москвин. – Изд. 2-е. – М. : ЛЕНАНД, 2007. – 260 с.
116. Москвин, В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В.П. Москвин // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. – С. 58-70.
117. Мочалкина, К.С. Неофициальные имена российских политиков / К.С. Мочалкина // Политическая коммуникация : материалы интернет-конференции (Челябинск, 21-25 дек. 2004 г.). – Челябинск, 2002. – С. 24-25.

118. Мухамедьянова, Г.Н. Эвфемия в общественно-политической лексике : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Гульшат Насибулловна Мухамедьянова. – Уфа, 2005. – 28 с.

119. Нефедова, Л.А. Роль СМИ в создании портрета языковой личности политика (на материале французской прессы) / Л.А. Нефедова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 5 (260). – С. 109-112.

120. Обвинцева О.В. Эвфемизм в политической коммуникации (На материале английского языка в сопоставлении с русским) : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ольга Владимировна Обвинцева. – Екатеринбург, 2003. – 24 с.

121. Ольшанский, Д.В. Основы политической психологии / Д.В. Ольшанский. – М. : Академический проспект, 2001. – 268 с.

122. Ольшанский, Д.В. Основы политической психологии : учебное пособие для вузов / Д.В. Ольшанский. – Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – 494 с.

123. Орлова, С.Н. Когнитивно-дискурсивный анализ эвфемизмов в заголовочных комплексах британского и австралийского национальных вариантов английского языка : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Светлана Николаевна Орлова. – М., 2012. – 24 с.

124. Панин, В.В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория : автореферат ... дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Виталий Витальевич Панин. – Тюмень, 2004. – 19 с.

125. Паршин, П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики / П.Б. Паршин // Проблемы прикладной лингвистики = Scripta linguisticae applicatae : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Васильева. – М. : Азбуковник, 2001. – С. 181-209.

126. Паршин, П.Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности / П.Б. Паршин // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. – М. : Издательство Международного института рекламы, 2000. – Разд. 1. – С. 55-73.

127. Паршина, О.Н. Российская политическая речь: теория и практика / О.Н. Паршина ; под ред. О.Б. Сиротининой. – Изд. 3-е. – М. : Либроком, 2012. – 232 с.
128. Паршина, О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : монография / О.Н. Паршина. – Астрахань : Изд-во АГТУ, 2004. – 195 с.
129. Пауль, Г. Принципы истории языка : пер. с англ. / Г. Пауль ; под ред. А.А. Холодовича. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. – 499 с.
130. Персикова, Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура / Т.Н. Персикова. – М. : Логос, 2002. – 223 с.
131. Пирожкова, И.С. Прецедентное имя как средство репрезентации гендерных стереотипов в политическом дискурсе К. Райс и К. Хакамады / И.С. Пирожкова // Политическая лингвистика. – 2017. – № 1 (61). – С. 91-97.
132. Полякова, И.С. Роль прецедентного имени в формировании эзотеричности политического текста (на материале выступлений Кондолизы Райс) / И.С. Полякова // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1 (31). – С. 126-130.
133. Полякова, Л.С. Проблема речевого воздействия в печатных англоязычных СМИ // Л.С. Полякова // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. – 2016. – Т. 2. – С. 249-252.
134. Порохницкая Л.В. Концептуальные модели в семантике эвфемизма / Л.В. Порохницкая. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. – 167 с.
135. Порохницкая, Л.В. Концептуальные основания эвфемии в языке автореферат дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19, 10.02.20 / Лидия Васильевна Порохницкая. – М., 2014. – 45 с.
136. Порохницкая, Л.В. Культурологические и когнитивные принципы эвфемии в современном английском языке : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Лидия Васильевна Порохницкая. – М., 2004. – 24 с.
137. Порохницкая, Л.В. Уровни реализации категории оппозициональности в эвфемии / Л.В. Порохницкая // Вестник Московского

государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 811. – С. 107-114.

138. Потапова, Н.М. Эвфемизмы в языке и речи : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Наталья Михайловна Потапова. – М., 2008. – 19 с.

139. Почепцов, Г.Г. Имиджелогия / Г.Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, 2000. – 768 с.

140. Почепцов, Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века / Г.Г. Почепцов. – М. : ЮНИТИ, 2000. – 145 с.

141. Почепцов, Г.Г. О коммуникативной типологии адресата / Г.Г. Почепцов // Речевые акты в лингвистике и методике : межвуз. сб. науч. тр. / Пятигорский гос. пед. ин-т ин. яз. ; отв. ред. В.В. Лазарев. – Пятигорск : Изд-во ПГПИИЯ, 1986. – С. 10-17.

142. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М. : Рефлбук, 2001. – 210 с.

143. Прудывус, А.Н. Эвфемизмы в современном немецком языке : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Анна Николаевна Прудывус. – С.-Пб., 2006. – 18 с.

144. Прядильникова, Н.В. Эвфемизмы в российских СМИ начала XXI века: комплексная характеристика : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Наталья Викторовна Прядильникова. – Самара, 2007. – 19 с.

145. Райчева, Э.А. Принципы описания литературной эвфемии : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Элизабет Александровна Райчева. – Волгоград, 2011. – 24 с.

146. Рождественский, Ю.В. Общая филология / Ю.В. Рождественский. – М. : Новое тысячелетие, 1996. – 326 с.

147. Рождественский, Ю.В. Теория риторики / Ю.В. Рождественский. – М. : Новое тысячелетие, 1997. – 199 с.

148. Руберт, И.Б. Текст и дискурс: к определению понятий / И.Б. Руберт. – С.-Пб. : Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. – 38 с.

149. Русакова, О.Ф. Концепты, категории и понятия политической коммуникативистики / О.Ф. Русакова // Политическая коммуникативистика : теория, методология и практика. – М., 2012. – С. 90-131.

150. Русакова, О.Ф. Медиадискурс как концепт дисциплины «политическая коммуникативистика» / О.Ф. Русакова // Науч. Ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – Вып. 20. – № 27. – С. 150-160.

151. Русакова, О.Ф., Грибовод, Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики / О.Ф. Русакова, Е.Г. Грибовод // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. науки. – 2014. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 65-77.

152. Русакова, О.Ф., Ковалева, Д.М. «Мягкая сила» и «умная власть»: концептуальный анализ / О.Ф. Русакова, Д.М. Ковалева // Социум и власть. – 2013. – № 3. – С. 15-19.

153. Русский язык и культура речи : учебное пособие для студентов сред. проф. образования / под ред. В.И. Максимовой. – М. : Гардарики, 2001. – 411 с.

154. Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / В.Л. Воронцова и др. ; отв. ред.: Е.А. Земская. – 2-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 473 с.

155. Рябова, Т.Б. Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России / Т.Б. Рябова // Личность. Культура. Общество. – 2006. – Т. VIII, вып. 4 (32). – С. 307-320.

156. Саакян, Л.Н. «Принудительная» эвфемизация / Л.Н. Саакян // Историческое образование. – 2014. – № 1. – С. 149-154.

157. Саакян, Л.Н. Новые медиа: язык СМИ и социальных сетей / Л.Н. Саакян // Русский язык за рубежом. – 2016. – № 4 (257). – С. 93-99.

158. Саакян, Л.Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Левон Николаевич Саакян. – М., 2010. – 23 с.

159. Самотик, Л.Г. Лексика современного русского языка : учебное пособие / Л.Г. Самотик. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2012. – 510 с.
160. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
161. Сеничкина, Е.П. Прономинация эвфемизмов деликатной темы / Е.П. Сеничкина // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2009. – № 3. – С. 48-53.
162. Сеничкина, Е.П. Эвфемизмы русского языка / Е.П. Сеничкина. – М. : Высш. шк., 2006. – 278 с.
163. Сеничкина, Е.П. Эвфемия как система языковых предпочтений носителей русского языка / Е.П. Сеничкина // Педагогическое образование и наука. – 2007. – № 4. – С. 13-14.
164. Сидельникова, Е.А. Коммуникативно-прагматическая специфика эвфемизации и дисфемизации в газетно-публицистическом экономическом дискурсе : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Екатерина Алексеевна Сидельникова. – Майкоп, 2013. – 23 с.
165. Синельникова, Л.Н. Политическая лингвистика: координаты междисциплинарности / Л.Н. Синельникова // Политическая лингвистика. – 2009. – № 30. – С. 41-47.
166. Солганик, Г.Я. Стилистика текста / Г.Я. Солганик. – М. : Флинта, 1997. – 351 с.
167. Солопова, О.А. Будущее как категория политического дискурса / О.А. Солопова // Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст материалы международной научной конференции. Тяньцзиньский университет иностранных языков. – Челябинск, 2017. – С. 195-198.
168. Солопова, О.А. Метафора в моделировании будущего: «светлый» сценарий (на материале прогностических текстов о России отечественного, американского и британского политических дискурсов XXI в.) / О.А. Солопова //

Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск, 2017. – № 46. – С. 55-70.

169. Стернин, И.А. Американское коммуникативное поведение / И.А. Стернин, М.А. Стернина. – Воронеж : ВГУ-МИОН, 2001. – 108 с.

170. Стернин, И.А. Основы речевого воздействия / И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2012. – 178 с.

171. Тахтарова, С.С. Категория коммуникативного смягчения : когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты : автореф. дисс. ... д-ра филол. : 10.02.19 – Теория языка / Светлана Салаватовна Тахтарова. – Волгоград, 2010. – 40 с.

172. Тахтарова, С.С. Категория коммуникативного смягчения : когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 – Теория языка / Светлана Салаватовна Тахтарова. – Волгоград, 2010. – 432 с.

173. Тахтарова, С.С. Функциональная прагматика средств выражения «смягчения» / С.С. Тахтарова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – N 2. – С. 284-289.

174. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 624 с.

175. Тихонова, С.А. Политическая лингвистика : учебное пособие / С.А. Тихонова. – Омск : ОмскГУ, 2012. – 132 с.

176. Тураева, З.Я. Лингвистика текста / З.Я. Тураева. – М. : Просвещение, 1986. – 127 с.

177. Уварова, Е.А. Системная семантика английского эвфемизма : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Елена Александровна Уварова. – Тула, 2012. – 29 с.

178. Файн, А. Всё в кайф! : пер. с англ. / А. Файн, В. Лурье ; сост. А.И. Морозов. – Санкт-Петербург : Наука, 1992. – 178 с.

179. Филинский, А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999 – 2000 гг. / А.А. Филинский. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2002. – 164 с.
180. Филинский, А.А. Стратегии манипуляции в политическом дискурсе / А.А. Филинский // Языковые подсистемы: стабильность и динамика : сб. науч. тр. / редкол.: Н.Л. Галеева и др. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2002. – С. 200-207.
181. Филиппов, К.А. Лингвистика текста: курс лекций / К.А. Филиппов. – С.-Пб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2003. – 336 с.
182. Формановская, Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н.И. Формановская. – М. : Икар, 1998. – 292 с.
183. Фрейденберг, О.М. Античные теории языка и стиля. Антология текстов / О.М. Фрейденберг. – С.-Пб. : Алетейя, 1996. – 367 с.
184. Харитонова, В.Ю. Эвфемистическая репрезентация концептов в англоязычной речевой культуре : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Виктория Юрьевна Харитонова. – Саратов, 2008. – 22 с.
185. Цыдендамбаева, О.С. Эвфемистическая картина мира: концептосфера «человек» : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Оюна Сергеевна Цыдендамбаева. – Улан-Удэ, 2011. – 20 с.
186. Черепанова, И.Ю. Лингвистические игры политиков / И.Ю. Черепанова // Человек играющий / Homo Ludens: язык, личность, социум : межвуз. сб. науч. тр. – М. ; Тверь, 1999. – С. 25-30.
187. Черных, А.И. Реальность «четвертой власти» / А.И. Черных // Социологический журнал. – 2008. – № 1. – С. 100-125.
188. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В.Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 136 с.
189. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В.Е. Чернявская. – М. : Либроком, 2009. – 248 с.

190. Чжан, Ч. Эвфемизация в русском и китайском языках : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Чань Чжан. – Волгоград, 2013. – 22 с.
191. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – М. : Логос, 2007. – 325 с.
192. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 254 с.
193. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика. Общие проблемы, метафора / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003. – 274 с.
194. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. – 238 с.
195. Шаклеина, Т.А. Россия и США в мировой политике / Т.А. Шаклеина. – М. : Аспект Пресс, 2012. – 272 с.
196. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – С.-Пб. : Специальная литература, 1996. – 192 с.
197. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – М. : URSS, 2008. – 204 с.
198. Швейцер, А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США / А.Д. Швейцер. – М. : Наука, 1983. – 215 с.
199. Шейгал, Е.И. Политический скандал как нарратив / Е.И. Шейгал // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. / редкол. : В.И. Карасик и др. – Волгоград ; Саратов : Перемена, 1998. – С. 55-68.
200. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Волгоград : Перемена, 2000. – 431 с.
201. Шейгал, Е.И. Семиотическое пространство политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. : Диалог-МГУ, 1999. – 245 с.

202. Шейгал, Е.И. Язык и власть / Е.И. Шейгал // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сб. науч. тр. / редкол.: В.И. Карасик и др. – Волгоград : Перемена, 1999. – С. 132-149 с.
203. Шлесинджер, А.М. Циклы американской истории / А.М. Шлесинджер. – М. : Прогресс, 1992. – 385 с.
204. Шмелев, А.Н. Общая характеристика парламентской речи и ее особенностей / А.Н. Шмелев // Культура парламентской речи / С. И. Виноградов и др. – М. : Наука, 1994. – 299 с.
205. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1977. – 335 с.
206. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Высш. шк., 1990. – С. 590 с.
207. Эпштейн, М.Н. Идеология и язык. Вопросы языкознания / М.Н. Эпштейн. – М. : Наука, 1991. – 367 с.
208. Южакова, Ю.В. Прагматический аспект заголовков англоязычных медиатекстов / Ю.В. Южакова, Л.С. Полякова, Е.В. Суворова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 1 (26). – С. 181-184.
209. Южакова, Ю.В. Этнические стереотипы в английском политическом дискурсе / Ю.В. Южакова, Л.С. Полякова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 7-1 (85). – С. 199-202.
210. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. – М. : Прогресс, 1975. – С. 193-230.
211. Якобсон, Р.О. Избранные работы / Р.О. Якобсон. – М. : Прогресс, 1985. – 460 с.
212. Allan, K. Euphemism and Dysphemisms Language: used as shield and weapon / K. Allan, K. Burrige. – New York : Oxford University Press, 1991. – 263 p.
213. Allan, K. Linguistic meaning / K. Allan. – London ; New York : Routledge & Kegan Paul, 1986. – Vol. 1. – 452 p.

214. Allan, K. *Linguistic meaning* / K. Allan. – London ; New York : Routledge & Kegan Paul, 1986. – Vol. 2. – 348 p.
215. Allen, I.L. *The City in Slang* / I.L. Allen. – New York : Oxford University Press, 1993. – 307 p.
216. Badaloni, N. *Politica, persuasione, decisione* / N. Badaloni // *Linguaggio, persuasione, verita.* – Padova, 1984. – P. 3-18.
217. Bandura, A. *Aggression: A social learning analysis* / A. Bandura. – New Jersey : Prentice-Hall, 1973. – 390 p.
218. Bell, V. *Negotiation in the workplace: The view from a political linguist* / V. Bell // *The discourse of negotiation: Studies of language in the workplace* / ed. A. Firth. – Oxford, 1995. – P. 41-58.
219. Boncea, I.J. *Hedging Patterns Used as Mitigation and Politeness Strategies* / I.J. Boncea // *Annals of the University of Craiova. Series Philology, English. Year XIV.* – 2013. – № 2. – P. 7-23.
220. Brown, P. *Politeness: Some universals in language usage* / P. Brown, S.C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
221. Caffi, C. *Mitigation* / C. Caffi. – Amsterdam : Elsevier, 2007. – 342 p.
222. Carter, R. *Cambridge grammar of English: A comprehensive guide* / R. Carter, M. McCarthy. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 973 p.
223. Channel, J. *Vague Language* / J. Channel. – Oxford : Oxford University Press, 1994. – 226 p.
224. Chilton, P. *Political Terminology* / P. Chilton // *Handbook of Communication in the Public Sphere* / ed. R. Wodak, V. Koller. – Berlin, 2008. – P. 226-242.
225. Chilton, P.A. *Discourse and politics* / P.A. Chilton, C. Schaeffner // *Discourse Studies: A multidisciplinary introduction.* [2 vol.]. Vol. 2. *Discourse as Social Interaction.* – London, 1997. – P. 206-230.
226. Chomsky, N. *Linguistics and Cognitive Science: Problems and mysteries* / N. Chomsky // *The Chomskyan Turn* / [ed. by A. Kasher]. – Oxford, 1991. – P. 26-53.

227. Clemen, G. The Concept of Hedging: Origins, Approaches and Definitions / G. Clemen // In Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts / ed. Raija Markkanen, Hartmut Schroder. – Berlin ; New York, 1997. – P. 235-248.

228. Cole, P. Radical Pragmatics / P. Cole. – New York : Academic Press, 1981. – 358 p.

229. Crespo-Fernández, E. El eufemismo y el disfemismo: procesos de manipulación del tabú en el lenguaje literario inglés / E Crespo // Revista Española de Lingüística Aplicada. – 2007. – T. 20. – P. 231-234.

230. Crespo-Fernández, E. Euphemistic metaphors in English and Spanish epitaphs. A comparative study / E Crespo // Atlantis. Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies. – 2013. – №35 (2). – P. 99-118.

231. Crespo-Fernández, E. Euphemistic strategies in politeness and face concerns / E Crespo // Pragmalingüística. – 2005. – № 13. – P. 77-86.

232. Crowley, T. Proper English? Readings in Language, History and Cultural Identity / T. Crowley. – London : Routledge, 1991. – 272 p.

233. Crystal, D. English as a Global Language / D. Crystal. – New York : Cambridge University Press. – 1997. – 229 p.

234. Crystal, D. On Keeping One's Hedges in Order / D. Crystal // English Today. – 1988. – Vol. IV, № 3 (15) – P. 46-47

235. Danet, B. Language in the Legal Process / B. Danet // Law and Society Review. – 1980. – Vol. 14, № 3. – P. 445-564.

236. Drave, N. Vaguely Speaking: a Corpus Approach to Vague Language in Intercultural Conversations / N. Drave // Language and Computers, New Frontiers of Corpus Research. – Amsterdam ; New York, 2002. – P. 25-40.

237. Fairclough, N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. – Cambridge : Polity Press. – 1992. – 251 p.

238. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. – London : Longman, 1989. – 259 p.

239. Fraser, B. Conversational mitigation / B. Fraser // *Journal of Pragmatics*. – 1980. – Vol. 4. – P. 341-350.
240. Fraser, B. Hedged Performatives / B. Fraser // *Syntax and Semantics*. Vol. 3. *Speech Acts* / ed. P. Cole, J. L. Morgan. – New York ; San Francisco ; London, 1975. – P. 187-210.
241. Fraser, B. Hedging in Political Discourse : the 2007 Bush press conference / B. Fraser // *Perspectives in Politics and Discourse* / U. Okulska, P. Cap. – Amsterdam, 2010. – P. 201-214.
242. Galperin, I.R. *Stylistics* / I.R. Galperin. – М. : Высшая школа, 1981. – 332 с.
243. Grice, H.P. *Logic and Conversation* / H.P. Grice // *Syntax and Semantics*. Vol. 3. *Speech Acts* / eds. P. Cole, J. Morgan. – New York ; San Francisco ; London, 1975. – P. 41-58.
244. *Handbook of Discourse Analysis* / edited by T.A. van Dijk. – London ; Orlando : Academic Press, 1985 – 228 p.
245. Hübler, A. *Understatements and Hedges in English* / A. Hübler. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1983. – 192 p.
246. Hughes, S.E. *Social: History of Foul Language, Oaths and Profanity in English* / S.E. Hughes. – Oxford ; Cambridge (USA) : Basil Blackwell, 1992. – 296 p.
247. Hyland, K. Hedging in Academic Writing and EAF Textbooks / K. Hyland // *English for Scientific Purposes*. – 1994. – Vol. 13, Issue 3. – P. 239-256.
248. Hyland, K. Writing Without Conviction? Hedging in Science Research Articles / K. Hyland // *Applied Linguistics*. – 1996. – Vol. 17, Issue 4. – P. 433-454.
249. Jespersen, O. *A Modern English Grammar : on historical principles*. Vol. 4. Part 5. *Syntax* / O. Jespersen. – London : Longman, 1946. – 528 p.
250. Jespersen, O. *Essentials of English Grammar* / O. Jespersen. – Alabama : University of Alabama Press, 1964. – 392 p.
251. Kasper, G. Linguistic Politeness: Current Research Issues / G. Kasper // *Journal of Pragmatics*. – 1990. – № 14 (2). – P. 193-218.

252. Kasper, J. *Interlanguage Pragmatics* / J. Kasper, S. Blum-Kulka. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – 213 p.
253. Keyes, R. *Euphemania: Our Love Affair with Euphemisms* / R. Keyes. – New York : Little, Brown and Company, 2010. – 256 p.
254. Lakoff, G. *Hedges: A Study In Meaning Criteria And The Logic Of Fuzzy Concepts* / G. Lakoff // *Journal of Philosophical Logic*. – 1973. – №2 (4). – P. 458-508.
255. Langacker, R.W. *A View On Linguistic Semantics* / R.W. Langacker // *Topics in Cognitive Linguistics* / ed. B. Rudzka Ostry. – Amsterdam ; Philadelphia, 1988. – P. 49-90.
256. Lawrence, J. *Unmentionables and other euphemisms* / J. Lawrence. London : Gentry books, 1973. – 84 p.
257. Leech, G.N. *Semantics* / G.N. Leech. – London : Penguin, 1974. – 386 p.
258. Levinson, S.C. *Pragmatics* / S.C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 420 p.
259. Lyons, J. *Semantics* / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – Vol. 1. – 371 p.
260. Lyons, J. *Semantics* / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – Vol. 2. – 526 p.
261. Meier, A.J. *Passages in Politeness* / A.J. Meier // *Journal of Pragmatics*. – 1995. – № 4. – P. 381-392.
262. Namsaraev, V. *Hedging in Russian Academic Writing in Sociological Texts* / V Namsaraev // *Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts* / ed. R. Markkanen, H Schroder. – Berlin ; New York, 1997. – P. 64-79.
263. Prince, E. *On Hedging in physician-physician discourse* / E. Prince, J. Frader, C. Bosk // *Linguistics and the Professions* / ed. J. di Prieto. – Norwood, 1982. – P. 83-97.
264. Sabet, P.G. *Pragmatic Functions of Vague Language* / P. Sabet, G. Zhang. – London : Palgrave Macmillan, 2015. – 212 p.

265. Salager-Meyer, F. Hedges and Textual Communicative Function in Medical English Written Discourse / F. Salager-Meyer // *English for Specific Purposes*. – 1994. – Vol. 13(2). – P. 149-171.
266. Samoskaite, L. 21st century political euphemisms in English newspapers: semantic and structural study / L. Samoskaite. – Vilnius, 2011. – 57 p.
267. Schaffner, C. Editorial: Political Speeches and Discourse Analysis / C. Schaffner // *Current Issues in Language & Society*. – 1996. – Vol. 3. – P. 201-204.
268. Sorning, K. Lexical Innovation: A Study of Slang, Colloquialisms and Casual Speech / K. Sorning. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1981. – 125 p.
269. Ullman, S. Semantic Universals. Universals of language / S. Ullman. – M.I.T. Cambridge (Mass.), 1963. – 270 p.
270. Van Dijk, T.A. Discourse as structure and process / T.A. Van Dijk. – London : Sage, 1997. – 356 p.
271. Vlasyan, G. R. Hedging As a Mitigation Mechanism in Political Interview / G.R. Vlasyan, V. A. Shusharina // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. – 2018. – Volume XXXIX. – P. 745-753.
272. Vlasyan, G.R. Linguistic hedging in interpersonal communication / G.R. Vlasyan // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. – 2019. Vol. LXVI. – P. 617-623.
273. Vlasyan, G.R. Linguistic Hedging in the Light of Politeness Theory / G.R. Vlasyan // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. – 2018. – Vol. XXXIX. – P. 685-890.
274. Weinreich, U. Languages in contact : findings and problems / by Uriel Weinreich, with a preface by Andre Martinet. – The Hague ; Paris ; New York : Mouton Publishers, 1979. – 140 p.
275. Wierzbicka, A. *Lingua mentalis : The semantics of Natural Language* / A. Wierzbicka. – Sydney ; New York : Academic Press, 1980. – 367 p.

276. Zadeh, L.A. Fuzzy Sets / L.A. Zadeh // Information and Control. – 1965. – № 8. – P. 338-353.

Словари и энциклопедии

277. Афоризмы : по иностранным источникам / сост. П.П. Петрова, Я.В. Берлина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Прогресс, 1985. – 494 с.

278. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.

279. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 1. А – О / Т.Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – 1210 с.

280. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова и др. ; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М. : Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.

281. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева; редкол.: Н.Д. Арутюнова и др. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.

282. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; Российская акад. наук, Ин-т русского яз. им. В.В. Виноградова РАН. – 4-е изд., доп. – М. : Технологии, 2007. – 938 с.

283. Сеничкина, Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е.П. Сеничкина. – М. : Флинта : Наука, 2016. – 461 с.

284. Толковый словарь современного русского языка конца XX века : языковые изменения / РАН, Ин-т лингв. исслед. ; Е.Ю. Ваулина и др. – С.-Пб. : Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.

285. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка : около 60000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : АСТ : Астрель, 2004. – 1268 с.

286. Халипов, В.Ф. Политологический словарь / В.Ф. Халипов и др. ; под ред. В. Ф. Халипова. – М. : Высш. шк., 1995. – 191 с.

287. Этика : словарь афоризмов и изречений / сост. В.Н. Назаров, Е.Д. Мелешко. – М. : Аспект-пресс, 1995. – 335 с.
288. Языкознание : большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. – 682 с.
289. Ayto, J. The Oxford Dictionary of Modern Slang / J. Ayto, J. Simpson. – Oxford, New York. : Oxford University Press, 1993. – 299 p.
290. Benson, M. The BBL Combining Dictionary of English / M. Benson, E. Benson, R. Ilson. – М. : Русский язык, 1990. – 286 с.
291. Berg, S. Dictionary of American Slang / S. Berg, H. Wentworth. – New York : Crowell Publishers, 1999. – 743 p.
292. Cummings, L. The Pragmatic Encyclopedia / Louise Cummings. – New York : Routledge, 2010. – 675 p.
293. Holder, R.W. A Dictionary of Euphemisms / R. W. Holder. – Oxford [England] : Oxford University Press, 1996. – 470 p.
294. Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby. – Oxford [England] : Oxford University Press, 2010. – 1056 p.
295. Neaman, J.S. The Book of Euphemism / J. S. Neaman, C. G. Silver. – Hertford : Wordsworth Editions Ltd., 1995. – 371 p.
296. Partridge, E. A Dictionary of Slang & Unconventional English, Routledge & Kegan Paul / E. Partridge. – London ; Melbourne & Herley, 1991. – 1528 p.
297. Pye, L.W. Political Communication / L. W. Pye // The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions. – Oxford ; New York, 1987. – P. 442.
298. Rawson, H. Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk / H. Rawson. – New York : Castle, 2003. – 463 p.
299. Safire, W. Safire's New Political Dictionary: the Definitive Guide to the Language of Politics / W. Safire. – New York : Random House, 1993. – 930 p.
300. The Encyclopedia of Language and Linguistics / R.E. Asher; J.M.Y Simpson. – Oxford ; New York : Pergamon Press, 1994.

301. Webster's New World Dictionary of American English. Third College Edition Indexed Edition / by Victoria Neufeldt, edit. David B. Guralnik. – New York : Macmillan General Reference, 1994. – 1574 p.

Электронные ресурсы

302. Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС) [Электронный ресурс] : сайт. – Режим доступа: <https://tass.ru> (дата обращения: 17.04.2019).

303. МК – Урал [Электронный ресурс] : сетевое издание. – Режим доступа: <https://chel.mk.ru/?noredirect=1> (дата обращения: 17.04.2019).

304. Новая газета [Электронный ресурс] : сайт. – Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru> (дата обращения: 17.04.2019).

305. Особенности и характеристика политического дискурса [Электронный ресурс] : сайт. – Режим доступа: http://otherreferats.allbest.ru/political/00131796_0.html (дата обращения: 17.04.2019).

306. Президент России [Электронный ресурс] : сайт. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches> (дата обращения: 17.04.2019).

307. РБК. Деловое информационное пространство [Электронный ресурс] : сайт. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/17/06/2011/5703e8979a79477633d3441c> (дата обращения: 17.04.2019).

308. Штраф на лицо [Электронный ресурс] : сайт. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2011/01/28_a_3507258.shtml (дата обращения: 18.02.2019).

309. Briefings & Statements [Electronic resource] : website. – Access mode: <http://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-and-remarks> (date of treatment: 17.04.2019).

310. Famous Presidential Speeches. Fireside chats, inaugural speeches, war declarations, and more [Electronic resource] : website. – Access mode: <http://www.infoplease.com/ipa/A0878601.html> (date of treatment: 17.04.2019).

311. Obama Inaugural Address 20th January 2009 [Electronic resource] : website. – Access mode: <http://obamaspeeches.com/> (date of treatment: 17.04.2019) .

312. Obama Race Speech [Electronic resource] : website. – Access mode: http://www.huffingtonpost.com/2008/03/18/obama-race-speech-read-th_n_92077.html (date of treatment: 17.04.2019).

313. POLITICAL SPEECHES [Electronic resource] : website. – Access mode: <http://www.wfu.edu/~louden/Political%20Communication/Class%20Information/SPEECHES.html> (date of treatment: 17.04.2019).

314. Support The Guardian. Available for everyone, funded by readers [Electronic resource] : website. – Access mode: <https://www.theguardian.com> (date of treatment: 17.04.2019).

315. The New York Times Company [Electronic resource] : website. – Access mode: <http://www.nytimes.com> (date of treatment: 17.04.2019).

316. Total Politics [Electronic resource] : website. – Access mode: <http://www.totalpolitics.com/speeches> (date of treatment: 17.04.2019).

317. U.S. Diplomatic Mission to Germany / Public Affairs / Information Resource Centers Updated [Electronic resource] : website. – Access mode: <http://usa.usembassy.de/etexts/speeches/index.htm> (date of treatment: 17.04.2019).

318. USA.gov [Electronic resource] : website. – Access mode: <http://www.usa.gov> (date of treatment: 17.04.2019).

319. Whitehouse [Electronic resource] : website. – Access mode: <http://www.whitehouse.gov> (date of treatment: 17.04.2019).